

The background of the cover is a photograph showing the dark silhouette of a ship's mast and rigging against a bright, colorful sunset sky. The sun is low on the horizon, creating a gradient of orange, yellow, and blue. The ship is positioned on a dark, rocky cliff or island.

Протоиерей
Александр Торик

Флавиан

Восхождение

*Пастырям добрым,
души свои полагающим за «овцы»,
с любовью посвящается.*

Протоиерей
Александр Торик

ФЛАВИАН

Восхождение

«ΑΓΙΟΝ ΟΡΟΣ»

Москва
2011

УДК 82-97+82-312.2
ББК 86.372
Т 60

*Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви*

Стиль и орфография автора сохранены

Торик Александр, протонерей

Т60 Флавиан. Восхождение: Повесть. — М.:
Агион Орос, 2011. — 304 с.
ISBN 978-5-905462-03-0

**УДК 82-97+82-312.2
ББК 86.372**

ISBN 978-5-905462-03-0

© Текст: Торик А.Б.
© Фото: Подгорный А.В.

Знаете ли вы, что такое октопус?

Нет! Вы не знаете, что такое октопус!

Причём не просто какой-нибудь там октопус (греки называют его «хтаподи», а вообще это просто осьминог), а ОКТОПУС! То есть свежий, нежный от длительного отбивания, слегка зарумяненный на гриле (или разморённый в винном соусе, или просто обжаренный в оливковом масле на сковороде), сочный, мягко поддающийся разрезанию столовым ножом, сбрызнутый лимоном, словно кричащий каждой своей присосочкой: «Ну съешь же меня наконец!»

О! Только утончённые поэтические натуры способны оценить всю красоту звучания этого слова ОКТОПУС!

— Лёша! Тебя явно ожидают проблемы на мытарстве чревоугодия, — выслушав мои вдохновенные излияния, подвёл итог Флавиан.

— Грубый вы, батюшка, приземлённый и эстетически не развитый! — отпарировал я, разрезая на тарелке очередную щупальцу своего октопуса-осьминога и обмакивая её в гущу соуса, стараясь зацепить из соуса побольше пряных трав. — Неспособны вы познать «высокую духовную» радость от общения с этим восхитительным обитателем морских глубин!

Разговор этот происходил на открытой веранде таверны «Критикос» в перевалочном пункте всех отправляющихся на Святую Гору Афон паломников — городке Уранополи. Отвыкши за последние годы в Покровском от некогда любимых мною московских ресторанов, в основном рассчитанных на самоутверждающуюся и совсем не бедную публику, я был приятно удивлён «Критикосом» — небольшим, чистым, светлым и опрятным ресторанчиком с невыпендривающейся и доброжелательной обслугой. Здесь за вполне приемлемые для паломника деньги оказалось возможным очень достойно потрапезничать. А как там готовят ОКТОПУСА!

— И вообще! Апостол Павел пишет: «... кто не ест, не осуждай того, кто ест...», и ещё: «... кто ест, для Господа ест, ибо благодарит Бога»! — блеснул я своими познаниями в Священном Писании.

— Аминь! — кивнул Флавиан. — Там же, кстати, сказано: «Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий»!

— Всё! Батюшка! Сдаюсь! Ты меня, как всегда, «завалил»!

— И ещё сказано: «... Царствие Божие не пища и питие, но праведность и мир и радость во Святом Духе». А также: «Пища не приближает нас к Богу: ибо, едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем». И ещё: «Пища для чрева, и чрево для пищи; но Бог уничтожит и то и другое».

— Добил, добил, отец Флавиан! — я всем своим видом выразил глубочайшее смирение. — Ну, хоть остатки-то доесть можно?

— Кушай, Лёша, кушай! Приятного тебе аппетита! — Флавиан обмакнул солидный кусок щупальца своего октопуса в соус и положил его в рот.

И вот так всегда!

Почти два года прошло после первого посещения нами Святой Горы. Сколько воды утекло! Сколько всего произошло за это время!

Во-первых, на нынешнюю Пасху Владыка М-й посвятил отца Флавиана во игумена, пошутив при этом: «Что ли на монастырь тебя какой-нибудь настоятелем поставить, отец игумен?» И, увидав испуг в глазах новоиспечённого игумена, рассмеялся: «Да ладно уж, не бойся! Сиди в своём ненаглядном Покровском, у тебя там и так уже свой “монастырь”!»

Очевидно, Владыка имел в виду поселившуюся в новом приходском доме в качестве «келейницы» к сильно сдавшей матери Серафиме инокиню Клавдию. Да, да, да! Вы правильно догадались! Нашу драгоценную Клавдию Ивановну, после выхода замуж Катюши за лётчика Игоря и отъезда молодожёнов к новому месту его службы оставившую мир и поселившуюся в нашей «обители».

Владыка М-й сам постриг её в иночество. А также послушницу Галину, ушедшую из известного монастыря в соседней епархии, насквозь поражённого борьбой с ИНН, паспортами, штрих-кодами, мобильными телефонами, пропагандой «святости» царя Ивана Грозного и прочими стандартными атрибутами отечественного «зелотства».

Поварившись в этом монастыре более полутора лет и до тошноты нахлебавшись всей полноты «христианской любви» «ревнителей благочестия», она в заключение посидела две недели на хлебе и воде в монастырском «БУРе» (в сталинском Гулаге «БУР» — барак усиленного режима) за отказ впаривать многочисленным паломникам какие-то уж совсем непотребные брошюры про священноначалие РПЦ.

Отказ был истолкован руководством монастыря как непослушание «старческому благословению». «Отмотав срок» и «откинувшись», Галина вышла за монастырские ворота в одном дражном подряснике и такой

же драной вязаной кофте с выкраденным из монастырской канцелярии собственным паспортом в кармане.

Первая же попутная машина, которую она остановила, предупредив, что денег у неё нет, и попросив отвезти ее куда Богу угодно, оказалась машиной архитектора Николая Тимофеевича Бабушкина, близкого друга и прихожанина отца Флавиана. Дав очумевшей от «постной епитимии» послушнице вдоволь прорыдаться на заднем сиденье своего старенького «Вольво», сердобольный Николай Тимофеевич накормил её бутербродами с сыром, напоил крепким кофе из термоса и через пару часов небыстрой езды вручил беглянку в крепкие руки отца Флавиана.

Галину отмыли в Семёновой бане, переодели в новый подрясник инокини Клавдии (срочно ушив его вполовину), поселили в новом приходском доме в келье рядом с кельей матери Серафимы, предложив пожить здесь сколько ей вздумается, до того момента, как она сама определится со своим будущим.

Галина пару недель отсыпалась и отъедалась, посещала все монашеские молитвенные правила и приходские богослужения, подолгу беседовала наедине с матерью Серафимой. После чего, поймав во дворе бабочку Флавиана, рухнула перед ним на колени и заявила, что уйдет отсюда только, если её вынесут мёртвой в гробу. Флавиан вздохнул, перекрестился со словами: «Господи, помилуй мя, немощного!» —

и благословил её оставаться. Так она и стала третьей «насельницей» Флавиановой обители.

— Теперь в нашей «каливе» есть игумен, монахиня, инокия и послушница. Не хватает только схимника, — как-то странно глядя на меня, сказал Флавиан.

— Не сейчас, батюшка! Не сейчас! — замотал головой я, сделав пораженное ужасом лицо. — Схимникам пять детей по уставу не положены! Ты помолись, если надо, и будет тебе схимник!

Не знаю, молился ли о схимнике отец Флавиан, но таковой у нас вскоре появился! И какой! Прямо по самому лучшему схимническому стандарту! Старенький, седенький, худенький, с подволакиваемой после третьего инсульта правой ногой, почти парализованной левой рукой и сияющим непосредственной детской радостью правым глазом (левый почти полностью закрыт глаукомой). Бывший митрофорный протоиерей, бывший настоятель Никольского храма из М-ского благочиния.

Пять лет назад, когда ему исполнился восемьдесят один год, он, тогда ещё отец Доримедонт, овдовел, перенёс подряд два инсульта, после которых и был пострижен, по благословению епархиального архиерея, архимандритом Савватием в мантию. Некоторое время он жил при восстанавливающемся К-ском монастыре, затем последовал третий инсульт, после которого, тоже по благословению владыки, он прямо в больнице был пострижен тем же архимандритом в Великую Схиму.

После больницы он принял приглашение отца Флавиана пожить для восстановления сил вместо суетного городского К-ского монастыря в нашем благословенном Покровском, в новом приходском доме, в отдельной двухкомнатной келейке со всеми удобствами, изначально предназначавшейся самому Флавиану.

Здесь новопостриженному иеросхимонаху отцу Мисаилу так понравилось, что он написал прошение Владыке с просьбой приписать его на покой до конца дней своих к Покровскому приходу. Владыка прошение удовлетворил. Иеросхимонах Мисаил украсил собой нашу обитель, а Флавиан с радостью остался жить в своей тесной, но любимой келейке в старой приходской сторожке.

Отец иеросхимонах, помимо того эстетического наслаждения, которое доставляет русскому верующему христианину лицезрение седобородого старца в схимническом кукуле, принёс с собой и весьма ощутимую практическую пользу приходу.

Во-первых, он взял на себя вычитывание поминальных записок и синодиков и вынимание по ним частиц из просфор на проскомидии, чем значительно облегчил отцу Флавиану жизнь, сэкономив ему немало времени для духовнической работы.

Во-вторых, всю всенощную и литургию до «Херувимской» он и сам исповедовал желающих причаститься прихожан, сидя в углу левого придела на скамеечке,

застеленной домотканым круглым ковриком. За ответами на духовные вопросы отец Мисаил всех отправлял к Флавиану:

— Грехи, деточка, грехи свои называй! Духовник тут отец настоятель, к нему и иди за советом! А мне грехи, деточка, говори, «вся своя безчисленная прегрешения»!

Начавшейся «Херувимской» он вставал со своей скамеечки, придерживая рукой мантию, и «шкандыбал», как он сам выражался, в алтарь, где уже и молился до конца божественной службы и причащался вместе с отцом Флавианом у престола.

Впрочем, иногда он и сам вдруг говорил кому-нибудь что-либо душеполезное, коротенько, но «прямо в десяточку». Да порой и отец Флавиан пользовался возможностью облегчить душу под его схимнической епитрахилью. Одним словом, батюшка к месту пришёлся.

Вот! Ещё из новостей, пожалуй, стоит сказать о том, что наш семинарист Серёженька взял да и женился в конце третьего курса, едва исполнившись ему девятнадцати годкам. Невесту себе он нашёл у нас на клиросе, маленькую, худенькую, молчаливую, с прекрасным звонким голосом и широко раскрытыми васильковыми глазами Дашеньку.

Венчание в нашем храме вы можете себе представить сами! И ошибётесь — было намного лучше! В об-

щем, сейчас Серёженька ждёт своей очереди на диа-
конскую хиротонию (посвящение в диаконы).

Про свою семью здесь говорить не буду, это тема
для отдельного рассказа.

Словом, вернёмся к нашим октопусам!

В конце Светлой седмицы со Святой Горы позво-
нил послушник Игорь.

— Отче Флавиане! Приезжайте к нам в Удел Пре-
чистой Богородицы! Прозорливый старец Папа Гера-
сим из Кавсокаливии вышел из затвора и принимает
всех проходящих к нему за советом. Сейчас ему девя-
носто семь, здоровье слабенькое, сколько он ещё смо-
жет послужить миру, неизвестно. Так что, если хотите
его застать и поговорить с ним, то торопитесь! Рад буду
повидаться с вами и, если благословят, повозить вас на
нашей скитской машине по Афону, я сейчас на послу-
шании шофёра по совместительству. Приезжайте, отче!

Я стал свидетелем этого разговора, поскольку он
проходил по включённой громкой связи во время езды
по разбитой грунтовке на моём «бронетранспортёре».
Мы с отцом Флавианом возвращались из глухой дере-
вушки Ермоловки, где причащали всех трёх, последних
оставшихся в той деревне, старушек. Причащал их, по-
нятное дело, Флавиан, а я, помимо всех прочих води-
тельско-чемодано-носительско-пономарских обязан-
ностей «адъютанта его высокопреподобия», ещё и пел

вместе с Флавианом для счастливых бабушек Канон Святой Пасхи (ну, не Жаровский хор, конечно, но старушкам понравилось)!

И тут этот звонок! У меня аж в груди всё вспыхнуло!

— Отче! Надо ехать! А кто такой этот старец Папа Герасим?

— Монах в скиту Кавсокаливия, русский по происхождению, сын белоэмигранта, офицера царской армии, на Афоне с тридцатых годов. Очень высокой жизни подвижник, мне о нём некоторые, знавшие его ранее, афониты рассказывали. Последние пять лет жил в затворе. Поэтому мы к нему в прошлый раз и не попали, когда на Святой Горе были.

— Отче, а он и в правду прозорливый старец?

— Говорят так, сам не видел. А тебе что, прозорливый старец нужен?

— Мне? Да вообще-то, наверное, не нужен... У меня же есть духовник, вот ты и отдувайся!

— А вот мне нужен! Есть у меня несколько вопросов, относительно которых я своим умом принять решение никак не могу! А от Господа «весточки» не приходит, по грехам моим. Так что готовь наши загранпаспорта, брат «паломник»!

Воистину, если Бог даст, то и «в окно подаст»! Скорость, с какой нам оформили визы, страховки, би-

леты, трансферты и пр., меня просто изумила — через шесть дней после вышеописанного разговора мы с отцом Флавианом уже сходили с трапа самолёта в знакомом нам аэропорту «Македония».

Была весна, и лётное поле встретило нас не тем опаляющим жаром, что в прошлый раз, а радушным мягким теплом и лёгким запахом моря, приносимым нежным ветерком из залива.

Батюшку пожилой греческий таможенник провёл через проход для граждан ЕС, минуя здоровенную очередь российских туристов, вызвав среди них диаметрально противоположные реакции от: «Спаси его, Господи! И здесь верующие люди есть!» до: «Этим по-пам везде халява!»

Выйдя на улицу из аэропорта и ища глазами свой трансфертный микроавтобус, я вдруг увидел стоящую между туристических автобусов мечту «реального джипера» — новенький пикап «Мицубиси L200». Залюбавшись мощным кенгурином с дополнительными фарами, я не сразу заметил вылезающего из-за руля Игоря! Нашего Игоря, в полинявшем подрыснике с приспущенным на бёдра афонским ремнём с круглой крестчатой пряжкой.

— Игорёха, ты?!

— Здорово, брат Алексей! Где батюшка?

— В холле у рюкзаков сидит, караулит, а я вышел трансферт искать.

— Такой трансферт подойдёт? — Игорь, улыбаясь, показал на свой пикап.

— Подойдёт! — раздался сзади нас голос Флавиана, незаметно подошедшего с двумя нашими рюкзаками и сумкой подарков для друзей афонитов — духовными книгами и CD-дисками.

— Ты, батюшка, в следующий раз ещё и меня на плечи посади! — кинулся я отнимать у него рюкзаки. — Уж тогда с гарантией отпоём тебя здесь греческим чином, а то так, глядишь, ещё и не сразу помрёшь от инфаркта!

— Эвлогите, отче! — подошёл благословляться Игорь.

— О, Кириос! — благословил его Флавиан. — Ты как здесь оказался?

— Отец скитоначальник командировал новую бензопилу купить и кое-что из продуктов на рынке в Салониках. А заодно, говоит, захвати сюда и батюшку своего, а то он у пантелеимоновской братии застрянет и к нам невесть когда попадёт! Завтра вместе на пароме и поплывём, да потом через Дафни сразу к нам в скит!

— Спаси Господи твоего отца Никифора!

Два часа дороги до Уранополи пролетели незаметно. Игорь пересказал нам все основные новости афонской жизни: кто пострижен, кто из какой обители в какую перешёл, а кто и совсем переселился «за Петра

и Павла» (в Пантелеимоновом монастыре кладбищенский храм с костницей). Флавиан живо всем интересовался.

— Игорёш! А ты чего совсем не спрашиваешь, что у нас в России происходит? — полюбопытствовал я.

— Лёха! Я хоть ещё и послушник, но всё равно уже вроде как и монах! А монах для мира умирает, и мир для него. Мой мир теперь Святая Гора. Если кто из знакомых умер или родился, ты мне скажи, я их на молитвенную память в свой синодик запишу. А большего мне знать и не нужно и бесполезно.

— Во как! — удивился я.

— Я, Лёша, сам видел, как бесы монахов на ностальгию «раскручивают», вплоть до оставления теми монахами Святой Горы. Смотришь, завёл монах мобильный телефон, начал с Россией перезваниваться, с родными, друзьями старыми, их земными делами интересоваться.

Затем глядь — он уже погрустневший ходит, задумчивый, молитва в нём прекратилась, службы не в радость стали. А потом, через какое-то время, видишь его уже на арсане, с чемоданами, поджидающим паром на Уранополи. И всё! И нет его больше на Афоне!

Только ведь там, в миру, его те же самые бесы и встретят, что со Святой Горы выгоняли, и отнюдь не с ковровой дорожкой и духовым оркестром. Но теперь уже лишённого благодатной защиты Святой Горы.

Есть притча такая, встречается афонский отшельник беса, а у того все плечи истёрты. Спрашивает подвижник: «Ты где так плечи натёр?»

Бес отвечает: «Да вот, на себе приходится монахов на пристань таскать, лишь бы с Афона уехали!» Монах спрашивает: «А что же будет, когда уедут?» Бес говорит: «О! Там уже онн меня на себе возят!»

Поэтому опытные духовники и учат: стал монахом — забудь прежнюю жизнь!

За разговором незаметно пролетела дорога, пикап выехал на последний участок прибрежного шоссе, слева потянулись отели. Машина миновала «Александрос Палас», «Аристотелес», «Ксенню», разные другие курортные заведения и въехала на главную улицу Уранополса.

— Где ночуете, отче? — спросил Игорь Флавиана, медленно ведя машину по неширокой улочке, с обеих сторон застроенной двух-трёхэтажными отельчиками и магазинчиками.

— У Стелноса в «Македонии», как в прошлый раз, — ответил Флавиан.

— Отлично! Сейчас я вас туда и доставлю! А я заночую у грека знакомого, Кириака, у него брат монах в Ксенофонте, и он всегда любых афонитов на ночлег с радостью принимает, как греков, так и русских. Это отсюда недалеко.

Мы въехали на маленькую площадь перед древней византийской башней, повернули налево по набережной, нырнули в переулок и остановились перед маленьким уютного вида отелем со светящейся вывеской «HOTEL MAKEDONIA». Игорь, первым выскочив из машины, принялся выгружать из неё наш багаж, я кинулся ему помогать. Дверь отеля открылась, и из неё вышел невысокий, интеллигентного вида, приветливый грек, хозяин гостиницы Стелиос.

— Калимера¹, Стелиос! — приветствовал его грузно спрыгнувший с высокой подножки пикапа Флавиан.

— Калимера, патер²! Калимера! — заулыбался тот в ответ. — How are you?³

— Поли орео!⁴ — тоже улыбаясь, ответил Флавиан.

— First floor for father! Only first floor!⁵ — завопил я. — У него ноги больные!

— O'key! O'key!⁶ — всё также улыбаясь, закивал Стелиос. — Only first floor! — И взял у Игоря флавианов рюкзак.

Нам на двоих с батюшкой достался самый удобный номер на первом этаже. Расположившись и приняв

¹ Доброе утро! (греч.)

² Доброе утро, отец! (греч.)

³ Как вы? (англ.)

⁴ Все замечательно! (греч.)

⁵ Первый этаж для отца! Только первый этаж! (англ.)

⁶ Хорошо! Хорошо! (англ.)

душ, мы с Флавианом переоделись в чистую одежду и переглянулись

— Батюшка! Есть у меня такое ощущение... — начал я издалека.

— Сейчас прозрю, — улыбнулся Флавиан, — октопусы в «Критикосе»?

— О! Да, отче, они! Они самые! — я закатил вверх глаза. — Я так и вижу, как они призывно машут нам своими поджаристыми щупальцами!

— Хорошо, — кивнул мой добрый батюшка, — пойдём ужинать в «Критикос».

Через полчаса и состоялся тот самый «богословский» диспут, с которого было начато это повествование (смотри начало первой главы).

ГЛАВА 2. МАРИЯ

— Батюшка! Здравствуй! А мы с Микаэлой гадаем издалека, ты это или не ты? Алексей! И ты с батюшкой приехал!

— Здравствуй, Мария! — в один голос возгласили мы с Флавианом.

Про Марию надо рассказать особо. Есть в каждой среде свои неподражаемые, знаковые личности, без которых колорит этой среды теряет свою яркость и самобытность. Есть и вокруг Афона своеобразная «околоафонская среда», состоящая из собственно монахов-афонитов, паломников всех видов и национальностей и местных жителей, в основном занятых обслуживанием и монахов и паломников, не считая, конечно, обычных отдыхающих сезонных туристов. Есть среди местных жителей Мария.

Ещё в первый наш приезд в Уранополи, когда, получив в «Проскинитон Графине» афонские паспорт-диамонитирионы, мы метались по набережной в

поисках не сразу приметной билетной кассы афонского парома, после третьего или четвёртого прохода мимо невысокой, несколько старше среднего возраста гречанки, сидевшей за маленьким столиком около холодильной витрины с мороженым, мы слышали от неё на нормальном русском языке:

— Батюшка! Здравствуйте! Вы, наверное, кассу ищете, вам билеты на корабль нужны? Вы на Афон плывёте?

— Слава Богу! — вывалось у нас. — Вы нам покажете кассу?

— Вот она! — женщина указала на соседние двери, в одной из которых было открыто окошко кассы. — Вы в первый раз здесь, батюшка?

— В первый!

— Вы не стесняйтесь, батюшка, обращайтесь ко мне, если что-то понадобится!

Через пять минут, купив билеты, мы уже сидели — я на раскладном стуле, Флавиан на диванчике — под тентом кафе «ISALOS», уплетая ванильное мороженое, запивая его кофе по-гречески и разговаривая с гостеприимной хозяйкой по имени Мария.

— Мария! Вы так хорошо говорите по-русски, вы из России?

— Я из Грузии! Мы понтийские греки, нас много жило в Грузии, там моя родина!

— А давно вы переехали в Грецию?

— Да около двадцати лет, наверное.

— И вам здесь нравится?

— Да куда ж денешься...

— А почему вы переехали сюда? Захотели жить на исторической родине?

— Война. Гамсахурдия. Тех, кто не грузины, стали убивать. Из нашей деревни все уехали. К нам пришли грузины и сказали: «Кто не уедет, того убьют». Мы все уехали...

— Не будем об этом, Мария, — вмешался в наш разговор Флавиан, заметив, как погрустнели глаза Марии, — мне сказали, что здесь можно купить русифицированную сим-карту для разговоров с Россией по льготному тарифу с мобильного телефона, это правда?

— Конечно, правда! Вам нужна такая карта? Пойдёмте, я покажу вам, где такую карту можно купить! — Мария привела нас в соседний переулок к небольшому магазинчику.

— Мария! А где можно найти хорошее оливковое масло — жена просила взять на обратном пути для детей? — подключился опять я.

— Я вам покажу, где купить! Подходите ко мне на обратном пути, я вам всё покажу, попрошу, чтобы вам продали то, которое лучше!

— Мария! А если мы захотим на обратном пути взять машину, чтобы в несколько святых мест по дороге в аэропорт заехать, вы нам поможете?

— Конечно, помогу! Найду вам машину, без проблем, тут у меня все знакомые! Жильё могу частное найти, если захотите ещё прнехать, недорого, если что-нибудь понадобится, вы обращайтесь, я помогу! Я всем батюшкам помогаю, я люблю батюшек... Да вам пора уже идти! Вон ваш паром уже стоит, не опоздайте!

— Увидимся на обратном пути, Мария!

— Заходите!

Ну, вот и на этот раз мы зашли, конечно, к Марии после октопусов в «Крнтикосе».

— Мороженое будете, батюшка?

— Конечно, Мария! Вот Алексею двойную порцию фисташкового, если я не ошибаюсь, ты его в прошлый раз заказывал?

— Склоняюсь перед вашей памятью, отец Флавнан! Ещё сок апельсиновый, со льдом! Большой стакан!

— Хорошо, — кивнула, записывая заказ, Мария, — а вам, батюшка?

— Воды из холодильника большую бутылку и чашку кофе по-гречески...

— Маленькую! И не крепкого, — грозно глядя на своего духовного отца, уточнил я. — И сперва таблетки; две беленькие и одну красную!

— Хорошо, — вздохнул Флавиан, — маленькую и не очень крепкого! Доставай аптеку, Лёша...

Вскоре мы уже наслаждались каждый своим заказом, сидя на крытой веранде с видом на тихое прозрачное Эгейское море. Двойная порция мороженого в исполнении Марии, после октопусов и тазика (греки почему-то называют его тарелкой) греческого салата, кажется, была с моей стороны ошибкой... Но я старался!

— Благословите, отче! Вы не разрешите к вам подсесть? Вы ведь русские? Паломники на Афон? — к нашему столику подошёл приличного вида человек, лет около сорока, с небольшой аккуратно подстриженной бородой, в чёрной «охотничьей» жилетке с множеством карманов поверх тёмной рубашки с длинными рукавами.

— Бог благословит! Присаживайтесь! Вы правы, мы русские и едем на Афон. А как ваше святое имя?

— Владимир, раб Божий... — он присел на раскладной стул рядом со мной. — Вы на Святую Гору впервые?

— Вторый раз, — отозвался Флавян, — а вы?

— Я в первый! Потому и дерзнул присоседиться к вам, я ведь тут ничего не знаю, в Уранополисе.

— В Уранополисе главное — знать Марию! — откомментировал я. — Остальное она всё сама организует! Мария!

— Вы что-нибудь будете заказывать? — появилась около новопришедшего гостя хозяйка кафе с блокнотом.

Владимир заказал мороженое и кофе. Разговор продолжился.

— А вы, отче, собираетесь подниматься на вершину? — спросил Владимир.

— Собираюсь, — кивнул Флавиан.

— Чего?! — не веря своим ушам, подпрыгнул я. — Какая вершина, батюшка? С вашими ста сорока килограммами на артрозных ногах, ишемией, стенокардией и перенесённым инфарктом?

— Ты ещё атеросклероз сосудов забыл, Лёша, и артериальную гипертензию! — уточнил Флавиан. — На вершину мы пойдём всё равно, так надо! Нет, ты, конечно, можешь подождать меня внизу, в скиту Святой Анны, например...

— Ага! — озверел я. — Вот прям щас! А кто ваши «мощи» с горы спускать будет, когда вы там «отрешитесь от брэнного тела»? Кто их в Покровское в цинковом гробу повезёт для всенародного поклонения и погребения? — Я вытащил из кармана мобильный телефон. — Всё! Звоню матери Серафиме, и пусть она, как лечащий врач, на вас епитимию накладывает!

— Лёша, убери телефон! Нечего старого человека волновать! — Флавиан был спокоен и решителен, я понял, что вершины нам не миновать.

— Понял! — смирился я. — Пусть меня потом ваши прихожане мученической смерти предадут! «Нет больше той любви...»

— Да ладно, Лёшка! Даст Бог — прорвёмся! — подбодрил меня Флавиан.

— Теперь я понимаю, батюшка, почему ты меня заставил покупать эти самые шипастые кроссовки для нас с тобой, — осенило вдруг меня, — и палки, телескопические...

— А вот это очень правильно, батюшка! — поддержал Владимир. — Палки очень нужны, особенно на спуске! Я, когда в горах Тибета к Шамбале поднимался...

— Куда?! — подпрыгнули уже мы вдвоём с Флавианом.

— К Шамбале, — словно про поход на «шопинг» в «Ашай», спокойно отозвался Владимир.

— Вы там были?

— Был. В горах Тибета.

— И Шамбалу видели?

— Нет. Шамбалу не видел. Я в группе единственный был православный, и хотя внешне старался никак от других не выделяться, но про себя постоянно творил молитву Иисусову, «Отче наш» читал, «Богородице Дево, радуйся», Архангелу Михаилу молитву и другие разные молитвы, которые помнил наизусть. Так что интересно, наш опытный проводник, буддист, заблудился. Ходил вокруг какой-то горы, ходил, потом потерял всё своё буддистское бесстрашие, начал злиться и ругаться.

«Не могу, — говорит, — входа в долину найти, хотя много раз там был. Кто-то нас не пускает!»

А потом, на обратном пути, злобно так на меня посмотрел и сказал: «Это ты мне своими «мантрами» помешал!»

— Однако! — переглянувшись мы с Флавианом.

— Владимир! А зачем вы вообще туда пошлн, если уже тогда были православным христианином? — спросил Флавнан.

— Из-за младшего брата, Коли. Он, когда в бизнесе себя уже реализовал, причём вполне успешно, начал духовные ценности искать и увлёкся буддизмом, религией «бон» и вообще восточными культами. Меня с моим православием всерьёз не воспринимал, «слишком примитивно», мол.

А тут какие-то друзья его в экспедицию потянули в эту самую Шамбалу, мол, есть проверенные люди, которые там уже побывали и «просветление» получили. Он, конечно, загорелся. Ну и я с ним в компанию набился, чтобы там за ним присмотреть. Всё же брат младший, не дай Бог ему там как-нибудь «мозги скрутят».

— Не скрутили? — поинтересовался я.

— Не скрутили, — ответил Владимир, — мы когда в отель вернулись, Коля меня спрашивает: «Почему проводник сказал, что ты ему мантрами помешал? Ты какие мантры читал?» Я ему и сказал какие! Он теперь тоже православный, женился недавно на дочке священника, на заочное отделение в семинарию поступать собирается...

— Значит, не зря ваш Коля по горам тибетским по-
лазил, всё-таки получил там своё «просветление»! —
подытожил разговор Флавиан.

— Получил... — подтвердил Владимир.

— Батюшка! — Мария поставила перед нами блю-
до с мокрым, свежавымытым виноградом. — Угоща-
йтесь, за это денег не надо, это от меня! Он только что
сорван, это из виноградника моего соседа!

Вокруг нас шла обычная вечерне-курортная жизнь
уранопольской набережной. Уже стемнело, под тенто-
выми потолками кафешечных веранд зажглись све-
тильники с энергосберегающими лампами.

Бродящий между столиков гармонист с прище-
пленной к баяну, обклеенной скотчем половинкой коро-
бочки от йогурта, для сбора гонорара, кажется, нашёл
русских клантов, так как с соседней веранды разли-
лись «Амурские волны», плавно переходящие в «Сева-
стопольский вальс» (недавно он явно «окучивал» нем-
цев, так как с другой веранды слышны были марши
типа «Дойчнен зольдатен...»).

Вечер был мягкий, еле слышно сквозь негромкий
гул голосов отдыхающих и закусывающих пробивался
слабый плеск прибоя, сопровождаемый нежным запа-
хом морской воды.

Мы молчали, каждый думал и переживал что-то
свое, пощипывая с кистей сочные виноградины.

— Брат Алексей! А не совершить ли нам «чинопослдование опочивания»? — прервал молчание Флавиан. — Завтра день напряжённый будет!

— Вы правы, батюшка! — отозвался Владимир. — Благословите на сон грядущий!

Флавиан благословил.

— Встретимся завтра на пароме!

Попрощавшись с Марией, мы отправились в свой отель, по дороге я негромко напевал «Welcome to the hotel Makedonia!» на мотив «Отеля Калифорнии» группы «Иглз», Флавиан что-то обдумывал, перебирая чётки.

Ну а насчёт «чина опочивания» вышло как всегда!

— Лёш! Ты ложись, — несколько виновато сказал батюшка после прочтения нами в номере молитв «на сон грядущим», — а я ещё немного на балконе с чётками посижу!

— Хорошо! — строго разрешил я. — Немного! И зелёную таблетку прямо сейчас! Мне за тебя перед мать Серафимой отвечать! Сам сказал, что завтра день напряжённый!

— Давай зелёную, — вздохнул Флавиан и потянулся за стаканом воды.

ГЛАВА 3. ДОСТОЙНО ЕСТЬ

Вот и верь потом этим батюшкам!
Когда я проснулся в полседьмого утра по греческому времени — заметьте, своевременно переставленному на моих, как их называет Иришка, «водолазных» часах (а что!? Между прочим, в инструкции к ним заявлено, что до 100 метров глубину держат!), — Флавиан всё так же сидел на балконе с чётками, как я видел его, засыпая! Постель его была даже не разобрана! Я сдержался...

— Лёша, иди сюда! — увидев меня проснувшегося, позвал Флавиан. — Ты послушай, как местные голуби кричат! Совсем не как наши!

Действительно! Я прислушался и услышал гулкое: «У-ууу! У-ууу!»

— И ещё сов много летает, — доложил о своих наблюдениях батюшка, — причём они здесь маленькие какие-то!

Мы собрались, добродушный Стелиос накормил нас завтраком, в «Проскинитоне» мы получили наши

афонские паспорта-диамонитирионы, взяли билеты на паром, отметились у Марии «отходной» порцией мороженого (двойной фисташкового, как вы, наверное, догадались) и маленькой чашечкой некрепкого кофе!

Затем погрузились на паром, предварительно покидав рюкзаки и сумку в кузов подъехавшего пикапа L200 с Игорем за рулём.

Всё! Поплыли!

Паром Афонский! Это отдельная тема...

Во-первых, их несколько.

Тот, на котором мы плыли на Святую Гору в прошлый раз, назывался «Сотирос» — по-гречески «Спаситель». Тот, на котором мы плыли обратно в Уранополи, назывался по имени главной святыни протатского храма в Кариесе — иконы Божьей Матери «Аксион эсти» — «Достойно есть».

Если кто не знает, напомним эту историю. В столице Афона Кариесе (русские обычно называют это поселение Карея), названной так же, как и известная нам дырка в зубе, потому что расположена в некоторой впадине между горными хребтами, есть храм Успения Пресвятой Богородицы, построенный в 335 году императором Константином на месте языческого капища. Сейчас это — главный соборный храм Кариеса, рядом с ним расположен протат или Кинотис — афонский «парламент», и потому этот храм называют ещё протатским.

Несколько веков назад неподалёку от Кариеса была небольшая келия, в которой подвизался один благочестивый «геронда» — старец — со своими учениками. Однажды он с несколькими своими учениками отправился на всенощное бдение в честь Богородичного праздника в Успенский храм. В келии же оставался только один молодой послушник, который, когда пришло время молитвы, зажёл свечи перед необыкновенно красивой иконой Пресвятой Богородицы и приготовился петь ей службу.

Внезапно в двери постучали, и в келью вошёл незнакомый монах благообразного обличья и попросил разрешить ему присоединиться к молитве. Они стали молиться вместе. Когда наступил момент богослужения, в который пелась песнь Пресвятой Богородице «Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога Слова рождшую, Сущую Богородицу Тя величаем!», незнакомец попросил остановить службу.

— Там, откуда я пришёл, — сказал он, — эту песнь поют так: «Достойно есть яко воистину блажити Тя Богородицу, Присноблаженную и Пренепорочную и Матерь Бога нашего! Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога Слова рождшую, Сущую Богородицу Тя величаем!»

— Как прекрасны эти слова, — восхитился молодой послушник.

— Дай мне пергамент, и я запишу их тебе! — предложил незнакомец.

— У нас в келии нет ни пергамента, ни чернил, — огорчился послушник.

Тогда незнакомый «монах» взял лежавшую там каменную плиту и, словно по мягкой глине, пальцем написал по камню текст священного песнопения.

— Отныне всегда пойте так! — объявил он и вышел за дверь. Молодой послушник кинулся вслед за необычным гостем, но, распахнув дверь, не увидел никого. Снег, засыпавший крыльцо келии по самую дверь, не хранил на себе ни одного отпечатка ног «монаха».

Возвратившийся старец, осмотрев чудесную надпись на каменной плите, сказал: «Это был Архангел Гавриил! Говоря «у нас», он имел в виду Небо!»

Плита с текстом новой молитвы была представлена совету старцев в Кариесе, затем послана Вселенскому Патриарху в Константинополь. А на Святой Горе и впоследствии по всей Святой Православной Церкви до сих пор воспевают чудную архангельскую песнь «Достоинно есть яко воистину...».

Паром, на котором мы плыли на Афон в этот раз, был значительно больше, современнее и комфортабельнее, чем два предыдущих. В его большой кают-компании (или как уж там правильно называется это помещение) стоят многочисленные мягкие диваны, между ними столики, мощный кондиционер нагоняет прохладу. Как и в его предшественниках, здесь есть

отдельное помещение для духовенства и монашествующих, солидно всё так, прямо «европаром»!

А называется он — то ли как реверанс русскому монастырю (хотя это вряд ли), то ли из любви греков к самому святому (это скорее) — «Агиос Пантелеимон»! Как и наш русский монастырь (приятно для русского сердца)!

В углу кают-компания небольшой прилавок всё с тем же орлиноносым молодым греком, что «нёс послушание» буфетчика и на двух других паромах. Он, как и прежде, преисполнен самоуважения, неторопливо засовывает в рифлёный электропресс тосты с беконом и сыром внутри, наливает машинный кофе, выдаёт из холодильника «неро» (воду), «Колу» или «Фанту», снисходительно рассчитывается, небрежно бросая сдачу на прилавок.

Я таки смог ему объяснить на моём подзабытом английском, что для батюшки тосты нужны «only cheese»⁷, а бекон из них нужно выложить и положить в два других, для меня (Игорь вообще от тостов отказался). Бармен, наконец-то осознав, что от него требуется, сделал перекладку лепестков бекона с таким видом, будто он вкладывает в тост подмётку от старого ботинка, и небрежно сунул наши тосты в машинку для запекания. Ничего, мы, русские, народ привычный, ещё помним легендарное: «Вас много, а я одна!»

⁷ Только с сыром (англ.)

Дождавшись заказа, я отнёс наши тосты вместе с «неро» для батюшки, кофе для Игоря и «Фантой» для меня на столик, у которого на диване припарковалась вся наша компания. Подойдя, я обнаружил, что, пока я работал снабженцем, к Флавиану с Игорем присоединился некий тип, довольно агрессивно что-то доказывающий моему батюшке. Тип был одет как западноевропейец, и у него был здоровенный профессиональный фотографический кофр. Я присел и прислушался!

— А я вам говорю, — с убеждённостью президента США, выступающего с трибуны перед выборами, вещал «еврофототип», — что христианство потерпело к концу второго тысячелетия своего существования сокрушительное поражение! Всё! Христос для мира — мёртв!

— Это ваш мир мёртв для Христа! — не удержавшись, вставил я.

Не обращая на меня никакого внимания, он продолжал:

— Идёт победитель — исполненный молодой свежей силы ислам! За ним будущее!

— Что вам даёт основание так думать? — спокойно спросил, откусив подсунутый мною тост «only cheese», Флавиан.

— Как — что? — возмутился его собеседник. — Неужели вы сами не видите? В некогда христианской

Европе вы сейчас почти не найдёте практикующих христиан! Именно практикующих, а не заходящих в костёл или кирху в праздник поглазеть на чужие наряды или совершающих матримонию (бракосочетание) в соборе ради красоты обряда!

— Что значит «практикующих»? — опять не удержался я.

— Практикующих, молодой человек, — снизошёл до меня оратор, — значит реализующих свои религиозные принципы в практической жизни, можно сказать, живущих по вере! У нас в Латвии, да и во всей Европе, — а я объездил все европейские страны и могу сказать уверено, — таких практикующих христиан осталось незаметное меньшинство, и оно всё более уменьшается!

— А Россия? — вмешался в разговор Игорь. — Там много настоящих христиан! — Игорь поглядел на Флавиана, тот с аппетитом дожёвывал свой «only cheese», безмятежно запивая его «иером» из запотевшей пластиковой бутылочки.

— А что Россия? — не менее агрессивно отозвался «латвиец». — У вас разве много реальных христиан? Бывал я у вас в России не раз! И что? Купола-колокола, высокопоставленные «подсвечники» в Храме Христа Спасителя! Толстые попы на дорогих машинах, злобные старухи в храмах! А молодёжь на дискотеках и в ночных клубах! Это и есть ваше реальное русское

христианство? А случаи перехода молодых славян в ислам? Они тоже имеют место быть! Где оно, ваше легендарное Христово воинство? Воины ислама занимают его место! За ними будущее!

— Простите, а на Афон-то вы зачем едете? — поинтересовался Флавиан.

— Профессиональное любопытство, — улыбаясь, ответил исламофил, — я фотограф, работаю сразу на несколько журналов. Хочу посмотреть и запечатлеть уходящее христианство в его, как говорят, последнем заповеднике, или, правильное сказать — резервации!

— Понятно, — опрокинув остатки воды в рот, вздохнул Флавиан. — Вы читали Евангелие?

— Ну, я просматривал Библию когда-то, — несколько смутившись, ответил латвийский фотограф, — и не могу сказать, чтобы эта книга меня сильно увлекла.

— Также понятно, — опять вздохнул Флавиан, — иначе вы обратили бы внимание на то место в Евангелии, где Христос называет своих учеников «малым стадом». Дословно: «Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство». Евангелие от Луки, глава двенадцатая, стих тридцать второй.

То есть изначально предполагалось, что истинных последователей учения Христа будет не так много, как противников этого учения. И мы видим, что из многих тысяч слушавших Господа Иисуса в трёхлетний период

его проповеднической миссии лишь двенадцать и семьдесят стали носителями Его учения о Царствии Божьем.

Но это малое число истинных учеников своей проповедью, подкреплённой свидетельством Святого Духа, переменяло мир, подобно евангельской «закваске». Кстати, закваска всегда составляет лишь малую процентную долю в общей массе теста!

А раз уж вы сравниваете «воинство христианское» с «армией ислама», то позвольте задать вам следующий вопрос: кто достойней уважения и кто может называться победителем — маленький, потрёпанный в непрестанных сражениях, ободранный, полуголодный, израиельский, но не уступивший своих позиций отряд или большая, мощная, хорошо вооружённая, но никогда не воевавшая армия?

— По-моему, ответ очевиден, — ответил батюшкин оппонент, — но на чём вы основываете именно такое сравнение?

— На истории последних двух тысяч лет, в течение которых христианская церковь с апостольских времён подвергалась идейному, моральному и физическому геноциду со стороны иудеев, римлян-язычников, еретиков, раскольников, варваров, масонов, оккультистов, революционеров всех мастей, псевдонаучной интеллигенции, большевиков, фашистов, коммунистов, неогуманистов, восточных и псевдовосточных сект и т.д.

и т.п. Причём велась и ведётся эта война на уничтожение христианства как извне, так и изнутри, на территориях самих христианских государств!

И заметьте, Православная Христианская Церковь выстояла, сохранила апостольскую чистоту верования, преемственность благодати священства и единство в Таинствах! Пусть истинных христиан, тех, для кого евангельское учение является конституцией их жизни, меньше, чем христиан формальных, являющихся таковыми только по имени, или «теплохладных» в вопросах веры, сосредоточенных на мирских преходящих ценностях!

Но они — истинные христиане — есть! И их число у нас в России умножается! На смену пресловутым «старухам у подсвечников» приходят новые, молодые, состоявшиеся в жизни прихожане, достигшие определённого уровня познания ценности мирских благ и ищущие высшего, духовного смысла своей жизни!

А с кем, простите, воевал ислам? Родившись изначально в благотворной для себя среде, он вырос, словно мутантное онкологическое новообразование на теле Библии, впитав в себя идеи иудаизма, христианства и язычества и перекрыв эти идеи своим новым постулатом — правом распространения этой религии копьём и мечом.

Ислам как религия за всю свою историю не претерпел ни одного серьёзного гонения или внешнего на-

падения, если не считать таковым раскол на течения суннитов и шиитов, каждые из которых продолжили нести учение Мухаммеда в окружающий мир на остриях своих кривых сабель!

Даже приснопамятные Крестовые походы не ставили собою цель уничтожения мусульманского учения как такового или поголовного уничтожения последователей Корана. Лозунгом крестоносцев было освобождение от «неверных агарян» священных для христианского мира территорий в Палестине, связанных с Библейской историей!

Принципиальная разница наших религий состоит в том, что христиане готовы умирать за свою веру, а мусульмане готовы убивать за неё. Вы слышали про молодого русского солдата Женю Родионова, попавшего в плен к чеченским бандитам и который три месяца претерпевал пытки и издевательства, но не отрёкся от своей веры и не снял свой нательный крест, как того требовали «воины ислама». А в заключение был мучительно убит за свою веру?

— Да, я слышал эту историю, одно время она приобрела широкую огласку и у нас, на «западе», — отозвался латвиец.

— Так кто из них победитель, Женя или его убийцы?

— С точки зрения христианской, конечно, Евгений, — ответил фотограф.

— А с вашей, «западной», «общечеловеческой»?

— Да, пожалуй, тоже он...

— А вы про какую-то «победу ислама»! До тех пор, пока христианство рождает таких воннов, как Женья, про поражение христианства говорить несерьёзно!

Сила христианства в том, что христианский Бог есть Любовь, а мусульманский... Впрочем, если вам будет интересно, вы сами можете поглубже изучить эти веры и «почувствовать разницу».

— Знаете, батюшка, — задумчиво проговорил Флавьянов собеседник, — вы дали мне интересную информацию к размышлению, пожалуй, я не пожалею времени на более глубокое знакомство с предметом нашей беседы...

— Господь вам в помощь! Кстати, как ваше святое имя? Вы крещены?

— Эдуард. Крещён я в детстве в православной церкви в Риге с каким-то смешным именем Уар! Я даже не знаю, в честь какого святого я так назван!

— В честь святого мученика Уара, пострадавшего при императоре Максимяне. Он помнится вместе со святыми Клеопатрой и её сыном Иоанном. Почтайте их житие, оно тоже даст вам дополнительное представление о христианстве как о религии непобедимой.

— Благодарю! Надеюсь, мы ещё увидимся на Афоне?

— Как Бог благословит! Всего доброго!

Латвиец-фотограф Эдуард отошёл от нашего дивана и, усевшись невдалеке на другом угловом диванчике, вытащил ноутбук и углубился в него.

— Как вам, батюшка, «only cheese»? — поинтересовался я. — Надеюсь, этот исламофил не испортил вам аппетита?

— Он не исламофил, Лёша, — вздохнул Флавиан, — его, так же как и нас с тобою, любит Господь и, я думаю, неспроста привёл его на Святую Гору...

— «Агиос Пантелеимон»! — прогремело из динамиков в кают-компании.

— Следующая наша — «Дафии», — вставая, сказал Игорь, — спускайтесь на палубу, я буду ждать вас в машине!

ГЛАВА 4. СТАРЦЫ

Маленькая пристань Дафни встретила нас мини-столпотворением, обычным при приходе туда большого парома. Это столпотворение бывает здесь один раз в сутки в течение получаса, когда с большого парома (в нашем случае это был «Агиос Пантелеимон») сходят монахи и паломники, часть которых пересаживается затем на малый паром (это всегда «Агия Анна») для того, чтобы плыть далее вдоль западного побережья Афона.

«Святая Анна» выходит из Уранополиса раньше большого парома, и пока он, не торопясь, доберётся до Дафни, она уже успевает проплыть до окончания полуострова, выгрузить пассажиров по арсанам монастырей, находящихся в южной оконечности Святой Горы, забрать с тех же арсан паломников и монахов, едущих в сторону Дафни и Уранополиса, и, прибыв в Дафни, дожидаться прибытия большого парома.

Кроме пересаживания на «Святую Анну», пассажиры большого парома пересаживаются на несколько микро- и просто автобусов, которые идут затем в сторону Святой Горы — Кариес. Некоторых приехавших встречают монастырские машины (в основном это пикапы и джипы), а некоторые и сами съезжают с большого парома, подобно нам в этот раз, на разных автомобилях (кроме пикапов и джипов, на палубе обычно бывает немало грузовиков со стройматериалами).

В то время как происходит разгрузка большого парома, у кассы и пропускного таможенного пункта уже толпится народ, готовящийся отплыть в сторону Уранополиса. В принципе, за билетом можно и не толкаться у кассы, а купить его уже взойдя на борт парома, но таможенный досмотр проходить всё равно придётся. Устроена эта таможня с целью не допустить вывоза со Святой Горы религиозно-исторических ценностей и прочего антиквариата. Но смотрят таможенники багаж, как бы это сказать, не сильно зверствуя!

После разгрузки большого парома происходит его загрузка машинами и уже «отаможенными» паломниками, после чего большой паром уходит в сторону Уранополиса, попутно заходя по второму разу на все монастырские арсаны.

Народу в Дафни резко убавляется. Затем уходит «Святая Анна» к южной оконечности Святой Горы, и в Дафни воцаряется полный штиль. Разве что парочка

каких-нибудь «заблудших» паломников или рабочих не спеша допивает свой кофе под навесом единственной в Дафни таверны, содержанием которой является русскоязычный грек Янис. Про Яниса нужно рассказать особо, ибо и он, подобно Марии в Уранополисе, для околоафонского общества есть фигура знаковая.

Когда мы в первый раз посещали Святую Гору, то в один из последних дней нашего там пребывания решили посетить ближайший к Пантелеимону греческий монастырь «Ксиропотаму» (обычно русские называют его «Ксиропотам»). Монастырь этот является по устройению своей внутренней жизни «исихастирием» (исихия по-гречески — молчание), то есть обителью углублённой молитвенной жизни, и в связи с этим, ради создания соответствующей внутреннему сосредоточению атмосферы, всячески ограничивает свои сношения с внешним миром.

В том числе он открывает свои ворота для посещения святынь, главная из которых — большая часть древа Животворящего Креста Господня — только в одиннадцать часов утра по греческому времени и только для прохода паломников от ворот до храмового предела со святынями и обратно.

Узнав об этом, мы с Флавианом и присоединившимся к нам в Пантелеимоне паломником из Калуги по имени Анатолий отправились в Ксиропотам с утра после литургии и уставной общей трапезы. Идти предпо-

лагалось около часа, поэтому мы, с учётом батюшкиного телосложения и здоровья, а также тропинки, поднимающейся пусть невысоко, но практически на всём протяжении вверх по склону идущего вдоль побережья предгорья, вышли за два часа (о чём, кстати, потом не пожалели).

Маршрут предполагался такой — подъём от Пантелеимона до Ксиропотама, ожидание открытия монастыря в одиннадцать ноль-ноль, посещение святынь, затем спуск, уже по бетонированной дороге, идущей мимо Ксиропотама от Дафни до Кариеса, вниз к Дафни, ожидание парома, затем на пароме возвращение в Пантелеимон. Вроде как простенько всё!

Но, как обычно, реальность внесла свои коррективы в наше маленькое путешествие. Во-первых, мы заблудились. Несильно, правда, километра полтора всего промахнули мимо нужного нам поворота, но зато как раз на открытом участке, под солнышком и в гору. Словом, пока разобрались и вернулись «на путь истинный», те самые полчаса, которые мы планировали провести в тени беседки у входа в монастырь, отдыхая перед открытием ворот, мы благополучно проливали пот под жарким уже утренним греческим солнцем.

Да тут ещё и паломник этот, Анатолий, «грузил» моего батюшку своими разговорами, словно не видя, что батюшке и без того тяжело дышится на подъёме! Да ещё и чем «грузил»!

— Скажите, отец Флавиан, а на Афоне сейчас есть «старцы»?

— Каких старцев вы имеете в виду, брат Анатолий? На Афоне есть два варианта понятия «старец»: «геронда» и «авва». «Геронда» означает умудрённого опытом наставника, этим именем называют всех настоятелей монастырей и скитов. А название «авва» означает святого человека, за подвиги святой жизни удостоившегося от Бога духовных дарований. Геронда на Афоне много, говорят, что есть и аввы! Так вас какой из них интересует?

— Мне бы такого, чтобы прозорливый был!

— А, простите нескромный вопрос, зачем вам прозорливый старец?

— Ну, как — зачем! Он бы на меня посмотрел и сказал бы про меня всё такое, чего я, может быть, и сам не знаю, и я бы тогда всю свою жизнь изменил на более правильную!

— А что вам сейчас не даёт изменить свою жизнь на более правильную, Анатолий?

— Ну как — что? Ну, я не знаю, наверное, нужен толчок какой-нибудь сильный, самому так как-то не получается...

— Так что же вы толчка-то извне ждёте, вас никто не столкнёт с «мёртвой точки», если вы не сделаете этого сами! В Евангелии сказано: «...Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его...»! И это усилие каждый, кто считает себя хри-

стианином, сам должен употреблять для движения вверх к Богу по лестнице духовного совершенствования. Она не эскалатор, который повезёт вас вверх, если какой-нибудь старец «нажмёт кнопку включения»!

Эту «лествицу духовную», замечательно описанную преподобным Иоанном Лествичником, скорее можно уподобить наружной пожарной лестнице, как на пятиэтажных «хрущовках», на которой каждая ступенька требует усилия всех мышц тела.

Или ещё её можно уподобить подъёму на крутую высокую гору во время наводнения. Потоки воды прибывают, заливая всё вокруг, и твой выбор прост: либо оставайся внизу и утопай, либо, обдирая о камни руки и ноги, изо всех сил карабкайся по скалам вверх, туда, где спасение. В такой ситуации вряд ли бы вы стали ждать, пока какой-нибудь старец скамандует вам: «На старт! Внимание! Марш!»

— Ну, в такой ситуации, конечно...

— А вы поверьте, ситуация именно такая и есть! Вокруг нас сейчас уже не просто «житейское море, воздвигаемое ... напастей бурей», вокруг нас сегодня просто «девятый вал», захлёстывающее падший мир «цунами» воинствующей бесовщины, которая, словно на дрожжах, разрастается на греховных страстях, всё разрушительнее поражающих душу современного человека, живущего без Бога! Вы никогда не занимались альпинизмом?

— Нет! У нас, в Калуге, высоких гор нету.

— А я по молодости немного занимался и могу привести такое сравнение: Христос, как впереди идущий альпинист, проложил нам по скалам тропу спасения и, стоя наверху, держит в руках спасительный страховочный трос, ухватившись за который, мы можем безбоязненно продвигаться наверх, зная, что если мы поскользнёмся или оступимся, Господь не даст нам упасть в пропасть, но поддержит и спасёт в любую минуту! Но только ножками-то шевелить, чтобы подниматься, нам надо самим!

— Батюшка! — встрял я. — Так ведь у альпинистов есть инструкторы, которые не выпускают неподготовленного человека на опасную тропу!

— Да, батюшка, — поддержал меня калужанин Анатолий, — как же без инструктора? Я и говорю — нужен старец!

— Для начала нужен не старец, а просто духовник! — ответил Флавиан. — В автошколах ведь не Шумахеры начинающим азы вождения преподают, а просто грамотные профессионалы-инструкторы, да и с насморком тоже не к профессору идут, а к участковому терапевту.

Другое дело, когда сам участковый терапевт с особо сложным случаем больного к профессору направит, тогда, конечно, нужно к профессору и обращаться. А то ведь профессоров насморками замучают, некогда им будет сложные проблемы решать!

Что у нас, в церковной жизни, к сожалению, часто и происходит, когда к старцу идут с вопросом: козу спасительнее комолую покупать или с рогами? А то рогатая будто бы на «чёрта» из сказки похожа... Не смейтесь, я сам был свидетелем этого вопроса, да и других, ещё более глупых, на приёме у батюшки схиархимандрита Гавриила в Никольском, благодатного старца, кстати...

— А он чудеса совершал, этот батюшка Гавриил? — встрепенулся калужанин. — Он был прозорливым, он вам прозрел что-нибудь?

— Да как сказать, наверное, прозрел, — Флавиан задумался. — Мозги, сказал, тебе, физик, мешают, сердцем работай! И на автобус последний бежать велел...

— И больше ничего не сказал? — разочарованно протянул Анатолий. — Ни про прошлое, ни про будущее?

— Ни про прошлое, ни про будущее! — подтвердил Флавиан. — А с мозгами и сердцем я и вправду с тех пор и до сегодняшнего дня всё разбираюсь, чтобы они совместно и слаженно одну работу делали...

— А почему же, батюшка, сейчас со старцами такой дефицит, — помолчав, спросил Анатолий, — почему сейчас не стало настоящих чудотворцев?

— Да нет, — вздохнул Флавиан, — с «чудотворцами», в кавычках, правда, всё в порядке, полно их! Одни

искренне с ума сошли и своё сумасшествие среди доверчивых простаков распространяют, такими же безумцами их делая. Другие, можно сказать «коммерческие безумцы», на своём «безумии» ещё и деньги немалые делают, пользуясь спросом у невоцерковлённого народа на чудеса и на чудотворцев! Целые коммерческие секты вокруг таких «чудотворителей» создаются!

— Как — секты? — удивился Анатолий. — Секты — это же которые другой веры, не христианской!

— Очень даже христианской! Внутри самой что ни на есть православной христианской веры сейчас секты и создаются, — ответил ему Флавиан. — Поскольку доверие большинства людей в нашей стране российской именно к православному христианству расположено, то на этом доверии жулики от религии да одержимые прелестью «младостарцы» сейчас свой урожай и снимают! И какой! Ладно бы только деньги у простаков забирали, кому-то и это наукой послужит, а то ведь скольким людям мозги свихнули, здоровье и телесное и душевное навсегда угробили, сколько жизней поломали! И продолжают ломать...

— Что-то, батюшка, я не пойму, как это внутри православия сектанты могут завестись... — недоверчиво покачал головой калужанин. — Ведь, как я понимаю, либо ты православный, либо сектант, не может же быть сектант православным?

— Правильно рассуждаете, брат Анатолий! — поддержал его Флавиан. — Именно так — не может быть сектант православным! Считать себя таковым может, но быть — никак! А считать себя можно и Наполеоном или инопланетянином, таких тоже хватает...

— Всё-таки скажите, — не унимался Анатолий, — где вы, отец Флавиан, таких «православных» сектантов видели или знаете?

— Да вот, например, недалеко от нашего прихода, километрах в восьмидесяти, в соседней епархии, целый Б-ский монастырь!

— Девяноста три километра по спидометру, — уточнил я.

— Как — Б-ский монастырь! — поразился калужанин. — Это же наш православный монастырь, там даже старец какой-то был, я так слышал, или и сейчас есть!

— Есть «старец», — подтвердил Флавиан. — Именно этот «старец», а правильнее будет сказать «лжестарец» или «младостарец», целый православный монастырь в секту и превратил, в настоящую тоталитарную секту, если уж пользоваться современным термином.

— Что значит «тоталитарную»? — спросил Анатолий. — Чем она от простой, не тоталитарной секты отличается?

— Тем, что в простой, или «классической», секте человеку просто предлагают некое религиозное учение,

отличное от обычных, традиционных религий, и предлагают уверовавшему в это учение стать членом их общины, или организации, оставляя за человеком право выхода из неё в любое время, не покушаясь на его имущество и состояние, а ограничиваясь умеренными добровольными пожертвованиями.

Тоталитарная — от слова «тотальный», то есть всеобъемлющий, я бы даже сказал, всепоглощающий. Именно такую власть над своими членами, точнее сказать — «адептами», стремятся приобрести лидеры тех религиозных организаций, которые мы называем «тоталитарными сектами». Причём не просто власть над религиозной стороной жизни человека, но и над всем его существом: сознанием, поведением, имуществом, телом и душой.

А уж для получения такой власти над людьми лидеры тоталитарных сект сознательно идут на ложь, подтасовку, психологическое и физическое насилие над своими адептами, используя при этом самые различные способы воздействия, включая оккультные, современные научно-психологические разработки вроде «нейролингвистического программирования» или «промывания мозгов», порой даже просто гипноз.

Прошедший такую массированную — тотальную — обработку адепт становится безвольным, бессознательным рабом своего руководителя, источником обогащения, удовлетворения его властных

амбиций или сексуальных вожделений. Причём адепт всё время должен быть уверен в «святости» своего лидера и его праве совершать с самим адептом всё вышеупомянутое.

— Да ну! Просто ужас какой-то вы, батюшка, рассказали! — поёжился Анатолий. — Неужели такое может твориться в православном монастыре?

— К сожалению, не только может, но и реально творится, — вздохнул Флавнан. — Эту общину уже не называть-то православным монастырём просто кощунственно. Ведь что такое по определению православный монастырь? Это семья, соединённая евангельской любовью ко Христу и друг к другу, во главе которой стоит пастырь и наставник, сам эту Божественную любовь стяжавший и своих чад духовных этой любви обучающий!

А во главе Б-ского монастыря стоит одержимый самомнением и властолюбием старый священник, противопоставивший бредовые раскольничьи измышления учению Церкви, обманом и запугиванием удерживающий в подчинении своих одурченных и безвольных послушниц, вынуждаемых им распространять его «старческие откровения» об антихристе и последних временах в среде многочисленных паломников этой древней исторической обители.

А если кто-то пытается от его духовной тирании освободиться, на того сразу падают проклятия,

«анафемы» и наказания, вплоть до заключения в холодный подвал с крысами на хлеб и воду для «покаяния». Кто пытается остатки здравого смысла сохранить, сбегают. К нам на приход уже несколько таких беглянок каяться прибегали, много рассказали «интересного»...

На твой вопрос, почему сейчас такое оскудение настоящего благодатного старчества, что тебе сказать? Мне повезло, я ещё нескольких настоящих старцев застал при их жизни, даже пообщаться счастье имел. С батюшкой Николаем на острове, со старцами Гавриилом и Селафиилом в Троицкой Лавре, с несколькими в Печорах... У одного из них и спрашивал то же самое: отчего благодатных старцев сейчас так мало?

— И что он вам ответил? — не выдержал Анатолий.

— Старцев, сказал, сейчас нет, есть только старики! А старцев нет, потому что нет послушников истинных, готовых своей воли отречься и волю Божию из уст старца принимать. Перевелись послушники, не даёт Господь и старчества, больно себялюбивыми стали люди, даже церковные...

— Грустно как-то! — вздохнул Анатолий. — А я-то думал, что, может быть, хоть на Афоние настоящего старца увижу!

— Да, может, и увидишь! — утешил его Флавиан. — Если на то воля Божья есть! Ты помолись так: «Госпо-

ди! Если есть на то Твоя святая воля, сподоби меня встретиться с благодатным старцем!» Сказано в Евангелии: «Просите, и дано будет». Если человек чего-то духовно правильного и для себя душеспасительного искренне хочет и у Бога просит — обязательно даёт ему Господь! Проси, если считаешь, что для спасения души тебе встреча со старцем нужна, проси без сомнения...

— А и попрошу, батюшка! — решился Анатолий. — Вот возьму и помолюсь, как вы сказали!

— Пришли! — прервал беседу грубый я. — Ксиропотам!

Перед нами поднялись стены монастыря.

ГЛАВА 5. ЯНИС

Путь от Ксиропотама к Дафни, в отличие от пути к Ксиропотаму от Пантелеимона, шёл всё время под гору, спускаясь к побережью, причём по широкой, бетонированной не «по-советски» автомобильной дороге, соединяющей Дафни и Кариес. Под гору идти было легче, но...

Весь путь по открытой дороге был основательно прожигаем полдненным средиземноморским солнцем, а это, знаете ли, в июле ближе к пятидесяти по Цельсию! Даже я со своей поджарой комплекцией был близок к расплавлению, а уж что доводилось претерпевать «широкоформатному» Флавиану — страшно было и представить! Даже надоедливый Анатолий перестал мучить батюшку своими расспросами.

Слава Богу, хоть не так далеко было идти, не более полутора-двух километров! Но всё равно, когда мы вошли на территорию порта, я всерьёз боялся — не хва-

танул бы батюшку опять инфаркт или инсульт — выглядел он плоховато.

Орлиным взором углядев среди немногочисленных зданий на набережной небольшую таверну, я твёрдой рукой направил к ней наш отряд и, затащив Флавиана в глубь помещения, быстро усадил его на свободное место в углу. Затем кинулся к сидящему за столиком неподалёку седовато-курчавому греку, комплекцией почти не уступающему Флавиану, одетому в светло-голубую широкую футболку с лакостовским крокодилчиком на кармане и поношенные спортивные брюки с вытянутыми коленками. С солидностью, явно выдающей в нём хозяина заведения, он что-то вычислял на калькуляторе, делая пометки в лежащем перед ним блокноте.

— Please! Water! Как это по-гречески... Металлическо неро! — вспомнил я изучавшийся мною в самолёте словарь-разговорник.

— Вы можете говорить по-русски! — подняв голову, сверкнул весёлыми глазами солидный грек. — Дмитрий! — Он повернулся к стоящему за стойкой невысокому сухощавому парню. — Дай батюшке большую бутылку воды из холодильника!

— Без газа! — уточнил я.

— Пожалуйста! — также по-русски ответил Дмитрий, доставая из холодильника большую запотевшую бутылку минеральной воды. — Вот, стаканы возьмите! С вас один евро.

«Везде наши!» — отметил я про себя, доставая из кармана портмоне.

— Вы русские? — поинтересовался я у хозяина, напив Флавиана и убедившись, что он, вероятно, всё-таки выживет после нашего марш-броска по палящему солнцу.

— Почему русские? Мы греки, понтийские греки! Просто жили раньше в Советском Союзе, потому и говорим по-русски! — ответил мне он.

— А! Вы, наверное, тоже из Грузии! — вспомнив о Марин, предположил я.

— Почему из Грузии? — возмутился из-за стойки Димитрий. — Почему все считают, что все понтийские греки приехали из Грузии?

— Ну, — смутился я, — Мария на набережной, водитель Григорий, они из Грузии...

— Янис, — Димитрий показал рукой на хозяина заведения, — из Казахстана, а я из Краснодарского края России! Но мы все — понтийские греки!

— Простите-извините, — поднял я руки, — я думал, что слово «понтийские» означает какой-то район в Грузии, где живут греки!

— «Понтийские» — значит «морские», точнее, приморские, живущие около моря, — раздался голос Флавиана. — Изначально так называли греков, живущих в городах-колониях на побережье Чёрного моря, по-гречески — Понта Эвксинского. А уж с побережья

Чёрного моря они и расселились по всей территории бывшей Российской империи, впоследствии ставшей СССР.

— Это правильно, батюшка всё правильно говорит! — закивал головой Янис.

— А то все заладили — Грузия, Грузия... Да я там и не был никогда! — удовлетворённо проворчал Димитрий.

— Вы не жалеете, что переехали сюда, в Грецию? — снова поинтересовался я. — Всё-таки жизнь пришлось начинать сначала, в новых условиях?

— Конечно, не жалею! — удивился вопросу Янис. — Здесь хорошая жизнь, у меня бизнес хороший!

— Вы имеете в виду эту таверну? — уточнил я.

— Почему только таверну? — рассмеялся он. — У меня здесь маленькая гостиница есть, два катера скоростных как такси ходят! Надо будет по морю быстро куда-нибудь доплыть — обращайтесь! Звоните, и Янис вас из любого места на Афоне куда надо доставит!

— Вот! Это актуально! — зашевелился в углу Флавиан. — Янис! Вы разрешите записать ваш телефон?

— Конечно! Вот, возьмите, — Янис подал Флавиану листок с телефоном. Его небритое округлое лицо светилось довольством и самоуважением.

— А можно ли попросить... — Флавиан осторожно покосился на меня.

— Не можно, — отрезал я со сталью в голосе, — я тиран и самодур, поэтому никакого кофе тебе, батюшка, не будет! После такой прогулки по жаре! Да мать Серафима...

— Всё! Сдаюсь! Не надо про мать Серафиму! — грустно вздохнул Флавиан.

— То-то же! — победно резюмировал я.

Янис и Димитрий заулыбались.

То было в прошлый визит. А нынче, подплывая к Дафни, я сразу увидел на пристани величественную фигуру с курчавой шевелюрой, в которой заметно прибавилось седины. Янис был в фиолетовой, слегка вылинявшей футболке и тех же выдавших виды спортивных штанах, однако достоинство, с каким он отдавал кому-то распоряжения, одновременно разговаривая по радиотелефону и держа подмышкой пакет, скорее соответствовало бы наличию на нём генеральского мундира и брюк с лампасами.

— Почётному генерал-губернатору Дафни наше почтение! — приветствовал его я, сойдя по трапу на набережную (Флавиан с Игорем, сидя в машине, ожидали своей очереди съехать с парома).

— Ну, ты уж скажешь! — сверкнув весёлыми глазами, изобразил смущение на своём широком небритом лице «генерал-губернатор». — Здравствуй, здравствуй!

— Пирожки слоёные с картошкой есть? — спросил я.

— Есть! Конечно, есть!

— А со шпинатом? И с луком?

— Всё есть, дорогой! Заходи, там Дмитрий за стойкой!

— Катера плавают? Как с клиентом?

— Хорошо с клиентом! Только успеваем поворачиваться!

— А экономический кризис?

— Какой кризис? Не знаю никакого кризиса! У меня здесь нет кризиса! — Янис мечтательно вздохнул. — Я тут хотел вертолёт прикупить, хороших людей перевозить, даже Дмитрия на лётные права выучил! Не разрешили...

— Ну не беда! — утешил его я. — Можно не вертолёт, другое что-нибудь, подводную лодку, например...

— Подводную лодку? — поднял брови Янис. — Надо подумать...

Пока Игорь свёз с парома на афонскую землю моего дорогого батюшку, я уже успел затовариться у Дмитрия пакетом со слоёными пирожками: с картошкой, шпинатом, луком, сыром и с яблоками!

Пикап медленно пробрался сквозь толпу оживлённо загружающихся на микро- и просто автобусы,

а также пикапы и джипы отиюдь не лощёного иноворусского вида паломников и монахов с их рюкзаками, сумками и коробками. Дорога начала подниматься вверх, обогнула Ксиропотам, поползла дальше к Карнесу.

— Батюшка! Давайте заедем по дороге в Семионовскую келью, к нашим русским ребятам? — Игорь повернулся к Флавиану. — Тут недалеко, рядом с Карнесом!

— А кто эти ребята, Игорь? — поинтересовался Флавиан.

— Русские, иеромонах Херувим москвич, пятнадцать лет на Святой Горе, иеродиакон Фома из Сибири, тоже более десяти лет здесь. А ещё с ним сейчас монах Лука, старичок заятыый, бывший сирوماха, год назад к ним прибился, тот и вовсе около тридцати лет на Афоие. Он уже и сам забыл, откуда он, или говорит, что забыл, но «г» у него конкретно украинское!

— Игорь! — вмешался я. — А что есть «сирوماха»?

— Бродячие монахи, Лёша, бомжи, можно сказать, афонские, которые не живут в каком-то конкретном месте, монастыре, скиту или келии, а путешествуют по всему Афою от одной обители в другую, в основном по панегирам.

— Панегирам? — переспросил я.

— Панегир — это праздничная служба, — пояснил Игорь, — что-то вроде наших престольных праздников. В этот день, по афонской традиции, в обители, где

панегир, обязательно принимают всех. Разместят, накормят, причём в панегиры и трапеза ставится праздничная, побогаче, чем обычно, даже с вином. Вот многие сиромахи этой традицией и пользуются; там подкормятся, тут выпьют за здоровье насельников, здесь отоспятся, глядишь, и год прошёл!

— А зимой-то как же? — удивился я.

— А что зимой, — ответил Игорь, — зимы здесь короткие, снег всего на несколько дней в году выпадает. Уж если у нас, в России, бомжи находят, как перезимовать, то тут это вообще не проблема! Бывалые сиромахи всегда знают, где строительный вагончик пустует, где ничейная келья не сильно разрушена, где какой-нибудь келиот за харчи и кров работёнку подбросит и т.д. и т.п. А по теплу так тебе под любым кустом келья!

— А чего же они в монастырях не живут? — продолжал удивляться я — там и стол, и кров, и молитва!

— Добавь ещё и послушание, и терпение немощей братии, и жизнь не по своей воле, а по благословению! — добавил реплику Флавиан.

— Так, батюшка! — поддержал его Игорь. — Хотя есть и среди сиромахов истинные подвижники, которые саму идею сиромашества — «не иметь где главу преклонить» — в реальный подвиг претворяют. Такие сиромахи этот подвиг по благословению своих старцев несут, у них же и окормляются регулярно. Но я больше

таких «подвижников» встречал, у кого психология бомжа: пусть быт неустроен, зато никому не подчиняюсь и никакой ответственности ни перед кем не имею! Сам себе монастырь!

— А что же этот Лука, он монах? Священник? — спросил Игоря Флавиан. — Какой он жизни?

— Да я его почти и не знаю! И сами ребята толком ничего сказать не могут — он добрый, не ленивый, не болтлив, всё время улыбается, но не «блаженненький», глаза умные. Спит в бытовке на огороде, ковыряется всё время на грядках и в теплице, ну и на подхвате, если чего надо — безотказен! На все службы ходит, сидит в уголке в стасидии, дремлет, ест мало, вина не пьёт ... Даже и не знаю, что ещё сказать!

— Ну, кое-что ты уже сказал, — задумчиво протянул Флавиан.

— Только, батюшка, — встрепнулся Игорь, — хорошо бы по дороге к ним в Кариесе продуктовый магазин посетить, а то у ребят, поди, вас и угостить нечем, голодно живут!

— Как — голодно? — удивился я.

— Элементарно, голодно! Едят, почитай, одну траву с огорода, какая там у них сейчас по весне уже выросла! Спонсоров у них стабильных нет, был один, келью им хорошо отремонтировал, храмик келейный отреставрировал в лучшем виде да и разорился в кризис этот. Теперь они живут в евроремонте и едят траву

с огорода. Иеродьякон Фома по дереву режет, как продастся в Карнесе что-нибудь из его рукоделья, у них праздник — хлеба купят, крупы какой-нибудь, масла. Так и живут!

— Во дела! — поскрёб затылок «постник и воздержанец» Алексей (это я). — Как я теперь в «Критикос» зайду?

— Ногами, — ответил батюшка. — Заворачивай, Игорёк, к магазину!

ГЛАВА 6. ГУН-ФУ-ЧА

— Вот эти кексы, кажется, свежие! — я вытащил со стеллажа продуктовой лавки в Кариесе ароматно пахнущую упаковку. — Отче, берём?

— Зачем им кексы? Давай лучше блок консервов «Тунец в собственном соку» возьмём! — Игорь отобрал у меня выпечку. — Для ребят банка тунца — это кастрюля супа на троих!

— Хорошо! Давай тогда два блока тунца и блок горбуши, и ещё осьминогов пару баночек в томатной заливке!

Словом, наш диспут завершился несколькими объёмистыми пакетами с макаронами, крупами, консервами, бутылками с оливковым маслом и ещё какими-то продуктами. Венцом стал свежемороженый упитанный октопус килограмма на полтора весом. Флавиан расплатился пластиковой картой, выданной ему перед отъездом Семёновым сыном (моим начальником) Гришей — «на карманные расходы».

Приложившись к главе Апостола Андрея в Андреевском скиту на выезде из Кариеса, мы двинулись в сторону Семионовской кельи. Покрутившись минут пятнадцать по серпантину свежепрочищенных грейдером грунтовок, мы вынырнули из леса на небольшую полянку. Окружённое маленьким огородом с подмосковного вида грядками и большой плёночной теплицей посреди полянки стояло приземистое двухэтажное здание с пристроенной к нему небольшой церковкой-экклесией, покрытое новой чешуйчатой крышей из серой каменной плитки.

— Приехали! — объявил Игорь, остановив машину против двери и вылезая из-за руля. — Вон они, батюшка, у теплицы! Пойдёмте, я вас познакомлю!

— Пойдём! — отозвался Флавиан, вылезая из машины.

— Батюшка! — воззвал я. — Вы идите знакомьтесь, а я пока сумки разгружу, октопуса надо в морозильник убрать, пока не подтаял!

— Кухня в коридоре направо, вторая дверь, — сказал Игорь, уводя Флавиана к теплице.

— О'кей! — бодренько отозвался я и, нагрузившись пакетами, вошёл в двери келии.

Кухню я нашёл сразу, из открытой второй справа двери мягко мурлыкало то ли радио, то ли что-то на него похожее на иностранном языке. Подойдя ближе к двери, я услышал:

— Ни хао лао, дзынь, дзынь, дзынь! Сейчас мы будем пить лундзынь! Дзынь, дзынь, дзынь!

Встряхнув головой, я прислушался повнимательнее, не заходя в кухню.

— Ни хао лао, дзынь, дзынь, дзынь! Сейчас мы будем пить лундзынь! Дзынь, дзынь, дзынь!

Пение было тихим и нежным, я бы даже сказал — проникновенным...

Не укладывая в голове слышимое (мало ли, может, я уже стяжал такую афонскую харизму, что меня бесы звуковыми «прилогами» искушают!), я просунул голову в дверной проём и осторожненько заглянул в помещение кухни, предполагая увидеть что-нибудь духовно-опасное.

Увидел я нечто похожее на призрак — высокого худого монаха, в полинялом подряснике, безрукавке-полурысе, фетровой шапочке-капе и стандартном афонском поясе с большой круглой пряжкой. Луч света, проходящий сквозь полузашторенное окно, освещал его некими мистическими бликами.

Взгляд прищуренных, поблескивающих хитринкой глаз из-под густых чёрных бровей был устремлён на лежавшую перед мистическим монахом на столе горку малюсеньких загадочных чашечек, плосечек и чайничков. Он любовно перетирал их полотенцем и, таинственно улыбаясь из-под чёрных усов над негустой, чёрной же бородкой, нежно мяукал:

— Ни хао лао, дзынь, дзынь, дзынь...

Мне стало как-то не по себе — мало ли какое искушение! — и я, тихонько поставив пакеты со снедью под двери, пятясь задом, удалился в недоумении.

Выйдя на улицу, я сразу же столкнулся нос к носу с подходящим к дверям Флавианом и тремя неизвестными мне монахами, очевидно, хозяевами келии, сопровождаемыми Игорем, несущим оставшиеся в багажнике сумки.

Поклонившись и благословившись у настоятеля келии иеромонаха отца Херувима, я заслонил собою дверь.

— Отцы! Там это... — я запнулся, не зная как описать своё видение. — Дзынь, дзынь, дзынь!

Флавиан удивлённо поднял на меня брови.

— Словом, искушение! — выпалил наконец я.

Отцы агиориты переглянулись и рассмеялись.

— Это не искушение! — ответил отец Херувим. — Это Лао Ди — отец Димитрий, наш гость, духовник одного провинциального женского монастыря в России! Активно занимается апостольской проповедью употребления «правильного» китайского чая среди афонского монашества. И небезуспешно, обрёл уже немало адептов! — отцы снова рассмеялись. — Пойдём, он и вас с отцом Флавианом приобщит к своему «Дао Ча»!

— А-а-а! — протянул я. — А я подумал...

Но я не стал говорить, о чём я подумал. А просто смиренно отступил в сторону, пропуская в двери келии отцов агиоритов.

Знаете ли, вы что такое...

Нет, лучше так: «Лао Ди взял ча-ху и поставил его на чабань. Затем окатил ча-ху кипятком снаружи и внутри. Затем взял ча-хэ с улуном и всыпал улун в ча-ху. Затем залил улун в ча-ху кипятком и, закрыв ча-ху, опрокинул его в гундаобэй. Из гундаобэя (он же ча-хай) Лао Ди разлил улун по вэнсянбэям и покрыл их пинминбэями. Затем перевернул пинминбэй вверх вэнсянбэем, вынул вэнсянбэй и начал нюхать пар».

Это всё называется «Гун Фу Ча», то есть, в переводе на русский язык, высокое искусство чаепития.

Вот чего я теперь знаю! Афон!

Словом, пока Игорь, стоя у плиты, занимался приготовлением тушёных овощей с креветками для всей братии и салата из зелени, принесённой тихим улыбчивым отцом Лукой, Лао Ди, он же иеромонах Димитрий, провёл с Флавианом и насельниками келии мастер-класс по китайскому чаепитию.

Расставив на привезённом им в подарок келиотам чайном столике («чабань») чайничек из исинской глины («ча-ху»), плошку с отверстием сбоку для «знакомства с чаем» («ча-хэ»), кувшинчик, куда сливается чай из чайничка («гундаобэй, он же ча-хай») и несколько чайных

пар, состоящих из высокого узкого стаканчика («вэнсянбэя») и широкой низкой пилушки («пинминбэя»), батюшка вкратце рассказал нам назначение каждого предмета и, заварив привезённый им же чай улун, показал, как надо правильно вдыхать чайные пары из высокого стаканчика, а затем пить сам чай из пилушки.

Отцы улыбались, но нюхали, а мне понравилось! Особенно после разъяснения отца Димитрия, что в процессе вдыхания чайного пара из «вэнсянбэя» происходит не только наслаждение ароматом, но и полезная ингаляция носоглотки эфирными маслами, содержащимися в чайном пару, я просто почувствовал себя в глубине души уже почти «этническим китайцем»! Естественно, я сразу же записал адрес чайного магазина в первопрестольной, где можно приобрести в придачу к чаю все необходимые аксессуары.

«Гун! Фу! Ча!» — звучит прямо как музыка! И чего это мой батюшка так ехидно улыбается, глядя на меня?

— Отче, а ты в каком женском монастыре подвизаешься? — поинтересовался отец Флавиан у Лао Ди.

— В Северо-Холмском монастыре в честь Иверской иконы Божьей Матери! — смиренно ответил отец Димитрий, мягко улыбнувшись из-под усов.

— Иверской! — не удержавшись, воскликнул я. — Нашей, Афонской!

— Отец Димитрий уже спасён, — вставил слово иеродьякон Фома, — у нас здесь говорят, что священника, служащего в женском монастыре, Ангелы вводят сразу в Рай, минуя мытарства, так как свои мытарства такой священник уже прошёл в женской обители!

Отец Димитрий опять смиренно улыбнулся.

— Отче! А сестёр у вас в обители много? — вновь поинтересовался Флавиан.

— Чуть больше двадцати, — ответил отец Димитрий.

— Молодых много?

— Средний возраст за шестьдесят, мать настоятельница недавно подсчитала.

— Ого! — воскликнул отец Херувим. — Это же прямо дом престарелых!

— А мать игуменья у вас как — «вменяемая»? — спросил Флавиан.

— А что, разве бывают другие? — удивился я, вспомнив нашу Т-скую игуменю, добрейшую мать Лидию, духовного друга отца Флавиана.

— Ох, бывают! — вздохнул отец Димитрий. — Нынешняя игуменья слава Богу! А вот предыдущая была — беда...

— Накуролесила?

— Да уж! — опять вздохнул отец Димитрий. — Нынешняя матушка пятый год сестёр реабилитирует, и то ещё некоторые не до конца «оттаяли». Предыдущая на-

стоятельница так им души перековеркала, что иные в психушке побывали после её экспериментов, а иные чуть веру не потеряли. Да и ушло из монастыря немало...

— Зато ты, отче, наверное, при ней «жировал»? — хохотнул отец Херувим.

— А как же! — продолжая кротко улыбаться, ответил отец Дмитрий. — В течении последних трёх лет её правления сестрам ко мне даже под благословение подходить запрещалось, не то что за советом или на исповедь.

— Подожди, отче, — откликнулся Флавиан, — а как же Таинство Покаяния у вас совершалось?

— Очень просто! Исповедоваться сестёр игуменья заставляла самой себе, вроде святоотеческого «откровения помыслов», а ко мне те, кого она к причастию допускала, подходили лишь под епитрахиль для разрешительной молитвы.

— Однако! — вздохнул мой батюшка. — Нескучно у вас было!

— Слава Богу за всё! — с улыбкой отозвался отец Дмитрий. — Я за тот период многому научился, главное — внутрь себя глядеть и не осуждать никого, так что я той игуменье по большому счёту благодарен даже. Бог весть, что бы со мной было, если бы меня там одним «елеем поливали»! Сестёр вот тех жалко...

— Ну а нынешняя игуменья, она как ситуацию исправляет? — вновь спросил отец Херувим.

— Она правильно начала, со службы и с молитвы общей. Раньше у нас литургия только по воскресеньям и праздникам совершалась, как на сельском приходе каком-нибудь. Правило сестры по кельям читали, у кого ещё силы после послушаний оставались, утренние молитвы с полунощницей и молебен перед чтимой Иверской иконой кое-как исполняли — да и то хорошо, если половина сестёр на них приходила. Всё равно сразу после полунощницы мать благочинная всех, кто в храме был, кроме регента, на послушания угоняла.

А сама игуменья на сестринские правила и вообще никогда не ходила, «келейно подвизалась». Она и на всенощных только к полиелею являлась, а после помазания уходила, самое большое — канон выстаивала. Да нередко и просто вместо службы разъезжала где-то по своим игуменским важным делам.

«Я ваша мать и кормилица! Вы, дуры неблагодарные, не знаете скольких, трудов мне вас, дур, содержать стоит! А мне ещё и обитель восстанавливать надо», — это было её обычное игуменское наставление.

— А реставрация-то хоть интенсивно шла? — поинтересовался Флавиан.

— Да где там! — вздохнул отец Димитрий. — Вроде и спонсоры возникали, и какие-то средства появлялись, а всё как в песок уходило, стройка еле-еле шевелилась, а потом и спонсоры куда-то пропали. Сёстры

сами и кирпичи таскали, и на грядках по десять-двадцать часов вкалывали, и в коровнике, и со свиньями...

— Что? — удивился отец Херувим. — У вас что, свиней при монастыре держали?

— Держали, — подтвердил отец Димитрий, — прямо на территории монастыря.

— Так монашки же свинину не едят! Понятно — коровы, молоко своё, творог, сметана, — продолжал удивляться скитоначальник, — но свиней-то зачем? Салом, что ли, торговать?

— И салом, и мясом, — кивнул отец Димитрий, — и «молочкой» — всем торговали, прямо в воротах монастыря.

— Хм! Однако, — покрутил головой отец Херувим, — я ещё понимаю — молочкой! Но мясокомбинат из монастыря устраивать... Чего-то я, наверное, отстал от жизни...

— Конечно, отстал, отче! — поддержал разговор Флавиан. — Это у вас тут, на Афоне, в церковных лавках только иконы да крестики, книжки духовные да иной церковный товар. А у нас, в России-матушке, в монастырях да и приходах некоторых чем только не торгуют! Не говоря уже про так называемые «православные ярмарки»...

У меня сосед был, отец Моисей, молодой иеромонах, тот тоже чем только не торговал, хотя и приход у

него не сказать, чтобы уж совсем бедный был. При мне разговор был у него с одним бизнесменом, неверующим, которому отец Моисей совместный бизнес предлагал организовать на приходской земле. Выспрашивал он всё у бизнесмена: «Какой лучше бизнес на этом участке сделать, чтобы побыстрее и побольше денег получить?» А бизнесмен посмотрел на отца Моисея и отвечает: «Быстрее и больше всего денег будет, батюшка, если на этом участке земли публичный дом для «новых русских» поставить, только я не уверен, что эти деньги будут вашему Богу угодны!» И не стал делать бизнеса с отцом Моисеем.

— Забываем мы, монахи, прости нас Господи, — раздался вдруг тихий голос отца Луки, до этого молча сидевшего на краюшке стола, — что кормит нас не бизнес, а Господь! Что главный наш «продукт» — молитва! Есть молитва — будет и содержание от Господа! Нет молитвы — хоть все спонсоры мира все свои деньги отдадут — не будет благоденствия в обители! Про пример нашего батюшки Афанасия Афонского позабыли!

— А что с ним было? — не удержавшись, спросил я.

— Да отправился он как-то, когда казна монастырская оскудела в Великой Лавре, просить денег у императора в Константинополь. Не долгие часы прошёл он, как является ему Матерь Божия: «Куда идёшь, Афанасий?» — спрашивает. «В Константинополь, к императору, денег для обители просить!» — смутившись,

отвечает авва Афанасий. «А разве нет у тебя Царицы Небесной, что ты не у Нее, а у земного царя помощи просить хочешь? А ну-ка ударь по скале своим посохом!» Авва Афанасий в страхе ударил. Как забьёт источник чистой воды из скалы! Смутился он совсем, пал ниц. «Иди в свой монастырь, Афанасий, и молись прилежно! А я своих монахов, если они усердно молятся, никогда бедствовать не оставляю!» — повелела ему Владычица.

Вернулся авва Афанасий в монастырь, а там уже корабль с зерном и другими продуктами на пристани разгружают. А источник тот, где Матерь Божья авву Афанасия вразумила, до сих пор обильно протекает, церковка при нём есть и беседка для отдыха паломников, коли Бог даст — посетите!

— Посетим, батюшка? — обратился я к Флавиану.

— Постараемся, а там — как Бог благословит, — ответил он и вновь обратился к отцу Димитрию. — Ну, а сейчас-то что изменилось в обители, отче?

— Многое изменилось, отче, слава Богу! — отзывался тот. — Новая игуменья, мать Елисавета, на второй день своего появления в обители пришла к нам в священнический домик, где мы обитаем с отцом Леонидом. Напоили мы её «правильным» чаем, и она говорит: «Отцы, помогайте! Я хоть и в постриге двенадцать лет, но из них девять у Владыки делопроизводителем в епархиальном управлении просидела, монастырскую

«кухню» плохо знаю. Но раз Владыка благословил после матери Фотинии положение исправлять, то хочу понять, с чего и как начинать правильной. А лучше вас, духовников, сестёр и проблем с ними никто не знает, так что давайте дружить духовно! Мне ещё только предстоит сестрам матерью стать, если сумею, а вы уже им «отцы», и вас они уважают и любят, нам с вами надо в единомыслии жить».

— Однако, разумное начало! — похвалил отец Херувим.

— Мы с игуменьей тогда пять часов просидели, всё монастырские проблемы обсуждали и подходы к их решению вырабатывали, после чего она ряд кардинальных изменений в распорядок монастырской жизни внесла: время послушаний пятью часами ограничила, из двадцати шести коров четыре самых лучших оставила для монастырской кухни, остальных вместе со свиньями соседнему фермеру продала.

Литургию благословила служить каждые среду, пятницу, субботу и воскресенье и на каждой литургии вместе с сестрами сама причащаться начала. Кроме того, каждый день утреннее и вечернее правило с сестрами в череду на клиросе читает, раньше конца правила и молебна с акафистом чтимой иконе сестёр на послушание не отправляет, кроме кухонных. По воскресным дням и праздникам «чин о панагии» ввела. Неусыпаемую Псалтирь возродила с чтением синодиков.

Благословила нас, священников, на каждой литургии по две проповеди говорить — одну после Евангелия, на евангельскую тему, и вторую после отпуста, на житие святого дня или на тему праздника. Кроме того, по воскресным дням, сразу после вечерней трапезы, благословила нас с сестрами духовные беседы проводить о монашеской жизни, по Святым отцам, по молитвенному опыту подвижников. Сама всегда на беседах присутствует, вопросы вместе с сестрами задаёт, причём не как начальствующая, а как равная.

И вообще за четыре с лишним года она ещё ни на кого голоса не повысила, не наорала, как предыдущая, хотя сестры порой повод ещё какой дают... Крест игуменский она только на службы и выезд к начальству одевает, келейницы при себе не держит, чтобы наушников не плодить, «открывать помыслы» себе самой не принуждает: «Для этого у вас, сестры, батюшки есть». Никаких «раздеваний» и прочих унижительных «смирений» сестрам не устраивает, а если кому поклоны и благословит, то сама тут же рядом с наказанной сестрой становится и столько же поклонов кладёт.

— Вы где такую «ангелоподобную святую» добыли?! — воскликнул отец Херувим.

— Владыка прислал, — смиренно ответил отец Димитрий.

— Повезло вашим сестрам, — отметил Флавиан.

— Бог милостив! — улыбулся отец Димитрий. — «Наказует и не умерщвляет», вразумляет и утешает. Теперь у нас в обители настоящим монастырём пахнет, а то была какая-то «исправительно-трудовая богадельня, лагерного типа». Паломниц сейчас ианного больше стало, уже три молодых девушки трудницами пришли. Благодетели как-то незаметно возникли, один из них всю стройку сам возглавил, процесс реставрации шустрей пошёл. В общем... Слава Богу за всё!

— Да... — тихо вздохнул отец Лука, — есть молитва, есть и Божье благоволение...

— Дело ещё в том, — продолжил отец Флавиан, обращаясь к отцу Димитрию, — что вашу предыдущую настоятельницу ведь тоже тот же владыка в своё время прислал! Скажи-ка, отче Никифоре, как здесь, на Афоне, настоятелями монастырей становятся?

— Настоятеля братия из своей среды выбирает, нередко против его воли, после смерти предыдущего игумена, — ответил отец Никифор. — Причём выбирают монаха наиболее духовно опытного, зрелого, добродетельного, потому что игумен — звание пожизненное, и братия себе до конца жизни настоятеля, в его лице для себя пастыря, духовника и наставника в монашеском подвиге избирают, понимая, какая ответственность на их выборе лежит.

На Святой Горе настоятель — это, прежде всего, духовный лидер, более других в монашеском подвиге

умудрённый и братию по пути этого духовного подвига за собой вести способный.

— А у нас в России настоятель — это, прежде всего, администратор, строитель, финансист, порой предприниматель, причём поставленный на это место волей архиерея, — сказал отец Димитрий.

Особенно в девяностые годы, когда монастыри массово возвращались Церкви светскими властями и надо было налаживать в них хоть какую-нибудь монашескую жизнь, отправляли на такие развалины в качестве настоятелей порой новопостриженных семинаристов, никакого вообще опыта монашеской жизни не имеющих, либо просто новопостриженных бывших алтарников, регентов, певчих, а то и просто верующих, не имеющих даже практического опыта церковной жизни, бывших инженеров, военных, интеллигентов, милиционеров...

Кстати, немалое число из них стали весьма достойными пастырями и отцами своей братии. А иные конечно «начудотворили» и сейчас ещё «чудотворят»...

Здесь, на Святой Горе, монастыри существуют для монахов, для организации наиболее эффективных условий осуществления монашеского молитвенного подвига. А у нас, в России, многие монастыри как будто созданы не для монахов, а для паломников, для туристов, приезжающих в исторически значимое место и оставляющих там свои деньги, для приёма архиереев и

светского начальства, для исполнения функций приходских храмов и т.д. и т.п. А собственно монашеская молитвенная жизнь в этих монастырях едва теплится, если вообще имеет место быть.

Конечно, есть для этого и объективные причины. Перед перестройкой в нашей области было шестьдесят два храма и ни одного монастыря, а через десять лет стало шестьсот сорок храмов и восемнадцать монастырей! Одних только священников сколько сразу понадобилось, тем более настоятелей монастырей, к которым требования на порядок выше, чем к приходскому настоятелю!

— Ну, кстати, многие из тех настоятелей монастырей, которые понимают, что такое настоящее монашество и хотят свои обители истинными местами подвига и молитвы сделать, — вступил в беседу отец Никифор, — сейчас к опыту греческих, преимущественно Афонских, обителей обращаются. Сами сюда за опытом приезжают, своих монахов пожить на Афоне командировывают. Мне кажется, что это правильный подход!

— Конечно, правильный, — согласился отец Дмитрий. — Я лично знаю настоятеля, ныне в сане епископа, одного известного русского монастыря, который, подружившись с Ватопедом и немало переиная оттуда афонского опыта, собрал братию своей обители и объявил: «Если у кого из вас послушание будет становиться препятствием молитвенной жизни, обращайтесь лично ко мне и мы будем решать вопрос с заменой по-

слушания»! А в иных российских монастырях «колхозно-лагерного» типа такие слова просто «кощунством» бы прозвучали!

Ох, как любят у нас козырять фразой, что «послушание паче поста и молитвы», имея в виду не послушание как отсечение самоволия и предание себя в руководство наставника, а «послушание» как род занятий в монастыре, как работу, которую ты обязан выполнить, несмотря ни на что!

— Отцы и братие! — рявкнул по-военному Игорь. — Монаха байками не кормят! У меня креветки остывают и салат заветривается!

Ну что можно вам сказать о скитской трапезе? Вроде и просто всё было приготовлено, без изысков, но...

Кто на монастырской трапезе не бывал, тот вкусной пищи не едал!

Когда я усаживался снова в игореву «L200», блаженное состояние моей насытившейся утробы столь явственно выражалось на моём «вдохновенном» лице, что Флавиан, взглянув на меня, заметил:

— Кажется, ты, Лёша, уже «познал истинное Дао Ча»!

— О да! — лишь смог умилённо вздохнуть, грешный я. — И «дао креветок» тоже!

ГЛАВА 7. МОНАШЕСТВО

Скит, в который мы держали путь, состоял из нескольких небольших здаий, к одному из которых примыкала довольно просторная для таких скитов церковка с традиционным афонским куполом-крышей, крытым чешуёй из серой каменной плитки. Всё это было огорожено невысоким каменным забором со старыми деревянными воротами, висящими на красивых некогда, ныне изъеденных ржавчиной, кованых больших петлях. За забором виднелись верхушки выстриженных «чашами» оливковых деревьев, несколько стрельчатых кипарисов и огромный древний платан, помнящий, наверное, ещё основателей скита.

Находился скит на земле Великой Лавры и был арендован у Лавры русскими монахами уже более двадцати лет.

В воротах нас встречал оповещённый Игорем о нашем приближении по мобильнику, широко улыбающийся почти беззубым ртом из зарослей седой, густо-

щей, как он сам смеётся — «карломарксовой» — бороды добрейший настоятель иеромонах Никифор — широкий душой и телом, с умными блестящими карими глазами, (тоже в прошлом физтеховец).

— Авва Флавиан, эвлогите! — шагнул он с расprostёртыми объятьями к вылезавшему из пикапа моему батюшке.

— О, Кириос, геронда! — ответствовал Флавиан, троекратно лобызая скитоначальника.

— Чистое сумо! — прокомментировал я Игорю зрелище двух обнявшихся, словно на татами, крупногабаритных «патеров».

— Мой победит! — уверенно заявил Игорь. — Он отца Флавиана ещё в вашем Физтехе всегда побеждал!

— Конечно! — вступился я за своего духовника. — Мой отец Никифора на два курса младше был, и когда в секцию борьбы записался, отец Никифор уже норму КМС-а выполнял!

— Ладно, у них, кажется, ничья, — примирительно сказал Игорь, показывая на расцепивших наконец мощные объятья батюшек, отправившихся внутрь скита. — Бензопилу не прихватишь?

— Давай! — согласился я.

Когда мы с Игорем перетаскивали из кузова пикапа привезённый груз и наши с Флавианом пожитки, потом разнесли всё это по кладовкам и кельям, то, войдя

в архондарик, обнаружили, что Флавиан с отцом Никифором уже вовсю утешаются «евлогией» — афонским угощением, состоящим из холодной воды, лукума, напёрсточка «Узо» и кофе.

— Отцу Флавиану маленькую и некрепкого! — не смиренно возопил я с порога, увидев, как долговязый послушник Илларион наливает из турки дымящийся кофе моему батюшке в большой чайный бокал.

— Хорошо, хорошо, — кротко ответил Флавиан, переливая кофе из бокала в стоящую рядом маленькую чашечку, — давай свои две беленькие и красненькую...

— Держи, отче. — Я подал ему таблетки.

— Однако! — улыбнулся отец Никифор. — Теперь я вижу, что такое «послушание паче поста и молитвы»!

— Я справедлив, но строг, — сдвинув брови, ответил я, — и во гневе бываю страшен! Так что во мне нельзя «будить желчь»! Иначе мне мать Серафима, как говорит Шамиль-Николай, «секир-башка» сделает...

— Как она? — поинтересовался отец Никифор. — Крепкая старица ваша!

— Старчествует, хоть и слабеет всё ошутимее, — отозвался Флавиан, — она у нас теперь вроде как «герондисса», у неё в послушании кроме инокини Клавдии сейчас ещё и послушница Галина, беглянка из Б-ского монастыря.

— Владыка знает?

— Знает! Благословил пока оставить её у себя в качестве певчей. А там видно будет!

— Да! Смотри-ка, целый женский монастырь теперь у тебя, - подивился отец Никифор.

— А куда ж деваться, коли Господь их у нас собрал! — вздохнул Флавиан.

— Да... Ты уж только следи, чтобы у них монашество «монастырством» не подменилось! — заметил скитоначальник.

— Это как, это как? — не удержавшись, встрял я в беседу отцов. — Это что такое, отче, — «монашество»?

— Видишь ли, Лёша, — ответил отец Никифор, — некоторые люди, пришедшие в монастыри и сподобившиеся пострига, на самом деле любят не монашество как таковое, а только монастырскую жизнь!

— Не понял! — удивился я.

— Дело в том, что подлинное монашество, а само название монаха происходит от слова «моно» — один, есть сокровенное, «один на один», общение с Богом в уединенной келье своего сердца. Сам Христос сказал нам: «Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно».

Это наставление о молитве относится ко всем христианам, призывая их молиться не напоказ, не для

стяжания тщетной славы от людей, но искренне обращаться к Богу из глубины душ, стяжая через это молитвенное общение главное небесное сокровище — благодать Святого Духа.

Особенно же эта фраза относится к нам — монахам, людям, которые ради общения с Богом и служения Ему отказались от обычной мирской жизни с её радостями и удовольствиями, пусть даже чистыми и благословенными, и удалились для этого в монастыри.

И вот тут-то, в монастырях, многие из нас столкнулись с искушением, к которому не были готовы и которое не смогли преодолеть, — искушение монастырской жизнью!

Дело в том, что сама по себе жизнь в монастыре, особенно здесь, на Афоне, с её возвышенным настроением, уставными благоговейными богослужениями, сама обстановка монастыря с его храмами, святынями, монашескими одеждами и прочими её составляющими, способна доставлять человеку верующему огромное душевное удовольствие, давая ощущение причастности ко всей этой монастырской благодати и святости.

Человек живёт в монастыре, носит монашескую одежду, участвует в службах, вычитывает келейное правило, исполняет монастырские послушания, старается вести себя благочестиво и привыкает к мысли, что всё это, собственно, и есть — монашеская жизнь.

Он может пребывать в такой уверенности многие годы и даже умереть в ней, так и не познав, что есть другое — настоящее монашество, в его непрестанном внутреннем напряжении, мысленной брани, сердечном горении, мучительных искушениях и нечастых благодатных утешениях.

Порой такой обитатель монастыря почти и не имеет особых искушений, живёт в мире с самим собой и братьей, в самодостаточности и довольстве своей жизнью, даже пользуется уважением от других за своё незлобие и видимое благочестие. Дьявол особо и не трогает его, поскольку тот, удовлетворившись внешней видимостью монашеского жития, по существу, далёк от настоящего подвижничества и не доставляет, в отличие от истинных монахов, лукавому никаких неприятностей.

Живя в благодатной среде монастыря, чувствуя, пусть даже в незначительной степени, благодать, намоленную другими подвижниками, а порой не имея даже и этого, подобный горе-монах лишает себя божественной благодати, лично стяжаемой от Бога в процессе покаянного, молитвенного и постнического подвига. Поэтому дьявол совсем не боится такого «солдата, стреляющего холостыми патронами», а потихоньку подбирает к нему «ключик».

Смотришь, а один монах уже просит паломника, чтобы тот переслал ему видеоплеер — исключительно для «просмотра православных фильмов» или «Ай-под»

для прослушивания духовной музыки во время послушаний. Другой потихоньку от настоятеля заводит себе ноутбук и начинает «гулять» по ночам в Интернете — «исключительно на православных сайтах»!

А через какое-то то время православные фильмы заменяются художественными, в «Ай-поде» звучит уже мирская музыка, а сайты открываются уже такие, что «срамно есть и глаголати»! И всё оттого, что «свято место пусто не бывает»! Если монах не возвращает в своей душе зёрна истинно духовной молитвенной жизни, дающей его душе благодатное насыщение и ощущение полноты и радости в Боге, то «вакуум» быстро заполняется страстями, разжигающими в монахе потребность их удовлетворения в реальных грехах.

Так и гибнут души. Пришёл человек в монастырь за спасением, а обрёл там — гибель. Причём исключительно по собственному свободному произволению и выбору. Между любовью Божьей и любовью к себе.

— Да, такую же картину мы подчас видим и в миру, — вступил в разговор Флавиан, — когда внешняя видимость благочестивой жизни мирян, соблюдающих все посты, вычитывающих все каноны и акафисты перед причастием, носящих сразу бросающуюся в глаза «православную» одежду, осаждающих своих духовников длинными мелочно-подробными исповедями, прикрывает собой лишь самодовольство и душевную пустоту.

А затем, и весьма часто, такое лже-благочестие перерождается и в абсолютное фарисейство. Отсюда и рождается евангельское: «Благодарю Тебя, Господи, за то, что я такой хороший! Не то, что вон тот мытарь!» И появляются в наших храмах те, кого точно охарактеризовал известный московский пастырь: «православные ведьмы в длинных чёрных облачениях, готовые склевать» всё, что не соответствует их стандарту «благочестия».

Они-то и налетают в храмах на молоденьких девчонок, зашедших в церковь в джинсах или без платка, на мужичка, пахнувшего алкоголем, в первый раз в жизни с «помощью» рюмки героически заставившего себя перешагнуть церковный порог, чтобы поставить свечку за новопреставленную мать. На всякого, кого они видят «худшим» себя и кого считают себя вправе «обличить», «призвать к порядку», «смирить»!

Сколько же народу они повышибали из ограды Церкви, и какую страшную ответственность за каждую отвращённую от Церкви и Бога душу они ввалили на свои горделивые плечи! Вразуми их, Господи, и не дай им умереть без искреннего покаяния!

— Однако! — поёжился я. — Умеете же вы, батюшка, «нагрузить»! Типа, духовное зеркало мне перед «фейсом» поставить! Ясно, что я в нём ничего хорошего не увижу!

— Зато есть повод для покаянной молитвы! — хлопал мне по плечу вставший из-за стола отец

Никифор. — Идите, братие, отдохните по кельям, через полтора часа вечерня!

— Благословите, отче, — подошёл к нему я с протянутыми ладонями. — Как же у вас здесь хорошо! Словно в родной дом издалека вернулся!

— В дом Пресвятой Владычицы нашей Богородицы! — благословляя, уточнил отец скитоначальник.

Мы отправились по кельям разбирать рюкзаки, переодеваться и готовиться к вечерне.

После недолгой, около часа по времени, вечерни и последующей за ней полноценной трапезы, состоявшей из борща, квашеной капусты и макарон с подливкой из тушеных овощей (ещё, с учётом непостного дня, каждый получил по яйцу и кусочку сыра!), мы с Флавнаном вышли на широкий деревянный балкон второго этажа и уселись на стоящую вдоль стены старинную деревянную лавку, ладно сколоченную из толстых грубо оструганных досок.

Справа от нас высилась изрезанная трещинами и разломами громада Святой Горы, нависая, но не подавляя собою приютившийся у её подножия маленький скит. Вершина горы, с невидимым снизу храмом Преображения на ней, ярко освещалась быстро заходящим южным солнцем. Ветра не было, пахло какими-то неизвестными мне терпкими запахами местных растений. Тихо щебетала одинокая пичужка.

— Отче честный! — обратился я к отцу Флавиану. — Я всё думаю о разговоре в архондарике! Страшновато как-то: вроде и верующие люди, и даже вон — монахи! — и то как искушаются и погибают! Как же спастись-то, как миновать все эти ямы и рытвины на духовном пути, в которых люди себе и ноги и головы ломают?

— Лёша! — повернулся ко мне мой духовник. — А ты как себе Рай представляешь? Какой бы ты себе в нём жизни хотел?

— Ого! Ну, ты скажешь — Рай! — смутился я. — Рай же не отель, его под себя не закажешь!

— Ну а всё-таки! — настаивал батюшка. — Если бы можно было заказать, что бы ты там хотел иметь?

— Фантазировать можно? — спросил я.

— Можно! Смелей! — подбодрил меня Флавиан.

— Ну, я бы себе представлял Рай чем-то вроде Афона, только на который женщин пускают, чтобы нам с Иринкой быть там вместе, ну и маму покойную там встретить, бабушку, всех родных, всех, кого люблю — Семёна с Ниной и так далее. Чтобы также, как здесь, море было, горы, зелень, тепло, кипарисы, оливы, ну и берёзки наши русские тоже, ёлки — словом, всякая красивая растительность. Солнышко чтобы светило побольше, вода текла в родниках прозрачная, чистая, птички чтобы пели, животные там разные ходили ручные и не кусались...

Представляешь, как мои огольцы бы настоящего льва затискали!

Чтобы у нас с Иришкой домик был, светлый такой, белёный известью, с черепичной крышей, как в Греции! Веранда большая, вся увитая виноградом, на ней кресла плетёные для нас с Иришкой и детей, ну и... — тут я немного замялся, — и собачка Марсик, что в детстве у меня была...

Храм чтобы наш Покровский был рядышком, с тобою в алтаре, само собой разумеется, все афонские храмы и наши русские тоже, чтобы мы все общались между собой, в гости друг к другу ходили, радовались друг о друге, любили друг друга... Вот, даже не знаю, чего ещё придумать навскидку! Ну, как тебе мой «Рай»?

— Хороший такой «Рай», уютный, нормальный, как раз так должны бы люди жить в этой земной жизни — любить друг друга, радоваться, домик с виноградом на веранде... Только ты заметил, Кого в нём не хватает?

— Кого? Вроде я всех знакомых имел в виду!

— В нём нет Христа! самого Живого Господа Иисуса Христа! Как одного из обитателей твоего уютного «Рая»!

— Да! — поразился я. — И точно! Как-то я это...

— Не только ты, Лёша! — утешительно сказал Флавиан. — Да почти все люди, мечтая о райской жизни, о благах, приготовленных для них Христом, забывают о

Нём Самом! И ищут, как в этой земной жизни, так и в вечности, не Самого Господа Иисуса Христа, не соединения с Ним в Его божественной Любви, а тех благ и утешений, которые Он всегда готов излить и обильно изливает на весь род человеческий! Можно сказать, мы — дети, ждущие не Отца, а принесённых Им подарков!

— Однако, отче! — протянул я. — Ты меня озадачил... Я никогда не думал об этом вот так! Ты прав на все сто процентов, я действительно никогда не искал Самого Христа, но только Его даров, пусть даже и не только материальных...

Ну и как быть-то теперь? Как вообще можно настроить себя на взыскание Самого Господа? Как можно искренне, от всего сердца захотеть с Ним познакомиться лично? Ведь Он...

Ну, жил Он давно, везде вон на иконах, на распятиях изображён, опять же, сказал: «Суд Мой праведен есть!» — боязливо от этого как-то...

Когда я молюсь Ему от души, особенно когда молитва хорошо идёт, я чувствую Его рядом, чувствую Его любовь ко мне, но Тот, Кого я в этот момент ощущаю рядом, как-то слабо ассоциируется у меня с Евангельским Христом, Тем, Который в хитоне, в сандалиях...

Не знаю, как тебе это объяснить, но, наверное, мне этого действительно не хватает — ощущения Христа, вот так, как тебя, например! Как реального, живого человека, которого я мог бы знать и любить и хотеть быть

с ним вместе! Ты знаешь, отче! Кажется, я начинаю этого хотеть! Слушай, только это не слишком дерзновенно, не нагло с моей стороны такого желать?

— Да нет! Я думаю, не нагло, нормально это. Ты желай и проси у Господа, чтобы тебе с Ним «поближе познакомиться». Он ведь сказал: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдёте...» и «...всё, чего ни попросите в молитве с верою, получите». Он ведь это как раз о взыскании Истины сказал, а Истина и есть Христос — Путь, Истина и Жизнь! Так что — ищи и обретёшь!

— Попробую... Благослови!

— Бог благословит и поможет тебе, Алексей!

Снизу раздался стук деревянного молотка по ручному билу — «талантосу» — напоминающей байдарочное весло доске, стуком по которой созывают монахов на богослужение. Считается, что подобный стук деревянного молотка праотца Ноя, строившего Ковчег Спасения, созывал всю тварь земную в этот огромный корабль. Так и теперь стук в «талантос» созывает всех ищущих спасения в Храм Божий — новый Корабль Спасения, ведомый сквозь бурное житейское море в тихую спасительную гавань Небесного Царства опытным Кормчим — Христом.

Мы с Флавианом встали со скамейки и снова вошли внутрь, в благодатную тишину храма. Началось «малое повечерие».

Забившись в старенькую скрипучую стасидию в углу небольшой скитской церкви, слушая, как отец Никифор поочерёдно с отцом Флавианом неторопливо, внятно читают каноны повечерия, я вновь вернулся мыслями к предыдущему разговору о Христе.

Однако! Уже несколько лет я осознанно считаю себя христианином, пытаюсь вести какую-то «духовную жизнь» и в то же время вполне обхожусь без Христа, удовлетворяясь Его Именем, призываемым мною в молитвах, образами на святых иконах и фресках.

Я пользуюсь Его милостью и любовью, наслаждаюсь Его бесчисленными дарами, обращаюсь за помощью и получаю эту помощь. И за всё это время я даже не подумал о том, чтобы узнать Его ближе, узнать настолько, насколько Он Сам позволяет это сделать всем, искренне ищущим Его...

А ведь многое множество людей, пусть две тысячи лет назад, а ведь многие и в течение этих двух тысяч лет, видели Его, слышали Его слова, осязали Его, ели с Ним за одним столом, молились с Ним в храме и в синагогах, делили с Ним кров, восторженно приветствовали или хулили Его, распинали Его или радовались, видя Его воскресшим! Лично общались с Богочеловеком Иисусом Христом!

А я даже в собственный «рай» Его не пригласил...

«Господи! Ты все знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя!» — вырвались вдруг из моего сердца слова Апостола Петра.

«Господи! Можно ли мне, непотребному и мерзкому в страстях моих, дерзко искать Твоего познания?»

Господи! Но ведь Ты даже блуднице не воспретил прикоснуться к Тебе? Ты не брезговал общаться ни с прокажёнными, ни с фарисеями, ни с Иудой, предавшим Тебя!

Господи! Не отвергни и меня, много худшего их! Они тогда ещё не видели Тебя воскресшим, не понимали до конца того, Кто снизошёл Своей любовью до общения с ними! А я, зная, что Ты — Бог, и Спаситель мой, и самый близкий и родной, самый искренний Друг, подтвердивший Свою любовь ко мне страшными муками на Кресте, муками, которых достоин именно я, за всё, что сделал в своей бестолковой, праздной и греховной жизни, я продолжаю жить всё той же, наполненной суетой и страстями, жизнью плотского человека!

Я не стремлюсь стать лучше ради Тебя, я не стараюсь измениться настолько, чтобы приблизиться к Тебе хоть чуть-чуть! Я лишь хочу продолжать получать от Тебя те неисчислимые блага, которыми Ты меня и так одариваешь непрестанно...

Господи! Но я хочу обрести Тебя! Я хочу, чтобы Ты стал для меня живым и близким, родным и необходимым! Я настолько поражён себялюбием, что не

способен измениться собственными силами, но я прошу Тебя, Господи, изменить меня, Твоею благодатною силою, Твоею неисчерпаемою любовью! Я хочу и прошу Тебя, Господи, сделать меня таким, чтобы я смог лицезреть Тебя в Вечности, чтобы я не лишился общения Твоего!

Я хочу быть с Тобой, Господи! Я знаю, что не достоин этого и никогда не смогу быть достоин, но ведь Ты пришёл на землю, чтобы приблизить меня к Себе! Чтобы дать мне возможность обрести то счастье, которое может дать только единение с Тобой в Твоей любви!

Господи! Я предаю себя в Твои милостивые руки, сотвори надо мною спасительную волю Твою, Ты Сам, если хочешь, очисти и спаси меня! Но я, Господи, я хочу быть с Тобой!»

— Лёша! — Флавиан осторожно потряс меня за плечо. — Служба кончилась, идём отдыхать до утрени!

— Что, а? — я очнулся и начал приходить в себя. — Ах, да! Пойдём, отче, пойдём отдыхать...

Отдых в эту ночь у меня получился, как бы это сказать...

Ну, лучше по порядку!

Келья, в которой меня поселили, была настоящей одноместной монашеской кельей, построенной вместе со всем келейным зданием несколько веков назад.

Сами понимаете, никаких евро-комфорта: узкий «пенал» два на четыре метра, маленькое оконце в нише стены, простая деревянная кровать с «солдатским» ватным матрасом и застиранным, но чистым бельём, небольшой столик у стены, стул, вешалка из четырёх крючков на стене у дверей и ... всё!

Обычно я ложусь спать всегда головой к окну, а тут, поскольку подушка уже лежала на противоположном от окна конце кровати, поленился я её перекладывать и, почувствовав после активно прожитого дня внезапное утомление, лёг, как леглось, — ногами к окну и провалился в сон.

Спал я крепко, можно сказать, с удовольствием, но вот под утро, то есть около трёх часов ночи, примерно за полчаса до обычной афонской «побудки», начал я просыпаться от необычного ощущения в ногах — словно на них сильным холодом веет, как из кондиционера, и словно они сами как-то в воздух поднимаются и тянутся по направлению к окну.

Всё более приходя в сознание, пытаюсь разлепить сонные глаза и повернуть голову так, чтобы посмотреть — что это у моих ног за проблемы с гравитацией начались? Разлепляю очи и вижу (зрелище — реально — не для слабонервных) реющее над моими ногами существо, наподобие киношных, женского полу, вампиров, синюшно-сероватого цвета в лунных отблесках, наполовину всунувшееся в мою келью из окошка и

тянущее свои трупные лапы с длиннющими когтями прямо к моим ногам.

Глаза у этой твари узкие и злющие, пасть приоткрыта и классические «вампирские» клыки из неё торчат. А ноги мои, всё более леденеющие, так в воздух и поднимаются и к этой гадине, словно к магниту, тянутся! Весёленькое такое пробуждение!

Понимаю, что надо начинать молиться — ни одна молитва на ум не идёт! Пытаюсь осенить себя крестным знамением — руки, словно наручниками, скованы! А уже чувствую, как и тело начинает подползать в сторону окна...

Кое-как вдруг «Живый в помощи Вышняго» вспоминать стал, бормочу по слогам, рука правая чуть-чуть освободилась, крещу себя, крещу свои ноги — так и грохнулись они о край кровати — словно вернулась к ним тяжесть; молюсь уже яснее, крещу окно, глядь — вынесло из него мерзкую гадину, словно кто-то её снаружи пылесосом всосал! Тут уж я и «Да воскреснет Бог» вспомнил, и «Отче наш», и «Помилуй мя, Боже»...

А вскоре и к утрени в «талантос» застучали.

Пойманный мною в коридоре перед входом в церковь отец Никифор пожал плечами: «Ну бывает! Да ты не бойся — молись, и всё отойдёт»... И пошёл в алтарь, где уже позвякивал разжигаемым кадилом пономарь.

Да уж! Афон...

Надо сказать, молился я в то утро весьма усердно, с усилием сердца и почти не рассеянно умом. Подхлёстывал меня в молитвенном напряжении периодически встававший перед глазами образ мерзкой твари, пытавшейся ночью вытащить меня из окна.

Однако ближе к Херувимской песне этот образ отошёл от меня, смазался и рассеялся. А уж после евхаристического канона и причащения совсем мне радостно стало, легко как-то и даже весело на душе, вся ночная хмарь стала «яко не бывшая».

Однако в памяти событие зафиксировалось.

ГЛАВА 9. ФЕОЛОГОС

Знаете ли вы, как отомстить старому другу сразу и за всё (особенно если этот старый друг в детстве посещал художественную школу и увлекался фотографией)?

Не знаете — сейчас научу!

Подарите ему «зеркалку» — приличный, хотя бы полупрофессиональный, цифровой фотоаппарат!

И всё!

Дальше у вашего друга начнутся поиски и подбор объективов, фильтров, карт памяти, штативов, очистителей линз, фото-сумок и пр. и пр. «имже несть числа»!

И — пропал человек!

Начинается у него горячка по выбору освещения, погоды и времени года для съёмок природы, портретов друзей и замученной этими съёмками семьи, ловля интересного жанрового кадра, падения с неудобных мест, «откуда лучше видно» и т.д. Словом, вся

жизнь новоиспечённого фотографа превращается в сплошной кошмар. Что, собственно, и требуется для грамотной мести!

Именно так и поступил со мной — не какой-нибудь там враг и недоброжелатель — а старый институтский товарищ, духовник (!) и просто лучший друг — батюшка Флавиан! И всё потому, что ему, видите ли, эта полупрофессиональная цифровая камера «Canon», подаренная каким-то «благодетелем», — не нужна! «Лёша! Ты любил снимать когда-то, а мне некогда этим заниматься, вот и бери её себе! Будешь нашим приходским фото-летописцем!»

Ага! Это вдобавок ко всем моим прочим церковным и семейным обязанностям!

И это — любовь?

Но вообще-то, камера, конечно, хороша... Возможности у неё!

Ладно! Как там у архиереев положено говорить при поставлении — «благодарю, приемлю, и ничтоже вопреки глаголю!» Кажется так!

Так вот! После описанных выше событий с ночными «ужасиками», после литургии, причастия и очень «вдохновляющей» скитской трапезы я оставил Флавиана с отцом Никифором утешаться духовной беседой за чашкой кофе (помните какой? Правильно — маленькой с некрепким! Таблетки были проглочены под моим

контролем). А сам, прихватив сумку со сменными объективами, отправился побродить вокруг скита с фотоаппаратом в целях...

Ну, сами понимаете!

— Лёшка! Под ноги смотри, сейчас змеи активны, у них брачный период ещё не закончился! — напутствовал меня Игорь.

— Йес, сэр! — не оборачиваясь, крикнул я, уже весь занятый волшебным словом «экспозиция»!

Мыканье и шараханье по камням и кустам вокруг скита в поисках наиболее выгодного панорамного вида обители заняло у меня около двух с половиной часов. Но я сделал это! Я таки нашёл очень выгодную точку на небольшой площадке рядом с малозаметной тропинкой, проходящей метрах в восьмидесяти выше западной полуразрушенной каменной стены, ограждающей скит по периметру.

Вид был просто потрясающий! Удерживая композицию кадра в видоискателе, я начал медленно перемещаться назад и влево, уходя от попадающей в кадр ветки какого-то дерева...

— Осторожно, брат! Сзади змея! — раздался вдруг голос у меня за спиной.

Я мгновенно отреагировал, остановившись и быстро оглянувшись назад и вниз. Там действительно ползла змея, небольшая, серо-коричневая какая-то, и я действительно имел реальный шанс наступить на неё,

сделав назад ещё пару шагов. Змея, не обращая на меня внимания, проползла мимо и скрылась в кустах. Я выдохнул и поднял глаза на своего спасителя.

Спаситель оказался сидящим на муле темноволосым монахом, лет так около тридцати с небольшим, с правильными чертами приветливо улыбающегося, я бы даже сказал, чем-то знакомого, лица. Одет он был в вылинявший льняной подрясник, подпоясанный афонским монашеским поясом, и такую же вылинявшую безрукавку-полурысу. На голове у него была вязаная из хлопчатобумажной чёрной нитки круглая шапочка-скуфейка, какие я видел в иконной лавке в Ивероне, тоже со следами многодневного пребывания под солнцем. На ногах были обычные кожаные сандалии, через плечо свисала домотканая шерстяная сумка на сплетённом косичкой шерстяном шнуре. Словом, типичный афонский инок.

— Спаси тебя Господь, отче честный! — ещё с волнением в голосе проговорил я и, спохватившись, произнёс обычное афонское приветствие. — Эвлогите!

— О, Кириос! — улыбнувшись, ответил монах. — Как твоё имя, брат?

— Алексей! А твоё, отче?

— Моё имя? Феологос, — также улыбнувшись, ответил агиорит, легко соскочив с мула.

— Феологос! Ты эллин, отче? (греки обычно называют себя эллинами), — поинтересовался я. — Как хорошо ты говоришь по-русски!

— Во Христе нет ни элина, ни русского, — вновь улыбнулся Феологос, — разве это важно?

— Да нет! В общем, конечно, не важно! Ты, отче, мне прямо Богом послан, а то лежал бы я тут сейчас, змеёй укушенный! Даже в скит сообщить было бы некому!

— Ты, Алексей, не бойся, — монах посмотрел на меня внимательным взглядом своих карих, светящихся искренним расположением глаз, — ты же читал в Евангелии, что без воли Божьей и лист с дерева не падает, так, тем более, без неё и змея не укусит! А если укусит, значит, и это тоже необходимо для твоего спасения! Богу видней, доверяй Ему, брат!

— Я доверяю! — искренне ответил я. — Просто легче принимать волю Божью, когда Господь «по головке гладит», а не «против шёрстки»! Тут моё себялюбие просто дыбом встаёт! Хочется ведь в Царство Небесное, но без страданий, лучше вообще на «Мерседесе» с кондиционером и стереосистемой! И с октопусами на гриле...

— Алексей! Это принадлежит отцу Никифору, — монах протянул мне небольшой серебряный образок Божьей Матери, сквозь петельку которого свисал разорванный кожаный ремешок, — передай ему, он потерял это около второго креста по тропе на вершину и сильно огорчается, потому что это благословение его любимой, очень верующей, бабушки! Пусть утешится и носит его на более крепком шнуре!

— Ты с ним знаком, отче? — обрадовался я. — Может быть, мы пойдём вместе в скит, и ты сам порадуешь отца Никифора!

— Мне надо идти в другое место! — улыбнулся в ответ Феологос. — Я могу проводить тебя только до поворота, дальше ты пойдёшь сам! Смотри под ноги и не забывай о молитве!

— Где ты подвизаешься, отче? — спросил я, когда мы двинулись вниз по тропинке, сопровождаемые смиренным мулашкой. — Мы можем с отцом Флавианом прийти в твою обитель и увидеть тебя там?

— Можете, конечно, если захотите и потрудитесь! Твой духовник знает туда дорогу, — Феологос посмотрел на меня с доброй улыбкой, — правда, «Мерседес» туда не проедет, придётся ногами по камушкам карабкаться, но я буду вас ждать!

Мы подошли к развилке тропы и остановились. От этого монаха Феологоса исходила какая-то непривычная благодатная тишина, какое-то спокойствие и доброта, я ещё ни разу не чувствовал такого ни от одного человека. Расставаться мне с ним категорически не хотелось, но и повторять своё приглашение посетить отца Никифора я уже не дерзнул.

— Отче! — вдруг сообразил я. — Благослови запечатлеть тебя на память! — я взялся за висящий на шее фотоаппарат.

— Попробуй! — улыбнулся Феологос. — Я не всегда хорошо получаюсь на изображениях!

— Это же «Сапоп», отче! Десять мегапикселей! — я отошёл и прицелился объективом. — Будет не хуже, чем в «National Geographic».

Монах улыбнулся, подождал, пока я не щелкну затвором, затем поднял руку в знак прощания, легко поднялся в седло, и смиренный мулашка вскоре скрылся вместе с седоком за поворотом.

Удивлению отца Никифора не было предела.

— Я потерял этот образок несколько лет назад, когда ходил на вершину, — растерянно говорил он, любовно поглаживая пальцами вновь обретённую святыню, — но откуда этот Феологос мог узнать про мою бабушку? Я никому на Горе не говорил о ней и не показывал этот образок?

— Имя какое интересное — Феологос — Божий Логос, Богослов, Бог Слово... — задумчиво размышлял Флавиан. — Ты, отче, с этим монахом не знаком? — обратился он к отцу Никифору.

— Что-то вообще не припомню здесь никого из русскоговорящих монахов с таким именем, разве только кто-то недавно постриженный? — недоуменно отвечал отец Никифор. — Опиши его поподробней, Лёша, на кого он похож?

— На кого похож? — я огляделся. — Да вот! На Спасителя вот этого даже очень похож, — я показал на

висящий на стене архондарика большой русский церковный календарь с репродукцией Спаса Нерукотворного на нём.

— Подождите! — вдруг осенило меня. — Я же его сфотографировал!

Вытащив из фотографической сумки дорожный ноутбук и включив его, я вставил в «картридер» извлечённую из фотоаппарата карту памяти, открыл на экране нужную папку.

— Так! Вот входные ворота с котом на них, вот эклесия, телевичком взятая, вот панорама, после которой я чуть на змею не наступил, а вот... — я замер вместе со сгрудившимися вокруг экрана отцами. — Ничего себе!

Снимок, на котором должно было быть изображение улыбающегося монаха Феологоса, запечатлел только свет! Яркий, непонятно из какого источника исходящий свет! И больше ничего!

— Лёш! — осторожно предположил Игорь. — Может, это у тебя вспышка так сработала?

— Вспышка отключена, Игорь, — обескуражено протянул я, — и потом вспышка могла осветить лишь объект передо мной, но не меня в объектив! Такое ощущение, что я сфотографировал крупным планом солнце!

— Кажется, ты Его и сфотографировал, — задумчиво произнёс Флавиан.

— Ты думаешь... — повернулся к нему отец Никифор.

— Похоже на то! И имя, н... Что ты ощущал, Лёша, в Его присутствии? — Флавнан посмотрел на меня внимательно.

— Ощущал? Ну, даже не знаю как сказать... Хорошо мне было... Расставаться с Ним не хотелось... Словно мы с Ним знакомы давно, ощущал... Подожди! Ты полагаешь... — вдруг потрясла меня догадка.

— Так! Отцы и братья! — вдруг решительно произнёс отец Никифор. — Кажется, наступил момент, когда всем лучше умолчать! Давайте оставим про себя наши мысли и догадки, Богу известно, Кто это был и почему, а нам, я думаю, в загадки играть не полезно!

— Аминь! — вставая, подтвердил Флавнан.

Позже, когда я сидел на уединённой скамейке среди оливковых деревьев в монастырском саду, скорее, переживая, чем обдумывая всё происшедшее со мной сегодня, ко мне тихо подошёл Флавнан и присел рядышком на скамью.

— Однако! — сказал я, посмотрев на него.

— Ну ты же просил, — ответил он, глядя на виднеющееся вдали море.

— Но чтобы так...

— Ему виднее, — вздохнул мой батюшка.

ГЛАВА 10. СХИМНИК АЛЕКСАНДР

У каждого христианина, наверное, есть свой любимый храм, в котором он чувствует себя более дома, чем дома. Для кого-то это храм, в который он впервые осознанно пришёл познакомиться с Богом, для кого-то — храм, в котором он был крещён или в который ходили его родители, деды и прадеды. Для кого-то любимым становится храм, в котором он полнее чувствует благодатный Божий ответ на искреннюю сердечную молитву.

У меня тоже есть любимый храм, даже два! Оба во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Один находится на моей «духовной родине», в селе Покровском, другой — на Святой Горе Афон в русском Свято-Пантелеимоновом монастыре.

Первый я люблю, потому что с ним у меня связано всё, что есть ценного в моей жизни: обретения Бога, духовного отца, жены, семьи, новой во Христе жизни, потому что в нём я несу церковные послушания, «пою

Богу моему дондеже есмь»! Словом, понятно, почему я люблю Покровский храм в селе Покровском.

Почему я люблю Покровский храм в «Пантелеимоне», я понять не могу. Там есть и более величественный главный собор монастыря — «кириакон» во имя святого великомученика Пантелеимона, вообще, на Афоне есть множество самых разнообразных храмов, величественных соборов и маленьких экклесий. Но ни один из них не притягивает меня к себе так, как венчающий собою келейный корпус северной стены монастыря, не примечательный ни по архитектуре, ни какой-либо харизмой древности и многовековой намоленности, длинный и широкий, как ангар, двух-придельный храм Покрова.

Но... лучше по порядку!

Погостив пару дней в скиту у радушного отца Никифора, отец Флавиан собрался отправиться в Пантелеимон, тем более что диамонитирионы у нас были направлены на этот монастырь, и к тому же мы везли с собой туда из Москвы различные посылки и передачи. После службы и трапезы мы с Игорем вновь загрузили нашу с Флавианом поклажу в кузов пикапа, отцы Флавиан и Никифор вновь исполнили прощальный «вальс бегемотиков», троекратно обнявшись и расцеловавшись в заросшие седыми бородами щеки, мы залезли на свои сиденья в машине и поехали!

— Батюшка! — повернулся сидящий за рулём Игорь к Флавиану. — Отец Никифор благословил меня с вами на гору идти, если соберётесь! Для помощи и вообще! Так что звоните, когда пойдёте, я приеду!

— Спаси его, Господи! — перекрестился Флавиан. — Мне ведь, старый медведь, ничего не сказал, чтобы избежать благодарностей! Ну да ладно, будем в долгу!

Полтора часа по афонским «серпантинным» дорогам, то пыльным, то каменистым, то бетонированным, с их подъёмами и резкими поворотами, спусками на тормозах и медленным переваливанием колёс через водостоки в ущельях, прилично утомили моего батюшку. Поэтому, когда на очередном спуске Игорь приостановил машину, показал вправо на видневшуюся сквозь листву крышу и сказал: «Смотрите, отче! Это мельница преподобного Силуана! Не хотите выйти и посмотреть поближе?», Флавиан только вздохнул:

— Что-то я притомился, брат Игорь! Вы с Алексеем сходите, если хотите, а я как-нибудь потом...

— Отче честный! — встрепенулся я. — Значит, потом вместе и придём или приедем. Поехали Игорёк!

— Сюда можно и пешком от Пантелеимона, до него метров шестьсот осталось! — сказал Игорь, трогая машину с места.

— Вот и хорошо! — отозвался Флавиан. — Значит, потом вместе пешочком и притопаем!

Наконец-то мы добрались до Пантелеимона! В архондарике деликатный послушник Георгий поставил нам на стол «евлогию» (какой был рассыпчатый лукум, ну просто таял во рту!), в то время пока седой, взлохмаченный архондаричий, добрый отец Иннокентий, оформлял наши диамонтирионы и подбирал нам кельи. Едва мы закончили с лукумом и кофе, как он позвал нас и выдал ключи.

— Вам, батюшка, как монаху и священнику, естественно — одноместная келья на этом этаже! Вам, — он протянул мне ключ, — как не монаху и не священнику, тоже одноместная и тоже на этом этаже! Сейчас свободных келий хватает, так что располагайтесь и отдыхайте до службы!

Игорь понёс Флавианову поклажу к нему в келью, я свои пожитки в свою. Войдя в помещение, предназначенное быть мне жилищем в течение нескольких следующих дней, я положил рюкзак на пол и огляделся. Келья показалась мне знакомой. Кровать у окна, в изголовье небольшие «софринские» иконы Казанской Божьей Матери и Великомученика Пантелеимона...

Вспомнил!

Это же та самая келья, которая досталась в прошлый раз Флавиану и благоухала миром из так и не найденного нами источника! В этот раз миром не пахло...

Пахло свежим морским воздухом из открытого окна, разбавленным дизельным выхлопом трактора, с грохотом сгребающего прямо под моим окном щебён-

ку — в монастыре активно шли строительно-восстановительные работы.

Разложив по местам временной «дислокации» свой немногочисленный скарб, я вышел в коридор и направился в келью к Флавиану, чтобы успеть попрощаться с отъезжающим в свой скит Игорем. Однако Игоря я уже не застал.

— Аминь! — в ответ на моё традиционное молитвенное приветствие при входе в келью ответил мне Флавиан. — Игорь уехал! Кланялся тебе, просил извинить за то, что торопится. Тебе не кажется, что здесь какой-то знакомый запах...

Я принюхался. Конечно! В келье у Флавиана опять пахло миром!

Едва мы рассортировали посылки и передачи, отложили отдельно те, которые предназначались друзьям в Пантелеимоне, убрали обратно в сумку всё остальное, и Флавиан вознамерился прилечь, чтобы успеть отдохнуть перед вечерней, как в дверь постучали и знакомый голос произнёс уставную молитву:

— Молитвами святых отец наших Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас!

— Аминь! — ответил Флавиан, открывая дверь.

В келью вошёл радостно улыбающийся отец К-ма.

— Ну, здравствуйте, здравствуйте, отцы! — приветствовал он нас, обнимая поочерёдно. — Слава Богу, добрались!

— Я всего лишь «сын», — вздохнул я, — зато «духовный»!

— Да ладно прибедняться, — засмеялся отец К-ма, — а пять детей у кого?

— А, ну да! — ретировался я. — С этой точки зрения, конечно...

— Отец К-ма! — обратился к нашему гостю Флавнан. — Тут тебе посылки передали, вот, держи, это пакет с дисками, это кннгн, а это пнсьмо.

— Спасн, Христос, отче Флавнане! Только я теперь не К-ма, а схимонах Александр! Уже третий месяц пошёл, как постриглн.

— Ого! — не смог я сдержать удивлённый возглас. — Как это, как это, отче? К тебе теперь прикасаться-то можно?

— Можно! — улыбнулся схимонах Александр. — Нечаянно так получилось, сверзился я со строительных лесов немножко, ну н думали, что не выживу. Решили, пока в сознании, в схиму постричь, н постригли. А я, видишь ли, теперь опять по лесам лазаю! Такое уж у меня послушание! Пойдёмте ко мне в «каптьорку», пока до вечерней службы время есть, я вас настоящим китайским чаем угощу! Вы такого, небось, ещё н не пробовали, «улун» называется! Мне его один иеромонах из России привёз!

— Лао Ди? — воскликнул я. — То есть, отец Димитрий?

— Точно! — удивился отец Александр. — А вы его знаете?

— Три дня назад в Семионовской келье познакомились, — ответил Флавиан, — он там для нас мастер-класс по чайной церемонии устроил. Алексей, мне кажется, сразу горячим сторонником Гун Фу Ча стал!

— А что? Между прочим, в чайном листе содержится пятьсот восемьдесят четыре микроэлемента, столько ни в одном растении больше нет! — откликнулся я. — Это мне сам «авва» Димитрий сказал!

— Ну, тогда пошли эти микроэлементы в «исинском» чайничке заварим! — засмеялся схимонах Александр.

— Пошли! — со вздохом поднявшись со стула, согласился Флавиан.

«Каптёрка» схимонаха Александра оказалась достаточно просторным помещением, с балконом и отдельным туалетом (что немаловажно при серьёзном чаепитии). Увидев на столе уже знакомый чайный столик «чабань» со стоящими на нём «правильными сосудами», я удовлетворённо отметил: «И здесь воссиял свет просвещения «великого Лао Ди»!»

Отцы снисходительно улыбнулись.

Когда настоящий северо-фудзянский улун был заварен и налит по чашечкам уже примерно по четвёртому разу, благоговейную тишину чайного действа нарушил Флавиан:

— Я заметил, отче, — обратился он к отцу схимонаху, — за эти полтора года вы многое успели отреставрировать и отстроить заново!

— С Божьей помощью, отче! — ответил отец Александр, прихлёбывая чай из пиялушки. — Кризис этот, конечно, несколько расстроил наши планы на реставрацию, но в целом процесс идет стабильно. Ты бы видел, какой теперь у нас келейный корпус! Сплошное «евро»! Кельи отделаны по высшему классу, с отоплением, с умывальниками! Не хуже чем в Ватопеде!

— Да! — подтвердил, кивнув головой, мой батюшка. — В Ватопеде «круто», сам видел! А вообще-то, как ты мыслишь... Монахам-то «оно надо»? Это самое «евро»?

— Да, знаешь, отче, — поставив чашечку на чабань, ответил схимонах, — ты, честно говоря, прямо «в десятку попал»! В самое больное моё место! Я с этим вопросом и сам никак не разберусь. Ведь и Сергей Радонежский, и Серафим Саровский, и наш Силуан Афонский без всякого «евра» спасались и святости достигали. Уже не говоря про пустынников и отшельников, включая здешних «карулиотов» (отшельников, живущих на труднодоступных скалах афонской Карули).

Даже, напротив, вся традиция монашеского подвижничества категорически противится излишнему комфорту для монахов, считая этот комфорт явлением расслабляющим, обмирщвляющим, пагубным для

аскетов, чей девиз относительно плоти точно выражен батюшкой Саровским Серафимом: «Угнетаю угнетающего мя»!

А нынешняя жизнь в монастырях, причём как на Афоне, так и в России, да возможно и по другим местам, всё больше тяготеет к удобствам и комфорту, вроде бы для того, «чтобы мирские заботы не отвлекали от духовной жизни»! Центральное отопление и водопровод давно отменили колку дров и таскание воды из колодцев, не говоря уже про тёплые туалеты, электроплиты и холодильники.

Вы ведь читали в житии, сколько мешков муки старец Силуан на своих плечах по лестницам на мельнице перетаскал? Сейчас этого не нужно, муку готовую покупаем, а сама мельница заброшенная стоит. А если и нужно грузы куда-нибудь наверх поднимать, то сейчас каких только электроподъёмников не придумано! Только кнопки нажимай!

Потихоньку превращаются многие монастыри из обителей подвига в этакие «дома молитвы и отдыха», и новоприходящие в них братия часто ищут не такое место, где наставники молитвы сильнее или богослужения благодатнее, а такое, где удобств больше, трапеза обильнее и разнообразнее, где настоятель мобильники не запрещает, аудио-, видеоплееры да ноутбуки!

Поэтому, как уже многие монахи-греки мне говорили, сейчас греческие юноши не очень-то в дальние скиты

да бедные монастыри идут, больше норовят в большие прибрежные обители, где посытнее да покомфортнее, и куда родственникам проще приехать их навестить.

Ты думаешь, почему сейчас почти все греческие монастыри к себе русских послушников брать начали, ведь ещё недавно не было так? А сейчас практически в каждом из Афонских монастырей — где двое, где пятеро, а в Дохнаре даже около десяти русских иноков подвизаются! Каруля недавно и вовсе русской стала, после того как там последний из сербских монахов скончался!

Причём если из деревень греческих ещё приходят молодые ребята на Афон и остаются, то из Афни или Салонников редко кто больше года на Святой Горе удерживается — очень уж изнеженная миром нынче молодёжь пошла! Для них уже и «еврокелья» недостаточно комфортна.

— Однако, грустно! — не выдержав, вздохнул я.

— Не то слово, Алексей! — с болью в голосе отзывался отец схимонах. — Глядя, как наша обитель и другие афонские монастыри всё комфортнее обустраиваются, я уже не раз думал: а для монахов ли строим? Не пойдут ли наши стронтельные труды на потребу греховному миру, когда он сюда, как отцам предсказано, перед концом ворвётся?

Не станут ли эти «еврокельи» номерами отелей и «апартаментами»? Не грядёт ли уже это время столь скоро, что и помолиться-то, как следует, не успеем в

этих строительных работах? Не для того ли и мир сейчас столь щедро все эти строительные работы спонсирует под предлогом заботы о сохранении Афона как всемирного культурного наследия?

Ведь один только Евросоюз уже сколько миллионов евро сюда загнал, не считая других получастных и частных фондов и «благотворителей»! Все ли они так во Христа уверовали, что громадные деньги на ремонт афонских монастырей сюда переводят? А не является ли это для многих из них перспективным вложением средств в будущий туристический бизнес? Ведь по законам того же Евросоюза, если его средства в какой-либо недвижимости некий процент превышают, то Евросоюз на эту недвижимость право собственности предъявить может!

А с другой стороны, раз даёт нам Господь возможность отремонтировать всё получше, так разве не должны мы, монахи, эту возможность сполна использовать? Где тут грань, за которую переходить нельзя? Вот и крутятся в голове все эти мучительные для меня вопросы, и не нахожу я пока на них ответов, отцы!

— Да уж! Нарисовал ты, отче, таких «страшилок», что я теперь спать не смогу! — откровенно загрустил я.

— Знаешь, отче, — неторопливо заговорил Флавиан, повернувшись к отцу Александру, — я так думаю, что чего уж Господь нам во спасение пошлёт, того мы отвратить не сможем, как бы ни хотелось. Главное помнить, что всё, что к нам извне приходит,

есть лишь проявление Его Божественной к нам любви, каким бы оно скорбным для нас не было!

— И ГУЛАГ Сталинский тоже? — не утерпев, вставил я.

— И ГУЛАГ тоже, Лёша, — ответил Флавиан, — я и сам вместить этого не способен был, пока не изучил подробно состояние церковной и мирской жизни в России перед революцией, пока не увидел, какой ужасающий уровень бездуховности, а порой и просто безверия царил в среде русского духовенства и монашества, не говоря уже о мирянах.

А Господь всё это духовное болото так встряхнул, что многие безбожники от скорбей да мучений в лагерях взмолились да покаяться и от всей души к Богу обратились!

— Ну, а те, кто веру имел тогда, кто пострадал вообще невинно? — не мог я успокоиться.

- Ну, а те, кто за веру пострадать сподобился или невинно гонения со смирением претерпел, те вообще от Бога венец славы мученический получили! Мы им теперь молимся и их ходатайства за себя перед Господом просим, Новомучеников и Исповедников Российских!

Наше дело — исполнять Божью заповедь любви везде, куда бы нас Господь ни привёл, в миру ли, в монастыре или в лагере, в каких бы внешних обстоятельствах мы не очутились, и тогда Царство Божие будет «внутри нас»!

— Понял, отче! — смирился я с неоспоримой логикой батюшкиных слов. — Ты прав, как всегда...

— Дело не в моей правоте, Лёша! — спокойно продолжал Флавиан. — Дело в непостижимом для нас, но непреложно благом Промысле Божьем! Надо искреннее доверять Богу и не сомневаться в Его любви к нам, этой любви недостойным!

— Ну да! — вспомнил я. — Он мне также сказал: «Богу виднее, доверяй Ему...»

— Кто сказал? — не понял отец Александр.

— Феологос! — вздохнув, ответил я.

— А кто этот Феологос? — переспросил схимонах. — Он здешний или там, в России?

— Это Лёшкино, очень личное, отче, — ответил за меня Флавиан, — не стоит об этом.

— Ну, прости, — смутился схимник, — я не знал...

— Да что ты, ничего! Это ты меня прости за смущение, отче! — смутился теперь я.

— Так, братие! — поднял палец Флавиан. — Если не ошибаюсь, то это к службе звонят!

За окном «каптерки» раздался зычный звук монастырского колокола.

— Сегодня служба в твоём любимом Покровском храме, — с улыбкой похлопал меня по плечу отец схимонах.

— Слава Богу! — с искренней радостью воскликнул я.

ГЛАВА 11. ПОКРОВСКИЙ ХРАМ

Покровский храм!

Большой, широкий и длинный в глубину от входа до алтаря, разделённый двумя рядами соединённых спицами стасидий, стоящих между украшенных с четырёх сторон иконами опорными колоннами, на два неравных по ширине придела: справа — более широкий, Покровский, слева — поуже, Святого благоверного Князя Александра Невского.

Светлый и напоённый воздухом; днём — загадочный, словно распахнувшийся в глубину бездонного неба; ночью — гулко откликающийся на шаги толстыми досками пола. С ажурным золотом иконостасов и кивотов, богато изукрашенными окладами чудотворных икон, увесистыми гроздьями паникадил и своей неповторимой, тонко ощущаемой атмосферой непрекращающейся молитвы, словно сам храм или его Хранитель Ангел, или входящие в него через свои святыне образа угодики Божьи не прекращают в нём молит-

венного предстояния перед Творцом даже тогда, когда храм покидают закончившие службу монахи.

В Покровском храме есть у меня любимая стасидия, стоящая лицом к алтарю, в приделе благоверного Князя Александра, прямо перед большим проскинитарием — увенчанным сенью столиком, напоминающим алтарный жертвенник со стоящими на нём серебряными ковчегами с мощами святых, чья память празднуется на текущей неделе. В мой первый приезд в центре проскинитария стоял нехитрый ковчег с главою преподобного афонского старца Силуана, но в этот раз...

Как мне сказали, некто благочестивый паломник, кажется, даже получивший от преподобного Силуана благодатную помощь по молитве перед его честною главою, в знак благодарности святому создал прекрасный драгоценный ларец, изукрашенный самоцветами, в который и переложили честную главу преподобного, и ради сохранности ларца убрали его в маленький параклис, используемый как хранилище святынь и открываемый лишь для поклонения этим святыням паломников.

Так что...

Ну, значит, так надо!

Чтобы попасть в Покровский храм необходимо подняться по семи лестничным пролётам, три из которых, начинаясь на северной стороне центральной площади монастыря, проходят по открытой части здания и приводят к площадке с фреской, изображающей

коленопреклонённую молитву старца Силуана, у которого (на фреске) зацелован молящимися весь локоток правой руки.

Затем лестница продолжается внутри здания келейного корпуса, поднимая вас через три этажа на четвёртый и приводя на площадку с тремя дверями: прямо — в тот самый параклис (маленькую церковку) со святынями, направо — на балкон с великолепной панорамой всего монастыря на фоне моря и налево — в сам Покровский храм.

Войдя в высокие застеклённые двери, вы попадаете в высокий гулкий коридор с висящими по стенам на вешалках монашескими мантиями и рясами, и пройдя его, сквозь вторые стеклянные двери попадаете в сам храм. Точнее, в некий особый благодатный возвышенный мир, возвышенный не только над поверхностью земли, но и над всею суетностью лежащего в его подножии земного бытия.

Вечерня была обычной, будничной и пронеслась незаметно, я даже не успел захотеть присесть и простоял всю службу в любимой стасидии с поднятым вверх сиденьем. Только-только настроил себя на молитву, и уже — отпуст! Ну да ладно, ночь впереди, даст Бог — помолимся!

Когда я, перецеловав все полюбившиеся мне ещё в первый приезд иконы, спустился наконец одним из по-

следних на площадь, лежащую между соборным храмом-кириаконом великомученика Пантелеимона и зданием трапезной, увенчанной самой красивой на Афоне колокольней, дверь в трапезную уже была открыта, и большинство братии и паломников заканчивало рассадку за большими деревянными столами на такие же внушительные деревянные лавки по местам, указываемым деловитыми «трапезниками».

Едва я занял указанное мне место за паломническим столом, как зазвучала молитва, священническое благословение пищи, и началась трапеза, сопровождаемая чтением жития дневного святого, гулко отдававшимся эхом в огромном, на три четверти пустом здании трапезной.

Кормили просто, но, как и за утренней трапезой, давали первое, второе и десерт (обычно в афонских монастырях трапеза бывает дважды в день: после литургии утром и после вечерни вечером).

На первое были классические русские щи со сметаной, на второе — макароны с подливкой из овощей, кроме того, кусочек сыра, чай, яблочное повидло, очень вкусный пшеничный хлеб собственной выпечки и всегда стоящие на столе в мисках из нержавейки великолепные солёно-подкопчённые чёрные маслины.

Вкус... Этого не передать, это не Критикос какой-нибудь! Это можно только ощутить самому и только за монастырским столом.

Дождавшись после трапезы на площади Флавиана и увидев, что он взят в пленение ещё одним пантелеимоновским иноком, которому во Флавиановой спортивной сумке лежал присланный из России пакет с книгой, я быстренько благословился у своего батюшки на фотосессию монастыря со стороны набережной (единственная зона, откуда разрешают снимать Пантелеимон без специального «благословения»). Чтобы не упустить вечернее освещение, с возможно приличной скоростью я зашагал в сторону архондарика за фотоаппаратом.

Фотосессия удалась! Правда, я едва не искупался в море, почти уже кувыркнувшись в него с высокого парапета, ограждающего набережную, когда тянулся захватить в кадр весьма фотогеничный балкон на фоне купола колокольни. Но для настоящего искусства это мелочи!

Зато я «забабахал» такие панорамы монастыря с конца пристани-арсаны широкоугольным объективом! А чайка, «схваченная» телевиком около печной трубы на крыше архондарика! А шикарная полупрозрачная тень в гроте со святым источником! О! Отщёлкав с полторы сотни кадров своим «Canon 1000D», я чувствовал себя почти Вадимом Гиппенрейтером, спускающимся с огнедышащего камчатского вулкана, отснятого им собственноручно изготовленной деревянной камерой...

И тут!

Мимо меня прошёл высокий сухопарый монах, лет так около пятидесяти с небольшим, в надвинутой на очки вязаной черной шапочке, серьёзных горных кроссовках, с рюкзачком на плечах. А на груди у него висел...

О! Нет, это надо обрисовать поярче!

Был такой фильм американский — «Трэс Амигос», то есть «Три товарища» по-испански. Там три голливудских актёра, снимавшихся в вестернах в конце XIX века в ролях героев, приехали в глухую мексиканскую провинцию, думая, что их пригласили показать шоу со стрельбой и гарцеванием на лошадях.

И попали в лапы абсолютно реального бандита Эль Гуапо (кажется, это имя переводится как-то неприлично), который вынуждает одного из них, по имени Ник ... стреляться на «ковбойской» дуэли с немцем лётчиком-контрабандистом, поставлявшим этому Гуапе оружие.

Причём с немцем-киноманом, выросшим на вестернах с этим самым Ником и с детства мечтавшим не только научиться, подобно Нику, крутить кольт на пальце, но и стрелять из этого кольта не хуже своего кумира. Сами понимаете, когда ему представилась возможность посоревноваться...

Словом, ставят бандиты бедного актёра в его опереточном мексиканском «прикиде» против реального

стрелка-контрабандиста, и тут один из эльгуаповских «шестерок», увидев блестящий хромом с перламутром револьверчик Ника, забирает у него эту игрушку и подаёт актёру здоровённый тяжёлый кольтище, произнося при этом: «Выкинь эту писюльку, умри с револьвером, из которого стреляют настоящие мужчины!»

Так вот! Nikon-ище с громадным объективом, висевший на груди у того высокого монаха, напомнил мне то самое, из чего «стреляют настоящие мужчины», а мой Сапоп-чик, соответственно...

Ну, я думаю, вы поняли!

В архондарик я вернулся в более смиренном состоянии духа, нежели то, в котором я уходил с набережной.

Кстати, в том фильме Ник всё-таки «завалил» своего поклонника-немца из того страшного кольта.

ГЛАВА 12. АФОНСКАЯ НОЧЬ

Не успел я толком отдохнуть после фотосессии, то есть проглядеть отснятые кадры на дорожном ноутбуке, как в гулком коридоре архондарика раздался громкий звон маленького ручного колокола, по пробуждающему эффекту скорее похожему на корабельную «рынду», и громкий голос архондаричьего привычно воскричал:

— Бдению время, молитве час! Прилежно возопием Богу: «Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас!»

Пора было идти на малое повечерие. Выйдя из кельи в коридор, я обнаружил в нём Флавиана, уже закрывшего на ключ свою келью и идущего к выходу из архондарика. Я последовал за ним.

— Отче! Я всё думаю про мельницу преподобного Силуана. Как насчёт завтра, после утренней трапезы, прогуляться туда?

— Если даст Бог дожить до завтра, то прогуляемся, Лёша! — ответил мой батюшка. — Я уже узнал, у кого

нужно попросить ключ от церковки, в которой Силуану явился Господь, выйдя из местной иконы в иконостасе.

— Ну слава Богу! — обрадовался я. — Очень уж хочется повидать живьём место подвигов такого великого старца!

— Греки на Афоне говорят: «Россия в девятнадцатом веке дала мировому монашеству преподобного Серафима Саровского, а в двадцатом веке — преподобного Силуана Афонского»!

За разговором мы подошли к воротам монастыря, помолились образу великомученика Пантелеимона над входом, приложились к его образу и к иконе Божьей Матери под аркой ворот, здесь же Флавиана остановил с каким-то вопросом молодой невысокий монах. Флавиан махнул мне рукой в сторону храма, я кивнул и, не дожидаясь его, отправился в Покровский храм.

Ну, вот так!

В «моей» стасидии уже стоял какой-то озирающийся во все стороны, видно, впервые оказавшийся здесь немолодой паломник в светлом льняном костюме.

«Обидно, досадно, но — ладно»!

Можно было, конечно, помолиться о том, чтобы Господь его куда-нибудь в другое место перевёл, ведь этому паломнику «моя» стасидия ещё не так дорога, как мне, но...

— Может быть, ему здесь молиться нужнее, — подумал я. — Господь ведь знает, что я люблю это место,

но раз Он решил поставить сюда этого человека, значит, так всем полезнее!

Я, уже смирившись, начал приглядывать себе другую «точку дислокации», как вдруг паломник в льняном костюме, увидев кого-то, очевидно, ему знакомого в другом конце храма, покинул «мою» стасидию и, перейдя туда, встал рядом со своим знакомым.

Я ещё постоял немного, проверяя — точно ли Господь благословляет мне занять моё любимое место, и увидев, что все проходят мимо «моей» стасидии, не занимая её, «с чувством глубокого удовлетворения» водрузил свою плоть на вожденное седалище и возблагодарил Бога, балующего Своих непослушных детей даже в таких мелочах...

Повечерие пролетело почти незаметно, молился я, надо признаться, достаточно рассеянно, образы пережитого за последние дни всё время вставали перед глазами, множество новых мыслей, новой духовной информации роилось у меня в голове, и я никак не мог сосредоточиться на словах молитв. В общем, я вышел из храма весьма недовольный самим собой.

Начинало темнеть. Оглядевшись и не найдя в зоне видимости Флавиана, я не торопясь вышел из ворот монастыря, прошёл по длинной прямой аллее, спускающейся к архондарику, и, решив сегодня уже не беспокоить батюшку, отправился напрямик в свою келью.

Ветра не было, море почти неслышно плескалось о прибрежную гальку, вдали в темноте поблескивали огоньки курортных городков на побережье Ситонии, там уже начинался курортный сезон. Кратко помолившись перед иконами, висящими в изголовье моей кровати, пожелав Божьего благословения на сон грядущий Иришке с детками и всем, кого я помню и люблю, я лёг на свою простую, достаточно жёсткую койку и моментально «отрубился».

Ночью я проснулся от какого-то не сразу распознаваемого, но раздражающего своей назойливостью звука. Прислушался, где-то внутри моей головы отдавалось:

— ДУМЦ! ДУМЦ! ДУМЦ! ТР-Р-Р-Р! ДУМЦ!
ДУМЦ! ДУМЦ...

Словно дискотечный дебилизирующий «рэйв», от которого, как ещё юморист Задорнов очень точно сказал, «извилины мозга слипаются, а нижняя «чакра» начинает вибрировать». Следуя привычке сразу анализировать происходящее, спросонок пытаюсь понять происхождение звука; может, это работающий дизельный двигатель?

Смотрю на часы — два «с хвостиком» ночи — в это время уже никакой двигатель не должен работать, да и звук не вполне похож... Вчера вечером рабочие, живущие на первом этаже архондарика, явно отмечали

какое-то событие, может быть, они «заотмечались» и врубили на магнитоле эту дурь на полную громкость? Да нет, ну не совсем же они сошли с ума и перестали дорожить хорошо оплачиваемой работой, чтобы так себя вести? На всякий случай я высунулся из окна — звук послышался громче, но явно не со стороны первого этажа, да и в окнах у рабочих не было света...

Попытался опять уснуть, повторяя в уме молитву. Не выходит! Этот проклятый ДУМЦ просто долбит по мозгам! Одеся, вышел в коридор; звук притих, но не пропал. Вышел на балкон, обращенный, как и окна моей кельи, в сторону моря — звук заметно усилился. Вгляделся в темноту моря. Вдалеке всё так же виднелись огни курортных городков второго «пальца» Халкидиков — полуострова Ситонии. Кажется, звук шёл оттуда...

Стоп! Меня осенила догадка: а вдруг это и вправду дискотека? Да, да, да... Я ведь где-то читал, что в тихую погоду на западном побережье Афона слышны дискотеки Ситонии!

Ох! Ни... чего ж себе! Вот так «исихия» («тишина» по-гречески)! Бедные монахи! Ведь сейчас многие из них как раз творят келейную умную молитву... Вот ведь «рогатая» мерзость! Ну не так, так эдак — лишь бы нагадить монахам, лишить их возможности уединённой тишины, в которой лучше всего слышен тихий голос отвечающего на молитву Богa!

ДУМЦ! ДУМЦ! ДУМЦ! ДУМЦ! ТР-Р-Р-Р-Р-Р!
ДУМЦ! ДУМЦ! ДУМЦ, ДУМЦ!

Уснул я лишь через час, приняв таблетку «от головы».

Ещё через полчаса в коридоре архондарика зазвонел колоколец, и звонкий голос архондаричьего прокричал:

– БДЕНИЮ – ВРЕМЯ, МОЛИТВЕ – ЧАС!
ПРИЛЕЖНО ВОЗОПИИМ БОГУ: «ГОСПОДИ
ИИСУСЕ ХРИСТЕ БОЖЕ НАШ, ПОМИЛУЙ
НАС!»

Подскочил я на удивление бодрым, словно и не сражался полночи с этим проклятым «ДУМЦем», прислушался — было тихо. Быстренько умылся, оделся в «приличное» и вышел из архондарика.

Как описать афонскую ночь, напоённую запахами цветущих растений, сверкающую на тебя мириадами ярких бриллиантовых звёзд из звонкой темноты такого близкого южного неба!

Как описать этот волнующий путь по ночной, фантастически красивой дороге от архондарика к открытым старым воротам Пантелеимона, сделанным из окованных толстым железом крепких деревянных досок, с мерцающей над ними в куполе крыльца лампадой!

Гоголя бы сюда, Николая Васильевича, с его великим даром слова и такой же великой верой во Христа Господа! Вот кому бы описать сказочное волшебство

афонской ночи, а не мне, жалкому «бумагомараке»... Но, видно, на «безгоголье» придётся пробовать мне самому.

Терпите!

Когда глубокой ночью ты выходишь из длинного, просторного и гулкого коридора архондарика, слабо освещённого редкими «дежурными» фонариками, шагая по хорошо подогнанным друг к другу, крупным каменным плиткам отшлифованного прошедшим столетием пола, открываешь старинную крюковую защёлку на покрытой многими слоями краски дощатой входной двери, изнутри скреплённой, подобно древним иконам, тремя врезанными «ласточкиным хвостом» перемычками, распахиваешь эту дверь и делаешь шаг за её порог, то сразу оказываешься в совершенно невероятном, абсолютно неземном — в привычном нам понимании — волнующем и одновременно успокаивающем мире.

Лунное освещение создаёт невообразимую игру теней и бликов на монастырских зданиях, каменных плитах или брусчатке дорожек, космических «ракетах» кипарисов, разлапистых чашах выстриженных в середине олив, каких-то неизвестных мне благоухающих в ночи кустов и кустиков. Чего стоит только лишь одна громадина столетней сосны с какой-то «африканской» раскидистой кроной, встревоженным великаном стоящей у поворота дорожки от архондарика на длинную,

прямую, как стрела, аллею, ведущую к таинственному отверстию ворот в величественной и торжественной крепостной стене монастыря.

Увенчанный ажурными коваными крестами, словно «султанами» гусарских «киверов», входящего на аллею встречает «почётный караул» из двух невысоких, простых, но совершенных в этой простоте каменных колонн, словно ангельская стража, охраняющая дорогу, ведущую к Небу. Двое точно таких же каменных часовых-близнецов стоят на страже аллей и со стороны монастыря.

Свет луны, придавая всему пейзажу некое контрастное напряжение за счёт игры теней и освещённых пятен камня и растительности, настраивает человеческую душу, созерцающую это дивное зрелище, на внутреннюю внимательность, молитвенную активность и торжественное предвкушение встречи со Всевышним Творцом.

А если ночь безлунна, то всё вокруг покрыто загадочным мраком, лишь изредка пробиваемым огоньками редких горящих ночниками окошек, лампадами над входом в монастырь и дверями храмов да маленькими галогенными светлячками налобных и ручных фонариков, мелькающих в руках стремящихся на ночное богослужение паломников.

А как сладко дышится этой ночной порой! Какой удивительный воздух, смешавший в себе солёный при-

вкус моря, тягучий аромат прогретой за день скудной каменистой почвы и невозможные бесчисленные запахи множества ночных цветов и неизвестных мне растений!

Уже одна только дорога от архондарика до ворот и от ворот до соборной площади, окружённой торжественно-суровой красотой величественных каменных строений, настраивает душу богомольца на предстоящий ему трепетный молитвенный разговор с Господом.

Затем последние усилия подъёма по уже описанным семи пролётам лестницы и... Благодатное пространство Покровского храма распахивается для тебя, словно материнские объятия.

А ночная афонская молитва! Да разве можно её как-то описать? Это уж — кому как Бог даст почувствовать...

Словом, глядя на темнеющие в стасидиях фигуры монахов с опущенными в молитве головами, я понимал, для чего они приехали сюда и почему здесь остались.

Афон!

ГЛАВА 13. ПАПА ГЕРАСИМ

Ночь прошла в разговоре с Богом. Этот разговор протекал то в форме монолога, когда я тщательно пытался сформулировать, скорее для себя самого (Господь и так всё знает) какие-то мысли, чувства и переживания, то вдруг ощущал присутствие рядом со мною или даже, точнее, во мне — Слушающего и Слышащего, Любящего и Покрывающего.

В такие минуты передо мною вставало кроткое лицо «монаха Феологоса», его понимающий взгляд, его добрая открытая улыбка, его умиротворяющий голос, напоминавший: «Ты, Алексей, не бойся... Богу видней, доверяй ему...»

Вспоминая о необходимости «без-образной» молитвы, я пытался отключиться от видения, оно отходило, но ощущение присутствия рядом со мной Того, Кто спас меня недавно от укуса змеи, оставалось...

В общем, как сказал батюшка Флавиан: «Это Лёшкино, очень личное», и потому, пока не обвинили в «пре-

лести», «ереси» и ещё в чём-нибудь (А! всё равно — обвинят!), тему закрываю, тем более, что о молитве на Афоне уже писано-переписано (и мной в том числе)!

Просто молиться надо, чаще, больше и горячее — остальное всё в своё время само придёт...

И не забывать о том, кто — ты и Кто — Тот, к Кому ты обращаешься!

А Он — «есть Любовь»!

Как всегда! Только вошёл «во вкус» молитвы, как этот отец Исидор уже с амвона «отпуст» литургии возглашает своим высоким звонким летящим голосом! Опять толком и помолиться-то не успел, как уже ночь прошла!

После трапезы, уже прикидывая, хватит ли у меня места на карте памяти в фотоаппарате для Силуановой мельницы, или лучше скинуть с неё всё отснятое в ноутбук и не заморачиваться этой проблемой, выхожу я вслед за Флавианом, опять ведущим на ходу беседу с кем-то из монахов, как вдруг!

— Батюшка! Алексей! — Прямо на площадке у монастырского крыльца, рядом с «мечтой джипера», стоит и окликает нас послушник Игорь!

Мы с Флавианом подошли к нему.

— Отец! Простите, что срываю с места, но надо срочно ехать! Отец Никифор каким-то образом договорился, чтобы Папу Герасима, которого сегодня

из Лаку-скити в Великую Лавру перевозят, к нам в скит до завтрашнего утра погостить завезли! Это просто чуду подобно, так что садитесь и — «на рывок»!

— А как же это... — растерялся я. — У меня только фотоаппарат с собой, а ноутбук в келье, успею сбегать?

— Какой ноутбук! — возмутился Игорь. — Такое событие, может, раз в жизни бывает, такой старец и у нас до утра!

— По коням! — коротко скомандовал Флавиан и сам первый быстро влез на своё «командирское» место.

— Вперёд!

Ох! Уж эти афонские «раллисты»! Помните моё скромное описание езды с рыжим послушником Сергием в наш первый приезд на Афон?

Так вот!

Когда за рулём послушник Игорь, послушник Сергей, как сейчас говорит молодёжь (и не только молодёжь), «сидит и нервно курит»!

Что самое интересное, Флавиан, измучившийся от той же дороги, когда мы ехали по ней из скита в Пантелеимон, в этот раз дорогу словно и не заметил! И это притом, что пронеслись мы по ней (хотел сказать пролетели, но это бы не соответствовало истине, всё-таки L200 не самолёт) раза в четыре быстрее, чем тогда. Нереально, но факт, сам смотрел по часам и по Флавиану. Доехал свежий и живой!

Судя по стоящему во дворе скита «Лендроверу-Дискавери» с греческими номерами, я догадался, что, скорее всего, Папу Герасима уже привезли в скит на этой машине, и, как выяснилось чуть позже, я не ошибся. Едва мы въехали за ворота и припарковались рядом с «Дискавери», как из дверей келейного корпуса вышли Отец Никифор и с ним два греческих монаха, о чём-то оживлённо по-гречески разговаривая. Греки подошли к своей машине как раз в тот момент, когда мы вылезали из своей, и, обменявшись с Флавианом и Игорем традиционными приветствиями, сели в свой «Лендровер» и укатили.

Отец Никифор подошёл к нам.

— Ну, отцы и братия! Подлинно, что «человек предполагает, а Господь располагает»! Только я вчера перед повечерием позвонил в Кавсокаливию, чтобы договориться о вашем визите к батюшке Герасиму, как мне говорят, что он в румынском Лакку-скити и что его сегодня мимо нашего скита повезут в Великую Лавру! Я тут же перезвонил румынам в Лакку и попросил спросить у старца, не откажется ли он провести время до завтрашнего утра у нас в скиту, и через некоторое время мне сообщили, что Папа Герасим благословил привезти его к нам и оставить здесь до окончания утренней трапезы. Самим румынам это, правда, не сильно понравилось, но против благословения старца никто и пикнуть не посмел!

— Отче! А где он сейчас? — не выдержал от радости я.

— Он... — не успел ответить отец Никифор.

— Здесь! Евлогите отцы! — раздался голос с крыльца.

— О, Кириос! — одновременно ответили обернувшиеся на этот голос отцы Флавиан и Никифор.

Мы все повернулись к крыльцу. Там, словно в раме картины или, точнее, иконы, в темном квадрате дверного проёма стоял Старец.

Это зрелище я не забуду до конца своих дней. Я увидел ожившую икону. Причём ожившую не только в том отношении, что писанное красками изображение вдруг зашевелилось.

Нет! Икона ожила тем, что привычный для нас строго-сосредоточенный одухотворённый лик святого, вдруг расцвёл (я не смог подобрать другого, более точного слова, именно — расцвёл) непередаваемым светом любви. Величественного внутреннего достоинства и в то же время поистине неисчерпаемой отеческой любви.

Старец был высок, худ, слегка согбен в плечах, но в то же время чувствовалась в его осанке какая-то особая стройность, словно неизгладимая дореволюционная офицерская выправка. Лицо его было правильным, иконописно красивым и словно каким-то забыто-знакомым. Где-то я такое лицо встречал, причём недавно...

Догадка вдруг озарила меня! Конечно! Сквозь старческие морщины, сквозь ореол сияющей седины я узнал черты незабываемого лика «монаха» Феологоса. И тот же самый взгляд!

Наверное, таким же взглядом, каким смотрел на нас в тот момент Папа Герасим, смотрел евангельский Отец, встречая у ворот своих возвратившегося блудного сына...

Мы подошли к старцу под благословение, он как-то просто и ласково благословил нас, и мы прошли в архондарик. Отец Никифор усадил Папу Герасима во главе стола, тот, не придавая этому какого-либо значения, спокойно сел на указанное место и улыбнулся.

— Отче Никифоре! — обратился он с улыбкой к отцу скитоначальнику. — А где же «евлогия» для братии? У тебя же гости! — старец указал взглядом на нас с Флавианом.

— Они, отче, не гости, — отшутился отец Никифор, сделав, однако, знак послушнику Иллариону, — они здесь почти что свои насельники! Да и уехали от нас только позавчера!

— Здесь все «насельники» и все «свои» в Доме Пречистой Богородицы, — молвил Папа Герасим, глядя на нас с Флавианом. — На сколько бы дней паломник не приехал в Святой Удел, если он приехал сюда за пищей духовной, в гости к нашей Владычице. В какой бы он монастырь или скит не пришёл, пока он под крышей этой обители, он её насельник и послушник Игумении Горы Афонской! — старец снова улыбнулся.

— Значит, батюшка, — не выдержав, обратился к старцу я, забыв всякую «субординацию», — пока я здесь, я что же, вроде как монах? Несмотря на оставшихся в России жену и детей?

— А чем ты здесь занимаешься? — спросил в ответ старец.

— Как — чем? — немного растерялся я. — Ну, молюсь с монахами на службах, и сам по себе тоже молюсь, посещаю святыни разные, там тоже молюсь, фотографирую немного...

— Живёшь по распорядку монастырскому, постишься с братией, посещаешь службы с братией, порою и послушания какие-нибудь монастырские выполняешь, так? — снова спросил Папа Герасим.

— Так! — согласился я.

— Ну а братия-то чем здесь занимается? — продолжал старец. — Тем же молитвой, постом, послушаниями! А некоторые монахи тоже фотографируют. — Старец, прищурившись, посмотрел на меня. — Вот такими фотоаппаратами! — Он с улыбкой развёл руки в стороны на полметра.

Я почему-то сразу вспомнил Nikon-ище, виденный мною у монаха на пристани.

— Стало быть, если ты здесь, — Папа Герасим показал себе на грудь в области сердца, — и здесь, — он обвёл рукой окружающее пространство, словно охватывая этим жестом весь Афон, — живёшь как монах,

то ты и есть — монах! Разница лишь в одежде! Бывает и так, что по одежде монах, а в душе — мирской, более любого мирянина...

Послушник Илларион внёс на подносе «евлогию».

Все присутствовавшие при этом разговоре разобрали с подноса чашки с кофе (Флавиану Илларион сварил отдельно, некрепкого, таблетки были проглочены), стаканы с ключевой водой; большое блюдо с прекрасным рассыпчато-тающим во рту лукумом быстро опустело (ох, видно прав мой батюшка про мытарство чревоугодия!). Чувствовалась какая-то радостно праздничная атмосфера, тихая, мирная, словно благоухающая...

— Алексей! — вдруг обратился ко мне старец (я сразу вспомнил, что имя моё ему ещё никто не говорил). — Пойдём, пока братия утешается, пошепчемся в экклесии, тебе ведь надо было о чём-то меня спросить?

— Мне? — от неожиданности растерялся я. — Это батюшке моему надо! Он ради этого и приехал к вам!

— С батюшкой твоим мы после вечерни побеседуем, — улыбнулся Папа Герасим, — а сейчас пойдём с тобой некоторые вопросы обсудим!

Мы со старцем встали, помолились, он жестом оставил всех сидеть, а я последовал за ним под благодатные своды скитской церкви.

ГЛАВА 14. ПАПА ГЕРАСИМ И Я

— **Н**у что, Алёша, — улыбнулся Папа Герасим, когда мы сели в уголке храма в две стоящие под прямым углом одна к другой стасидии таким образом, что могли видеть лица друг друга. В улыбке старца и тихой ласке его взгляда мне вновь увиделись навсегда врезавшиеся в память черты лица «монаха» Феологоса, — вспомнил, что хотел спросить?

— Да, батюшка! — сообразил вдруг я. — Сюда ехал, даже и мыслей никаких не было, у меня же есть духовник — отец Флавиан, я с ним привык уже все вопросы решать. А тут за эти несколько дней такие впечатления навалились, что голова кругом идёт, даже мой батюшка, мне кажется в некотором недоумении...

Во-первых, встреча с «монахом» Феологосом! Неужели это был Он Сам?

Старец молча кивнул.

— Но почему мне? Сколько достойных, чистых душой и телом, подвизающихся в добродетелях, почему

не им? Почему такое дерьмо, как я, прости меня, Господи, за такое слово в святом храме, почему я сподобился такой встречи? У меня голова свихивается от непонимания! За что, почему, для чего?

— Я думаю, — неторопливо начал старец, — эта встреча была тебе дана для того, чтобы ты сам, лично убедился, насколько Он близок всем нам, насколько Он человечен — Богочеловек! А ты, получив такой опыт, рассказал бы о нём другим людям, ведь тебе не зря дарован дар слова и возможность воплощать этот дар в своих книжках и статьях, которые люди читают и получают через них возможность теснее познакомиться с Тем, Кто есть Любовь!

Это твоё послушание — воспринимать открытым сердцем всё, что открывает тебе Господь, и доносить это до людей, чьи сердца тоже способны открыться навстречу Ему. Почему Его выбор остановился на тебе, я не знаю, да это и не важно — «Богу виднее! Доверяй Ему, Лёша!» — вновь улыбнулся мне старец.

— Кажется, я понял, — вздохнул я, — теперь всё это надо ещё переварить и осознать во всей полноте... Господи! Какая же на мне теперь ответственность лежит, как её понести?

— С Богом, Лёшенька, сынок, только с Богом. — Старец утешительно коснулся моего плеча. — «Невозможное человекам возможно Богу». Вот и Павел Апостол говорит: «Всё могу в укрепляющем меня Иисусе Христе»!

Уповай на помощь Божью, старайся свою часть работы делать старательно, добросовестно, остальное Господь Сам восполнит! Проси Его, чтобы тебе стать орудием Его, чтобы не твоё страстное человеческое естество довлело в исполнении этого послушания, но чтобы отъял Он от тебя всякую самость и сотворил тебя проводником Его любви к прочим людям! Тако и Богу послужишь и сам спасеши!

— Понял! — снова вздохнул я, и словно что-то мешавшее отошло от меня с этим вздохом. — Благослови меня на этот труд, отче честный, и помолнсь о моей немощи!

— Бог благословит и укрепит тебя, Алексий! — сказал Папа Герасим, осенив меня крестным знаменем. — А ведь есть и ещё нечто, волнующее твою душу, так?

— Так и есть, батюшка! — отозвался я. — Очень я запереживал от всех этих разговоров, услышанных мною от отцов в этот приезд, про последние времена, про заражение Афона вторжением мира, про «евроке-льн» эти, что номерамн отелей станут, про то, что сюда женщин могут пустить...

Страшно мне от всего этого, просто сердце кровью обливается, неужели Господь попустит такую великую святыню осквернить?

— Не нам рассуждать о судьбах Промысла Божьего, Алёшенька, — вздохнул старец, — что Богом Святой Горе уготовано, того она не минует. Только

ты вспомни о том, что Он ради нашего спасения и собственное Тело не пожалел, отдал на поругание и истязание злым человекам. Сперва было поругание, а потом и Воскресение во славе! Так и с Афоном будет...

— Трудно мне, батюшка, всё это уложить в моём греховном сознании, даже представить себе такого не могу, — тяжело вздохнул я из глубины души.

— Представишь, Алёша, — старец вдруг посмотрел на меня каким-то проникающим насквозь взглядом, — всё, что тебе будет необходимо, то и представишь и узришь...

Он встал и снова улыбнулся, словно окатив меня волной тепла и любви.

— Пойдём, Лёшенька! Скоро вечерня, отдохнём перед службой!

Мы вышли из экклесии.

Я, весь переполненный чувствами и мыслями, требующими осмысления и разложения по полочкам в моей вспученной от их переизбытка голове, автоматически направился в сторону кельи, где жил ещё пару дней назад, и, уходя, услышал голос Папы Герасима:

— Отец Никифор! Ещё немного времени есть до вечерни, пойдём-ка, пошепчемся в экклесии!

— Ага! — успел сообразить я. — Это он так отдыхает!

Впрочем, я и сам отдохнуть толком не успел. Едва я прилёг на жёсткое монашеское ложе в своём «пенальчике», едва почувствовал, как на моё перегруженное впечатлениями сознание накатывает спасительная волна засыпания, как — «то-та-та-та, то-та-та-та»... застучал деревянный молоток в ручной «талантос», созывая братию на соборную молитву. Хотя, может быть, полчаса я и продремал...

Вечерня прошла для меня благодатно-невнятно. То есть мне было необыкновенно мирно, тихо-радостно как-то, молитва, словно сама творилась в моей душе без всякого напряжения воли и сознания. Как раз сознание-то и подводило меня всю службу, постоянно норовя уплыть куда-то, где ему явно было бы комфортнее обходиться без меня самого.

Словом, к концу вечерни, я тихим младенческим сном почил в угловой стасидии, отгороженной к тому же двумя большими иконами от основной части церкви так, что увидеть там спящего меня можно было, только если специально заглянуть в этот укромный уголок. Очевидно, туда после вечерни никто не заглянул, а моё отсутствие на трапезе, скорее всего, объяснили моим «опочиванием» в келье «с устатку».

Проснулся я в той же стасидии от звука двух знакомых голосов, негромко ведущих беседу прямо за перегородкой из икон, отделявшей моё местоположение от разговаривающих. Один голос принадлежал отцу Фла-

виану, другой — Папе Герасиму. Я замер, не зная, как себя повести. Встать и выйти? Возможно, так и надо было бы сделать, но я побоялся разрушить своим появлением ту особую интимную атмосферу, которую я сразу почувствовал, услышав лишь первые звуки голосов — мне показалось, что Флавиан исповедается. Решив, что старец наверняка своим благодатным даром знает о моём присутствии и выгнал бы меня, если бы счёл это необходимым, я тихонько, стараясь не скрипеть стасидией, размотал с левого запястья чётки и попробовал углубиться в молитву. Однако мозг мой упорно не желал отключать слуховой аппарат, и я вынужденно стал свидетелем того сокровенного разговора.

ГЛАВА 15. ПАПА ГЕРАСИМ И ФЛАВИАН

— Батюшка! — говорил Флавиан, и в голосе его послышалась настолько неподдельная горечь, которой я и предположить не мог в связи со своим духовником. — Батюшка! Я в глубоком духовном кризисе, мне очень тяжело, и я с трудом справляюсь с искушением впасть в отчаяние!

Услышав эти слова, я просто вошёл в «ступор»! Мой добрый, любвеобильный и терпеливейший духовник, мудрый и внимательный, говорит такие слова, причём явно с трудом сдерживая слёзы?!

— Внешне, у меня всё благополучно, — продолжал Флавиан. — Вокруг меня стабильная, постоянно растущая община. Господь приводит ко мне множество прекрасных людей, с душами, способными познавать и глубоко ощущать Бога, с большим потенциалом духовного роста. Господь даёт мне ниву, которую необходимо возделывать разумно и добросовестно! Но я не

успеваю «идти впереди своей паствы», ни в духовном, ни в интеллектуальном развитии!

Порой я больше учусь от прихожан, чем они от меня! Текучка пастырской работы настолько отнимает у меня и физические и душевные силы, что этих сил мне уже не хватает порой даже для совершения обычного монашеского молитвенного правила, не говоря уже о какой-либо сугубой молитве за самого себя и за тех же духовных чад и прихожан!

Я вообще ощущаю себя монахом только здесь, на Святой Горе! Это что-то неестественное — быть монахом и одновременно приходским священником: монашество призывает тебя в келью, в уединение, в глубину сердца, а священство выталкивает тебя к людям и по-нуждает служить им.

А новые люди всё приходят и приходят, и я не могу отгородиться от них своим монашеством, так как ношу, по благодати священства, образ Христа, сказавшего: «Грядущего ко мне не иждену вон»! Но у меня уже не хватает ни сил, ни ума, чтобы давать людям ту духовную пищу, которая необходима им, я перестаю понимать, зачем они приходят, что они находят во мне как в пастыре, как в духовнике, кроме усталого, еле шевелящего мозгами и словами стареющего больного попа?

От усталости и изнеможения мне всё тяжелее справляться с нападками раздражения и нетерпеливости, особенно когда приходится во сколько-то тысячный

раз объяснять очередному пришедшему, что дважды два равняется четырём и что нельзя совать палец в розетку с электричеством, и чтобы при этом тебя самого не ударило! А тот ещё и не желает воспринимать, казалось бы, таких простых истин!

Я больше отдаю, чем собираю, и потому чувство глубокой опустошённости давит и преследует меня. Только чудная милость Божия и Его Божественная благодать через совершаемые мною Таинства ещё поддерживают меня на плаву!

Что делать отче? Мои человеческие силы на пределе, и я боюсь, что скоро стану совсем неспособным давать людям то, зачем их присылает ко мне Господь!

— Отченька, дорогой! — с какой-то особой родительской нежностью заговорил Папа Герасим. — Да какие же у нас силы-то человеческие — немощь одна! Слава Господу, что Он даёт тебе сейчас ощутить это в такой полноте, это есть великая Его к тебе милость! Помни, что «сила Божия в немощех наших совершается» и что люди идут к тебе не потому, что видят в тебе умного и опытного наставника и учителя, а потому, что видят воочию в тебе образ Божий и чувствуют исходящую через тебя Божью благодать и Любовь! За ней, за Любовью-то, и идут к тебе страждущие, в миру этой любовью обделённые!

Так ты и проси Бога, не об одном лишь том, чтобы Он тебе давал силы, ума и опыта, а ещё и о том, чтобы Он Сам действовал в тебе и через тебя не только при

совершении тобою священнодействий, но и при каждом твоём соприкосновении с живой человеческой душой! Нам, пастырям, надлежит стать лишь орудиями в руках Божиих, через которые Господь Сам будет питать алчущих Истины и поить жаждущих Жизни «водою текущей в жизнь вечную»! «Не нам, Господи, не нам, но Имени Твоему» даждь действовать через нас, пастырей Твоих, и прославляться в людях!

Любви! Любви Божьей проси себе, как драгоценного сокровища, которое чем больше будешь ты раздавать, тем больше его будет в тебе умножаться! А Любовь Божья, приходя в твою душу, сама тебя и умудрит, и слово даст действенное, проникающее до глубины сердца человеческого и производящее в нём благодатное преобразование!

Проси у Бога главного — сотворить тебя любвеобильным! Остальное приложится...

Пастырь без любви — фарисей и наемник, каким бы он умным, образованным и опытным не был! Бог есть Любовь, и соединение с Ним, обожение, только в Его Любви и происходит! Чем больше ты отдашь любви людям, тем большее благодатное утешение получишь и сам, вон как та епитрахиль. — Старец указал на висящую у Царских врат иконостаса по афонскому обычаю епитрахиль. — Чем больше ты в ней служишь, тем сильнее она ладаном пахнет!

Понял меня, пастырь Христовых овец?

— Кажется, понял, отче честный! — с глубоким вздохом, в котором явно послышалось облегчение, ответил Флавиан.

— О чём ты ещё посоветоваться хотел, батюшка Флавианушка? — со вновь зазвучавшей отеческой нежностью спросил старец.

— О Евхаристии, отче!

— О чём, о чём? — казалось бы, удивился старец.

— О Причащении Святых Христовых Таин, отче! За двадцать с лишним лет священнического служения, наблюдая и анализируя жизнь своих прихожан и чад духовных, я пришёл к выводу, что Причащение Святых Христовых Таин в наше время должно стать главным средством соединения людей с Господом!

— Оно таким всегда и было, с апостольских времён, отче! — живо отозвался Папа Герасим. — Что же сейчас-то изменилось?

— Изменилось отношение христиан к этому Таинству, отче, особенно у нас, в России, — ответил Флавиан.

— Сейчас в России удивительное время! — закрыв глаза, сказал старец. — Моя семья бежала из России в тот момент, когда казалось, что не только Россия, но и весь мир сошёл с ума и рушится всё, что было дорого и ценно для русского верующего человека!

Я вырос в эмиграции, жил в разных странах, но везде тосковал по Родине и нашёл свою Россию здесь,

на Святой Горе, потому что здесь есть то, что объединяет во все века Святую Русь и Святую Гору — святость Христианского Идеала и святость жизни подвижников!

Ведь недаром и Афон и Россия являются тем, что здесь называется Агион Орос — Святой Удел, место особого покровительства Пречистой Богоматери! Недаром и монашество, как совершенная жизнь во Христе, тоже пришло на Русь с Афона, из маленькой пещерки над монастырём «Эсфигмену» в лице смиренного инока Антония!

Думаю, что и сейчас Святой Горе есть чем поделиться с моей далёкой Родиной, чудесно восстающей из праха и покаяния духовного...

Папа Герасим умолк.

— Именно так, батюшка! — горячо продолжил разговор Флавиан. — Именно так! Нам, в России, сейчас остро не хватает того опыта церковной, и в первую очередь монашеской, жизни, который, даже несмотря на многолетнюю турецкую оккупацию, здесь сохранился во много раз полнее, чем в нашей многострадальной России. Ведь у нас, даже не беря в расчет последние семьдесят лет господства воинствующего безбожия, вся церковная жизнь в послепетровский синодальный период насильно перекраивалась на западный, формальный и бездуховный манер!

А что творилось с русским монашеством в те времена! У меня волосы дыбом вставали, когда я глубже

вник в изучение монашеской жизни в России восемнадцатого и начала девятнадцатого веков! Монашество просто истреблялось, как форма подвижнической христианской жизни! Чудом Божиим являлись на Руси такие светила, как Серафим Саровский, Оптинские Старцы, ещё немногие отдельные подвижники по разным местам. Именно чудом и именно вопреки, а не благодаря всей той обездуховленной атмосфере русской религиозной жизни, в которой им доводилось нести свой подвиг, сопровождающийся непониманием, а подчас поруганиями и гонениями от «своих»!

А что уж говорить о приходской жизни в стране, где монашество перестало быть «светом» и примером для мирян! Уже при жизни самого императора Петра развращённое его «всешутейшими и всепьянейшими соборами», этими кощунственными и богохульными языческими оргиями, да и всей его антирусской и антиправославной деятельностью так называемое «образованное общество» отвергло Евангелие как смысл и путь жизни и стало относиться к церковной жизни как к чему-то формально-обязательному, внешнему и малозначительному.

Соответственно, и отношение к Таинствам Церкви у многих людей тоже утратило благоговейность и превратилось в чистую «отмечаловку». А поскольку империя была «православной» и только православные в ней были полноценными гражданами без ограничений в

правах, которые имели представители других религий, то для подтверждения своей «православности» каждый обязан был, сначала царским указом, а потом и постановлением Синода раз в год поучаствовать в Таинстве Покаяния и принять Святое Причастие.

То есть человек, который мог весь год не поститься ни в среду, ни в пятницу, ни в многодневные посты, не ходить в церковь на богослужения, не молиться и вообще быть «вольтерьянцем»-атеистом, раз в году приходил в приход, к которому он был приписан и в котором он был занесён в «метрические» книги, формально исповедовал грехи, причащался и ещё год мог спокойно продолжать вполне языческую жизнь.

Причём бывали случаи, когда «просвещённые» люди, даже таким образом не желая «отметиться», нанимали за небольшие деньги какого-нибудь бессовестного проходимца, который за полученные деньги шёл в церковь и под именем заплатившего исповедовался, причащался и отмечался в «исповедальных» книгах!

Войдя в обиход Русской Церкви, такая практика привела к тому, что даже искренне верующие люди стали считать достаточным раз в году «поговорить» несколько дней в течение Великого Поста, исповедаться и причаститься. Те же, кто повторял такой «подвиг» в другие многодневные посты, считались просто «подвижниками»! А уж если кто из «образованных» мирян

регулярно посещал по воскресеньям церковь, соблюдал все посты и часто причащался, такового почитали чуть ли не «еретиком»!

Именно так и случилось в студенческие годы со святителем Игнатием Брянчаниновым, когда о его посещении Божественной Литургии каждое воскресенье и частом причащении, как о подозрительном поведении, начальству написал донос сам священник, у которого будущий Святитель исповедовался и причащался!

Да и вообще богослужение старательно превращали из молитвенного общения с Богом в некое театральное действо, с оперным пением, сокращённым уставом и внешней помпезностью. Одна из императриц чуть не ввела в богослужение оркестр! Только искренняя вера «простого» народа, в основном крестьян, была тем противовесом, который не дал России скатиться к полному обезбоживанию.

— Да, Флавианушко, милый, — вздохнул Папа Герасим, — Февральский и Октябрьский перевороты семнадцатого года не на пустом месте произошли, почва для них была давно приуготовлена и удобрена...

Но ты, отченька, за прошлое-то не горюй — попустил Господь тому искушению быть, значит, и оно не без пользы для Русского Православия было, для спасения душ человеческих. Зато теперь вашему брату — русскому попу — только поворачивайся! Какая нива для жатвы созрела!

— Созрела, отче! — подтвердил Флавиан. — Только жнецов мало, да и работники мы неумелые...

— А с чего ж вам умелыми-то быть? — улыбнулся старец. — Уменье с ученьем да с опытом приходит, а у вас и того и другого кот наплакал! Только ведь и Господь вашу немощь видит и незримо Своей благодатной силой восполняет. А иначе и вообще бы не было в России никакого возрождения церковной жизни!

ГЛАВА 16. ЕВХАРИСТИЯ

— **В**озрождение, батюшка, как сейчас говорят, «имеет место быть», — отозвался Флавиан, — только могло бы оно куда как эффективнее развиваться, если бы мы, священники, можно так сравнить, не одним веслом только гребли, а двумя одновременно! Тогда бы и кораблик наш вперёд бы двигался, а сейчас больше на одном месте крутится!

— Из чего ты, отченька, такое заключаешь? — спросил Папа Герасим.

— Из практической приходской жизни, отче! — ответил Флавиан.

Одно «весло» у нас хорошо работает — распространение знаний о Боге, о Церкви, о духовной жизни. Книг хороших множество издаётся, Святых Отцов, церковно-исторических, житийных, современных хороших авторов немало появилось, и священников и мирян.

Любой, желающий о Православии узнать побольше, сейчас легко своё желание удовлетворит; хочешь —

книги читай, хочешь — на аудионосителях те же книги слушай или проповеди священников, или записи богослужений. Фильмов православных много снимают: и о святых, и об угодниках Божьих, и о святых местах. Теоретически «подковаться» нынче несложно.

А вот «второе весло» — практическое стяжание православными благодати Духа Святаго — отстаёт, и сильно отстаёт! Ведь какие у нас способы стяжания Благодати: первое — молитва, второе — деятельное исполнение Заповеди о любви к ближним и самое главное, без которого ни первое, ни второе как следует не исполнить, — благоговейное причастие Святых Таин Христовых! Так я говорю, отче?

— Так, Флавианушко, так, — кивнул старец.

— А вот с этим-то у нас и главная проблема, с причащением Святых Даров Тела и Крови Господних! Когда я только воцерковился, в начале восьмидесятых, тогда на большинстве приходов считалось нормальным причащаться четыре раза в году, во все большие посты, перед праздниками, а где настоятели разрешали, то в самый день праздника.

Если человек во все двенадцать главных праздников причащался, то это уже казалось «высокой духовной жизнью», так часто в основном только «церковные» бабушки-пенсионерки причащались. Для работающего пять дней в неделю мирянина не просто и попоститься три-пять дней, и перед причастием на всенощной

побывать, и все каноны с акафистом да с молитвами вычитать. Да ещё и к исповеди подготовиться, и непосредственно перед литургией или после всенощной поисповедоваться и разрешение от грехов получить!

Потому и откладывали многие своё участие в Таинстве Причащения на большие посты, когда и так говеешь, храм чаще, чем обычно, посещаешь, за душой внимательнее следишь.

Когда я в конце восьмидесятых годов принял священный сан и вскоре был назначен настоятелем в Покровское, то поначалу придерживался такой же общепринятой практики причащения прихожан. И уже впоследствии, наблюдая в течение ряда лет процесс развития и совершенствования в духовной жизни многих своих прихожан и чад духовных, я обратил внимание на самую прямую взаимосвязь между частотой причащения и степенью активности духовной жизни нынешних православных христиан.

Мне стало совершенно очевидно, что чем чаще христианин приступает к Таинству Святого Причащения, тем лучше он защищён от любых форм демонических нападений и тем эффективнее идёт процесс его собственного духовного развития и совершенствования в богоугодной жизни по Заповедям Евангелия.

После этого я стал постепенно ориентировать своих прихожан на всё более частое причащение Святых Христовых Таин, сперва благословляя их причащаться во все

Двунадесятые Праздники и в Дни Ангела, затем дойдя до регулярного причащения не реже чем раз в две недели. И результаты удивили меня! Многие из часто и регулярно причащающихся прихожан довольно быстро духовно окрепли, приобрели мирное и доброжелательное расположение духа, внимательную и сосредоточенную молитву, укрепились в борьбе с греховными помыслами, изжили в себе мучавшие их, порой в течение долгих лет, страсти!

И тогда я всерьёз задумался над вопросом, который раньше никогда не задавал себе, поскольку, будучи воспитан с начала своей церковной жизни в уже устоявшейся традиции, считал само собой разумеющимся — как часто надо христианину приступать к Таинству Святого Причащения?

Ответа на этот вопрос я начал искать в святоотеческой литературе, в практике древней Церкви и в современной практике других православных Церквей. Результат поисков ошеломил меня.

Оказалось, что уже на Первом Апостольском соборе в Иерусалиме в пятьдесят первом году от Рождества Христова было установлено, что христианин, присутствовавший на Божественной Литургии, слушавший Евангелие, а затем ушедший не причастившимся, должен просто отлучаться от Церкви! Но почему Апостолы приняли такое жёсткое установление?

И тут меня озарило — ведь вся внутренняя логика и смысл Божественной Литургии не в присутствии на

ней, а именно в причащении! Мы ведь, будучи приглашёнными дорогим для нас человеком на праздничную трапезу, приходим и садимся за стол именно для того, чтобы вкусить предложенных яств и возблагодарить хозяина, а не для того, чтобы только сидеть за столом, глядя, как вкушают другие, и лишь обонять ароматы этих яств!

А тут — Трапеза, уготованная Самим Господом, на которой Он преподаёт нам Свои Тело и Кровь «во исцеление души и тела, во оставление грехов и в жизнь вечную»! И если наш отказ от угощения в гостях способен принести скорбь хозяину дома, то не большим ли оскорблением Хозяина жизни нашей является наш отказ от соединения с Ним в Таинстве Евхаристии, когда Он Сам призывает нас: «Со страхом Божиим, верою и любовию приступите! Примите, ядите, Сие есть Тело Мое... Пийте от Нея вси, Сия есть Кровь Моя... за вас и за многих изливаемая во оставление грехов»!

А ведь нередко в наших храмах бывает, когда священник, вышедший на амвон со святой чашей в руках и возглашающий: «Со страхом Божиим и верою приступите», — не обнаруживает «приступающих» ни одного, и это при том, что в храме в это время может находиться немалое количество молящихся!

По внутренней логике Таинства Причащения получается, что каждый христианин, за исключением «оглашенных» и запрещённых от причастия епитими-

ей, не просто может, а должен причащаться за каждой Божественной Литургией, на которой он присутствует!

Соответственно, для мирян, работающих в течение пяти дней в неделю и обязываемых Заповедью седьмой день посвящать «Господу Богу своему», нормой является причащаться за каждой воскресной Божественной Литургией! А если кто из них имеет возможность посетить ещё и праздничное богослужение, пришедшееся на будний день, то таковой мирянин может причаститься и в праздник! Я правильно рассуждаю, отче?

— Правильно, Флавианушко, правильно! — кивнув, подтвердил Папа Герасим.

— Тогда встаёт вопрос, — продолжил Флавиан, — а как готовиться к причастию современному работающему мирянину, начавшему причащаться в каждое воскресенье и в церковные праздники? Во всех молитвословах приведена норма приготовления к Святому Причащению, установленная в восемнадцатом веке для тех, кто причащался раз в год Великим Постом: «говение» в течение трёх-пяти дней, включающее в себя воздержание от скоромной пищи и супружеского общения, обязательная исповедь перед причащением и вычитывание трёх канонов с акафистом и «Последования ко Святому Причащению».

Один или несколько раз в году работающий мирянин может найти и выделить необходимое время для

такого приготовления, но если он начнёт вести свою евхаристическую жизнь так, как это следует из вышеупомянутой логики Таинства Причащения, то есть причащаться в каждое воскресенье и в праздники, то вся его мирская и семейная жизнь придёт в расстройство, потому что поститься ему придётся практически круглый год!

А ещё и необходимость «обязательной» исповеди перед причащением!

Опять-таки если мирянин приступает к Таинствам Покаяния и Причащения редко — тогда эта необходимость очевидна. Но если он живёт стабильной церковной жизнью, постоянно следит за мыслями и чувствами, старается исполнять Заповеди Божьи, не совершает серьёзных грехов, то порой такому мирянину приходится просто вымучивать из себя хоть что-нибудь, в чём можно было бы поисповедоваться, стоя у аналоя с Крестом и Евангелием, только для того, чтобы над ним прочитали разрешительную молитву и допустили к причастию.

Таким образом, происходит профанация Таинства Покаяния! Оно из сокровенного, преображающего душу действия, происходящего в сердце христианина, превращается в очередную «отмечаловку», в «так положено»!

А ведь Апостол Павел пишет в послании к Коринфянам: «Да испытывает же себя человек, и таким об-

разом пусть ест от Хлеба сего и пьёт из Чаши сей». То есть христианин сам является главным цензором своей души, опираясь на совесть и Заповеди Божьи.

И современный греческий богослов архимандрит Даниил Аэракис вторит Апостолу: «Если верующий имеет благословение от духовника на частое (каждое воскресенье) причащение, пусть исследует свою совесть. Если она не обличает его в тяжких грехах, тогда пусть переходит к подготовке к Божественному Причастию — нет необходимости исповедаться перед каждым причащением».

То есть потребность в исповеди перед причащением должна определяться не «обязаловкой», а совестью самого христианина и благословением его духовника.

Тогда я начал размышлять: а ведь мы, священнослужители, причащаемся за каждой Божественной Литургией, которую совершаем, исповедуемся по потребности души, настолько часто, насколько сами считаем необходимым, постимся только в среду, пятницу и в многодневные посты. Так почему же мы тогда возлагаем на мирян те самые «бремена неудобноносимые», о которых говорил Спаситель книжникам и фарисеям, причём такие, которых не носим сами?

Не становимся ли мы теми, к кому обращались слова Христа: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам, ибо сами не входите и желающих войти не допускаете?»

А чем мы, пастыри, принципиально отличаемся от мирян? Только правом учить в Церкви и властью совершать священнодействия силою Божественной благодати, данной нам при рукоположении! И всё! В остальном мы ничем не «святее» мирян, тем более настолько, чтобы нам можно было допускать себе то, чего мы не допускаем мирянам!

Заинтересовавшись практикой Причащения в других православных Церквях, в частности греческой, я увидел, что благочестивые верующие люди в Греции могут причащаться каждое воскресенье, исповедуясь только тогда, когда к этому их подталкивает собственная совесть. Постятся они в среду, пятницу и в большие посты, перед причастием соблюдают лишь обычный «евхаристический» пост — с полуночи и до причащения. Подобная практика имеет место отчасти и у сербов, и у болгар, и в других православных Церквях.

Тогда я начал искать ответа на свои вопросы о взаимосвязи исповеди, поста и причащения и о частоте принятия мирянами Святых Таин у Святых Отцов. Господь послал мне прекрасное исследование на эту тему: книгу преподобного Никодима Святогорца и святителя Макария Коринфского под названием «Книга душеполезнейшая о непрестанном причащении Святых Христовых Таин», в которой эти засвидетельствованные благодатными дарами Отцы на основании святоотеческого Предания обосновывают необходимость для хри-

стианина, желающего иметь благодатную жизнь во Христе, частого причащения Тела и Крови Христовых.

Причём в своём исследовании преподобный Никодим и святитель Макарий опираются на мнение таких несомненных духовных авторитетов, как Иоанн Златоустый, Василий Великий, Григорий Богослов, Кирилл Александрийский, Симеон Солунский, Николай Кавасила, Ефрем Сирий и множества других богоносных Отцов, которые все как один утверждают необходимость возможно более частого причащения Святых Таин для христиан.

Укрепившись авторитетным мнением Святых Отцов по вопросу о частоте причащения для мирян, я благословился у своего епархиального Архиепископа выступить на эту тему на епархиальном собрании духовенства. Что там было! После моего достаточно спокойного в эмоциональном отношении выступления просто поднялась буря! Многие, в большинстве своём молодые священники, горячо поддержали меня, но немалое количество «отцов» заняло и резко отрицательную позицию, приводя аргументы от: «Из-за частого причащения у мирян теряется благоговение к святыне» и до: «Тебе что, отец, больше всех надо? В благочинные рвёшься?»

— А как воспринял твоё выступление Владыка? — поинтересовался Папа Герасим.

— На удивление спокойно, — ответил Флавиан. — Владыка выслушал мнения всех выступавших, а потом

объявил: «Отцы! До тех пор, пока данный вопрос не изучен священноначалием и по нему нам не прислано рекомендаций от Священного Синода и Святейшего Патриарха, благословляю всем настоятелям определять частоту причащения своей паствы в соответствии с собственной пастырской совестью! Не препятствуйте желающим причащаться часто, но и не гоните это делать насильно. Обращайте внимание на внутреннюю готовность конкретного человека приступать к Святыне Тела и Крови. Также и с исповедью, определяйте сами — кому она перед причащением необходима, а кого можно допустить к причастию и без исповеди, вы должны лучше знать своих прихожан. А всем вам, отцы, я рекомендую ознакомиться с теми творениями Святых Отцов, на которые ссылается отец Флавиан в своём докладе, может быть, кто-то из вас и найдёт в них для себя что-нибудь полезное!» На том и порешили пока.

— Ну что ж! Мудрый у вас Владыка! — покачал головой старец.

— Мудрый, отче! Он уже старенький, в гонениях за веру пострадал, в лагерях сидел и ко всем священникам очень доброжелательно относится...

— Так в чём вопрос-то, Флавианушко? — поднял голову папа Герасим.

— Да вот смущают меня помыслы, отче — не зря ли я всю эту бучу поднял, ведь получилось, что я священников между собою столкнул, в искушение многих

ввёл. А тут ещё перед отъездом сюда из соседней епархии звонили, приглашают выступить на эту же тему на каком-то пастырском семинаре...

Может, мне надо было сидеть тихонько у себя на приходе, вести доверенную Богом паству, как совесть подсказывает, и не «высовываться» со своими мнениями на широкую аудиторию?

— Ну вот! — улыбнулся старец. — Мы тут у себя маленькое «царство Божье» будем строить в отдельно взятом приходе, а другие пусть сами, как хотят? Всё тело болеет, а мы только «свой мизинчик» лечить будем?

Нет, отче! Гони эти помыслы, они от лукавого. Христос не побоялся сказать: «Не мир пришел Я принести, но меч!» И Апостолы не побоялись проповедовать «Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие» и стать для кого-либо «искушением»! Вот и ты, отченька, не бойся, что о тебе кто-то искусится, бойся промолчать там, где молчать нельзя — «молчанием предаётся Бог»!

Ты прав — без причащения Тела и Крови Христовых «тело» Церкви не может нормально существовать, как и любое живое тело при нарушении кровоснабжения. Тут, на Святой Горе, большинство монахов причащается четыре раза в неделю, а есть кто и чаще. Время сейчас такое, что если христиане не будут часто причащаться, не будет у них и сил противостоять врагу-диаволу, который всё лютее на овец христовых

нападает, чувствуя, что времена его власти к концу подходят. Будет он и ещё лютее нападать.

Потому мы, воины Христовы, должны каждый тем оружием, что ему Христос даровал — молитвой ли, словом ли, пастырским служением, — не щадя себя воинствовать, не оглядываясь — соблазнится ли кто о нас!

Вот и ты, воинствуй, отче! Призывай чад церковных к теснейшему соединению со Христом в Его Святых Тайнах, и через то ко спасению, где и как можешь, тем и сам спасен будешь! Лёша вон тебе помощником будет. Верно, Лёшенька? — старец повернул голову в мою сторону.

— Да, отче! Как благословите! — от неожиданности подпрыгнул я, загремев сиденьем стасидии.

— Ты, Лёшенька, запомни получше всё то, о чём мы тут с батюшкой твоим говорили, раз уж привёл тебя Господь услышать, ну и запиши потом...

Снаружи раздался стук «талантоса» на повечерие.

ГЛАВА 17. МЕЛЬНИЦА ПРЕПОДОБНОГО СИЛУАНА

Сами понимаете, всё повечерне я герончески сражался с цунами чувств и мыслей, накатившим на меня после услышанного мною разговора между Флавнаном и Папой Герасимом, да и мой собственный разговор со старцем тоже ещё не успел перевариться и осесть в сознании. Словом, только с третьей чётки мне кое-как удалось «зацепиться за молитву», а тут уже и повечерне вскоре закончилось.

Литургию утром возглавлял старец.

О! Этот подарок от Господа я не забуду никогда!

Я очень люблю службы, которые совершает Флавиан. У него красивый звучный голос, каждое слово он произносит чётко, внятно, словно любовно «вычеканивая» слова молитв и священнических возгласов. В голосе служащего Флавнана всегда звучит искреннее молитвенное чувство, которое не оставляет равнодушным молящегося, но подхватывает, увлекает за собою, делается твоим собственным чувством и соединяет

тебя с молящимся пастырем в то единство, о котором сказано: «едиными устами и единым сердцем».

Старец молился не так. Все его возгласы и молитвы, произносимые слабеющим, слегка хрипловатым голосом, не несли вообще никакой эмоциональной окраски. Поразительная простота, с которой Папа Герасим возносил свои молитвы, превращала их в искренний, сердечный разговор двоих — старца и Бога, — в котором его второй Участник, незримо присутствовавший в алтаре, ощущался настолько явно, что мне хотелось заглянуть туда, за алтарную преграду, в надежде увидеть... Я думаю, вы сами догадываетесь Кого.

Старец служил, и в маленькой скитской церкви ощущалась такая концентрация Любви, что, казалось, сердце не выдержит того умиления, которое переполняло и охватывало всё моё существо. Я оглядел сослужащих с Папой Герасимом отцов Флавиана и Никифора, молящихся рядом со мною монахов и по их светящимся лицам и влажным глазам понял, что и они испытывают нечто схожее с моими ощущениями.

Слава Богу! Значит, я не свихнулся и не впал в прелесть! Слава Богу! Это просто Господь в очередной раз одарил меня своей несказанной Любовью! Слава Богу! Этот дивный дар благодати я навсегда сохраню в своём сердце. Слава Богу!

Причастились все.

Сразу после трапезы прикатившие на всё том же «Лендровере» греческие монахи увезли Папу Герасима в Великую Лавру, перед отъездом он попрощался с каждым по отдельности, со мной тоже.

— Лёшенька! — Старец посмотрел мне в глаза своим внимательным, исполненным отеческой заботой взглядом. — Ты только помни, что бы тебе ни пришлось пережить и увидеть, всё это есть только — Его к нам, грешным, неисчерпаемая Божественная Любовь! Что бы ни случилось! Богу виднее! Доверяй Ему, Алексей!

Старец улыбнулся, крепко сжал мою подставленную под благословение ладонь, и в его улыбке вновь мелькнули незабываемые черты «монаха» Феологоса...

— Ну уж на этот раз, батюшка, мы просто обязаны посетить мельницу преподобного Силуана! — начал я «наезд» на своего духовника, когда мы, взрывая пыль колёсами любимого пикапа по дороге от скита к Пантелеимону, вновь приблизились к проглядывающей сквозь листву справа старой черепичной крыше неработающей мельницы.

— Хорошо! — неожиданно смиренно согласился Флавиан. — Давай посетим.

Игорь вывернул колёса на боковой съезд вправо и метров через тридцать остановил машину на небольшой площадке около довольно большого,

четырёхэтажного в высоту здания, прилепившегося противоположной от площадки стороной к поднимающемуся резко вверх косоугору. Слева от площадки, вниз по склону, располагалось ещё одно здание, поменьше, с белым каменным крестом, венчавшим четырёхскатную, крытую серой каменной «чешуёй» крышу, — очевидно, в нём располагалась домовая церковь.

Судя по всему, это был келейный корпус, а большое здание справа — сама мельница. Мы вылезли из машины. Игорь подошёл к дверям келейного корпуса, они были закрыты.

— Жаль! — сказал он. — Здесь как раз находится та домовая церковь, из иконостаса которой во время молитвы преподобного Силуана к нему вышел Спаситель. Там теперь икона такая висит на стене — «явление Спасителя преподобному Силуану». Ключ от этого здания только в Пантелеимоне, наверное, у отца эконома...

— Ну что же! — примирительно сказал Флавиян. — Будет повод ещё раз сюда приехать!

Игорь подошёл к двери самой мельницы, на них тоже висел, судя по виду, давно не открывавшийся замок.

— Не беда! Батюшка! С той стороны здания, с горы, есть ещё один вход, прямо на четвёртый этаж мельницы, туда только пешая тропинка от дороги. Давайте поднимемся, я знаю, где там в потайном месте ключ спрятан, там мы точно войдём!

Флавиан с сомнением посмотрел на круто поднимающуюся вокруг мельницы вверх по склону заросшую кустарником тропу.

— Да ладно, отче! — подзадорил его я. — Ты же на вершину подниматься хочешь, вот тебе и тренировка!

Флавиан вздохнул и смиренно полез вверх по тропинке, мы с Игорем последовали за ним. Пару раз нам преграждали путь лианоподобные плети кустарника, и Игорь, орудуя большим десантным тесаком, всегда висевшим у него на поясе, словно мачете, прорубил нам сквозь них путь. Через несколько минут, слегка запыхавшись, мы уже стояли перед невысокой, деревенского вида дверью.

— Вон там, справа, — Игорь показал в сторону видневшегося сквозь старый сломанный заборчик каменного сооружения, — водосборник, искусственный водоем, куда собираются текущие с горы воды. Из него раньше через специальное отверстие вода подавалась на мельничное колесо сильной струёй, которая это самое колесо и крутила. А колесо крутило жернова внутри здания, их-то мы сейчас с вами и посмотрим!

— Игорёк! — Я схватился за фотоаппарат. — Ничего, если я сейчас по-быстрому водоём сфотографирую?

— Фотографируй на здоровье, только под ноги посматривай, в этом месте, говорят, змей много, а они в жару любят у воды отдыхать!

— Спаси Бог за предупреждение! — Я, осторожно глядя под ноги и вокруг по земле, подошёл к искусственному бассейну, выложенному из крупных серых камней, сделал несколько снимков и вернулся к двери. Игорь уже достал откуда-то из потайного места ключ и открывал перед Флавианом старую дверь на скрипучих кованых петлях.

Мы вошли внутрь, перед нами был коридор с несколькими дверями. Я осторожно приоткрыл ближайшую из них.

— О! Да здесь, кажется, кто-то живёт! — не удержался я от возгласа, увидев чисто прибранную келейку с убранной постельными принадлежностями кроватью и стоящими около кровати шлёпанцами.

— Очень может быть, — подтвердил Игорь, заглянув в келью вслед за мной. — Я уже давно здесь не был, возможно, кто-нибудь из паптелеимоновских получил благословение здесь отшельничать.

— Тогда не будем любопытничать в отсутствие хозяина, — сказал Флавиан, прикрывая дверь кельи. — А что это за лестница, идущая вниз? — обратился он к Игорю.

— Спускайтесь, отче! Там самое интересное, зал с жерновами! — отозвался наш провожатый.

Мы осторожно спустились по узкой старой, потрескивающей под нашим весом лестнице и оказались в просторном помещении, наполненном какими-то незна-

комыми предметами и приспособлениями. Единственное, что я сразу опознал, были большие каменные жернова, установленные в двух местах около глухой стены.

Над ними нависали какие-то деревянные желоба, по которым, очевидно, к жерновам подавалось для помола зерно, везде на полу были разбросаны архаичного вида инструменты, не всегда понятного назначения. В приоткрытом люке виднелась часть большого зубчатого колеса, очевидно, в прошлом приводившего в движение эти самые каменные жернова.

Быстро отщёлкав всё окружающее, я обратился к Игорю:

— Игорёк! А давай ещё ниже спустимся! Отче, благословишь? — Я посмотрел на Флавиана.

Тот, ещё не вполне отдышавшийся поле подъёма в горку и последующего спуска по лестнице, мотнул головой.

— Вы, ребята, спускайтесь, а я потихоньку выползу наружу и посижу, подожду вас у двери, вроде бы там какая-то приступочка была!

Мы послушно кивнули и отправились ещё глубже в таинственные недра старой мельницы, а Флавиан вновь закрипел лестницей, ведущей наверх. Недра встретили нас полумраком и запорхавшей прямо перед нашими носами летучей мышью.

— Смотри, Лёха! — позвал меня Игорь, — какие интересные весы напольные, на колёсиках!

Я, включив встроенную в фотоаппарат вспышку, старательно отснял старинные напольные весы с бронзовой шкалой непривычных делений, наверное, на фунты или пуды! Потом мы облазали ещё несколько интригующих закоулков, я отснял центральный вал водяного колеса, шкивы, какую-то, вероятно, сушилку, ещё много разных пышущих древностью артефактов.

— Пора вылезать, брат Алексей, а то батюшка уже, наверное, заснул, нас ожидая! — воззвал наконец-то ко мне Игорь. — Хватит снимать, аккумулятор посадишь!

— У меня запасной есть! — со вздохом ответил я. — Все великие фотохудожники, не будем показывать пальцем, обычно люди запасливые! Ну да ладно! Всё отснять всё равно не удастся, хотя стремиться к этому необходимо! — И я первым стал вылезать наверх.

Оказавшись в дверях, я выглянул на улицу и замер. Игорь был прав! Наш батюшка действительно заснул, сидя на каком-то камушке и привалившись к стволу дерева.

Но!

К моему ничего не подозревающему духовному отцу подползала змея!

Змея была метра в полтора длиною, коричневая, с ярким ромбическим орнаментом на спине. Кажется, такая тварь называется средиземноморской гадюкой или ещё как-то...

Она подползала со спины к ничего не подозревавшему, по-детски положившему на ладонь седобородую щёку Флавиану. Кричать уже было поздно, между змеей и Флавианом оставалось меньше метра. Всё, что я успел придумать и сделать, это — прыгнуть к змее и, наступив ей на спину, прижать её к земле.

Змее это, конечно, не понравилось, она мгновенно развернула голову в мою сторону, открыла пасть и ткнула меня в лодыжку. Боли я сначала не почувствовал, видно, адреналин сработал анестетиком, но у меня начала «плыть» голова, потемнело в глазах.

Угасающим взором я успел заметить, как подскокивший Игорь отхватил укусившей меня гадине голову мгновенно выхваченным тесаком, как приподнялся начавший просыпаться Флавиан...

Тут я и вырубился.

Всё, что со мной было потом, я знаю уже только со слов очевидцев, Флавиана, Игоря и нескольких пантелеимоновских монахов. Меня дотащил на себе до машины Игорь, они с Флавианом, насколько было возможно быстро, доставили меня в Пантелеимонов монастырь, прямо к лазарету, там монах-врач вколол мне оказавшуюся, на мое счастье, в монастырской аптечке сыворотку и ещё какие-то препараты, меня уложили в боксе под присмотром того врача-монаха по имени...

Потом скажу его имя.

В общем, пока не миновала реальная угроза моей жизни, мой добрый доктор сидел около меня, наблюдая за пульсом, дыханием и прочими, одному ему понятными признаками жизнеспособности. И лишь только тогда, когда он совершенно уверился в том, что опасность миновала, доктор оставил меня одного и позволил себе прилечь отдохнуть в соседней комнате при открытых дверях. Понятно, что Флавиан с Игорем были изгнаны бдительным эскулапом из медицинского учреждения и отправлены в храм творить с братией сугубую молитву «о болящем».

ГЛАВА 18. ТРИЛЛЕР

Ночью я очнулся. Сознание возвращалось медленно, словно нехотя, вяло продираясь сквозь какую-то тёмную липкую субстанцию.

Постепенно я начал различать слабые отсветы в полукрытых немигающих глазах и далёкий ритмичный тупой шум, периодически прерываемый каким-то шершавым рычаньем. Я попробовал пошевелить конечностями, они слабо отозвались на сигналы, посылаемые неохотно просыпающимся мозгом.

Где-то я уже слышал этот шум, с чем-то он у меня ассоциируется, почему он меня так раздражает? Я напряг внимание и прислушался.

– ДУМЦ-ДУМЦ-ДУМЦ-ТР-Р-Р-Р-Р-Р-ДУМЦ-ДУМЦ-ДУМЦ...

Сознание резко вернулось ко мне вместе с нахлынувшей волной раздражённого возмущения:

— Опять! Ну вконец «оборзелн» эти курортники со своей «бесотекой»! Как же они, наверное, достали до глубины души бедных монахов!

Исполненный негодования, я, забыв о своём полупарализованном статусе, резко выпрямился на кровати и сел, сбросив ноги на пол. В глазах у меня замелькали красные, синие и зелёные отблески, чередуясь в хаотичной последовательности. Очевидно, действие змеиного яда проявляется в таких оптических эффектах...

Я почему-то помнил и понимал, как и почему я оказался на этой койке в полуживом состоянии, я даже помнил, как выглядела укусившая меня в ногу змея — как она, словно в замедленном фильме, открыла свою капканоподобную пасть, откинула голову слегка назад, словно шпаги выставляя горизонтально наполненные смертью полупрозрачные шприцы ядоносных зубов, как отработанно точным броском она вонзила и разрядила эти «шприцы» в мою правую лодыжку чуть выше язычка кроссовки...

Почему грохот дискотеки доносится так ясно и близко, словно звук идёт не с далёкого берега Ситонии, а прямо из-за стены лазарета? И эти разноцветные блики... Они явно влетают поверх занавески больничного окна откуда-то снаружи!

Я встал на ноги, чуть качнул из стороны в сторону вновь ставшее послушным, но какое-то непривычное по ощущению, словно почти невесомое, тело. Вестиму-

лярный аппарат работал отлично, я владел своим телом едва ли не лучше, чем до памятного змеиного укуса. Я сделал шаг в сторону окна, ощущение странной лёгкости, почти невесомости не проходило, я словно бы проплыл этот шаг в безвоздушном пространстве. Но мне некогда было особо прислушиваться к собственным ощущениям, что-то нестандартное, происходящее за окном лазарета во дворе монастыря, волновало меня гораздо сильнее.

Я метнулся в соседнюю комнату, ища выход из своего бокса наружу, и обомлел.

На кровати, стоящей посреди устланной роскошным ковром комнаты, усыпанной разбросанными повсюду игральными картами, пустыми бутылками и интимными частями женского гардероба, разметав по смятым простыням загорелые руки с длиннющими, наманикюренными диким цветом ногтями, лежала полураздетая спящая женщина, распространяя вокруг себя резкий запах удушливо-приторных духов, смешанный с винным перегаром.

Я остолебел.

«Наверное, это кошмарный сон, — подумал я, — я просто сплю и вижу вызывающие гадливость ужасы, очевидно, спровоцированные в моём спящем сознании действием гадючьего яда». Я посмотрел на себя, на окружающую меня бредовую реальность, на похотливо распластанное тело посреди бордельного интерьера, на

окно с метающимися в нём разноцветными отблесками, прислушался к колотящему по ушным перепонкам грохоту барабанов.

Да! Наверное, это кошмарный сон! Или вызванная интоксикацией мозга галлюцинация! Или я просто сошёл с ума!

Ну и пусть! Пусть будет так! Пусть лучше безвозвратно разрушится моя торпедированная отравой психика, но только не ЭТО!

ЭТО не должно, не может стать РЕАЛЬНОСТЬЮ!

Я потрогал себя за рукав и ощутил знакомую шероховатость джинсовой рубашки. Я пнул оказавшуюся под ногой бутылку из-под виски, горячо надеясь, что моя нога пройдёт сквозь неё, как в каком-нибудь фантастическом голливудском фильме. Бутылка со звоном отлетела в угол комнаты, пьяная женщина на кровати пошевелилась, что-то невнятно пробурчав во сне. В ужасе я бросился к двери в противоположной стене и, распахнув её, вырвался на улицу.

Кошмар продолжался.

Сразу за дверью лазарета я едва не столкнулся с группой громко хохочущей, едва стоящей на ногах, совершенно обкуренной какой-то дрянью молодёжи, парней и девчонок возрастом не старше семнадцати, в пляжных цветных одежках, передающих по кругу дымящуюся, с длинным чубуком, керамическую трубку.

Шарахнувшись от них налево, я прошел мимо яблоневых и грушевых невысоких деревьев с завядшей, скрученной и крошащейся листвой, нырнул в угол, где стояла выросшая из черенка погибшей при пожаре «дочки»-оливы святого великомученика Пантелеимона её бережно охраняемая оливочка-«внучка». Деревца не было. На его месте стоял переполненный мусором большой пластиковый контейнер.

Я повернулся к собору Пантелеимона. Из его раскрытых окон сверкали те самые яркие цветные отсветы и раздавался тот самый колотящий по мозгам и душе адский грохот, перемежаемый криками и визгами явно «отрывающейся по полной» разгорячённой публики.

Прижавшись к стене алтарной апсиды, под самым окном алтаря, какой-то толстый бритый мужик с обнажённым татуированным торсом грубо обжимал извивающуюся в его объятиях, сладострастно постанывающую тётку азиатского вида. У меня возникло непреодолимое желание, подскочив, шарахнуть их по головам чем-нибудь тяжёлым, я уже оглянулся вокруг, ища подходящий предмет, но...

Что-то остановило во мне этот нахлынувший приступ агрессии.

Я кинулся ко входу в собор, всё ещё не веря происходящему со мною, словно подсознательно ища внутри храма защиты от одержавшего меня наваждения. Распахнув дверь в застеклённую галерею западной части

собора, я вскочил внутрь и остановился. Резкий запах пота, алкоголя и не то серы, не то восточных курительных ароматов, смешанных с табачным дымом, шибанул по моему обонянию. У внутренней двери из галереи в храм стоял, изогнувшись, притоптывающий в ритм барабанного грохота привратник в подряснике, с курчавой клочковатой бородой, безумными сверкающими глазами и шапочке, больше напоминающей иудейскую «кипу», чем монашескую скуфью. Увидев меня, он весь затрясся, забормотал что-то на неопределяемом мною языке и призывно замахал костлявой волосатой рукою, показывая внутрь собора.

Стараясь не прикоснуться к нему, я просочился вдоль стены в двери и очутился внутри храма. Вокруг меня бушевал ад.

Грохот звуков, которые у меня язык не повернётся называть музыкой, отражаясь от гулких стен собора, бомбил мои уши со всех сторон. В передней части собора, притворе, слева от входа, была сооружена аляповатая барная стойка, внутри которой «колдовали» с шейкерами и бутылками два обезьяноподобных бармена, выраженных в некое подобие монашеских подрясников с яркими блестящими перевёрнутыми пентаграммами на таких же блестящих цепях, свисающих спереди наподобие священнических наперсных крестов. Рожи их (не могу назвать это лицами) выражали глумливую радость и напыщенное самодовольство.

Справа, вместо стоявших ранее вдоль стены монашеских стасидий, было оборудовано некое каре из невысоких, обшитых кожей топчанов, на которых сидели, лежали, переползали с места на место какие-то очумелые фигуры, пернодически присасывающиеся к мундштукам стоящих на низком столике в середине каре кальянов, дымящихся анашой, опиумом или ещё какой-то курительной отравой. Между барной стойкой и курительными топчанами перемещался, толкаясь, плохо держащийся на ногах люди, одуревшие от алкоголя, наркотического дыма и безумного грохота, несшегося из центральной части собора.

Я протолкался среди этой шалеющей тусовки и вошёл в центральную часть. Здесь беснование достигало своего апогея. Всё помещение было наполнено дергающимся, словно в эпилептическом припадке, под разрывающими ушные перепонки ритмичный рокот рэвва телами — полуодетыми, татуированными, исколотыми пирсингами, пахнущими животными запахами пота и перегара. Женщины, мужчины, существа неопределяемого пола, в ярком макияже, с остекленевшими глазами, приоткрытыми ртами и судорожными, машинноподобными движениями, казалось, сливались в одно, лишённое разума и свободной воли, многоное и многорукое существо, бессознательно дергающееся, словно от ударов электрошокером или агонизирующее на раскалённой поверхности гигантской сковороды.

Полумрак помещения рассекался мечущимися по стенам и головам одержимой толпы яркими вспышками разноцветных ядовито-кислотных оттенков прожекторов, размещённых на иконостасе и над пустыми кивотами от чтимых икон. Паникадило, некогда раскручиваемое в праздничные богослужения вместе с окружающим его «хоросом» — короноподобным кольцом из бронзовых подсвечников, перемежающихся небольшими иконами, по образу движения небесных светил, сейчас беспорядочно качалось, облепленное осколками отражающих вспышки прожекторов зеркал.

Прямо в центре амвона, на возвышенности солеи, «работала» на никелированном шесте змееподобно извивающаяся стриптизёрша, единственной одеждой которой был клочковатый ярко-зелёный парик. За ней, в распахнутых «царских вратах», в глубине алтаря, на некогда святом престоле, словно одержимый злобой кукловод, дёргался над своими электрическими орудиями и дёргал через идущие от них ниточки проводов всех присутствовавших в помещении людей одетый с ног до головы в блестящую чёрную кожу костлявый ди-джей.

Выставленные в проёмы иконостаса вместо «местных» икон Спасителя и Богоматери две большие чёрные колонки отсвечивали начерченными на их лицевых решётках флуоресцентной алой краской перевёрнутыми пятиконечными звёздами.

Моё состояние в тот момент невозможно было передать словами, то была какая-то отчаянная омертвелость, соединённая с беспомощной растерянностью, что ли. Странно, но, вспоминая то состояние, я до сих пор не могу понять, почему мне не пришло в голову хотя бы перекреститься? Может быть, что-нибудь тогда могло бы измениться?

Еле сдерживая тошноту, я прорвался сквозь этот кошмар к выходу из собора и выскочил на улицу. Свежий воздух не принёс мне ожидаемого облегчения. Казалось, что даже звёзды сверкают с ночного неба каким-то неестественным синтетическим блеском.

Я бросился к выходу из монастыря. В арке перед воротами, слева, светились окна бывшей иконной лавки, дверь в неё была открыта. Я почему-то остановился и заглянул внутрь. Там, в глубине, на противоположной от входа стене, по-прежнему виднелись заставленные иконами полки, свисали гроздьями чётки, видны были на вешалках церковные облачения. Не веря своим глазам, я вошёл внутрь и пригляделся к выставленному на витринах «товару».

Да, это были «образа»...

Но какие!

Стоящее в центре большое, украшенное серебряной с камнями ризой изображение копировало классическую икону «Господь Вседержитель», даже рука, держащая книгу, была выписана в строгом соответствии с иконописной традицией.

Но лицо!

Вместо привычного, кротко-внимательного, исполненного внутренней силы любви образа Спасителя Христа в прорезь блестящей ризы смотрело хищно улыбающееся змеиным извивом тонких губ, прожигающее взглядом прищуренных угольно-чёрных зрачков незнакомое мужское лицо с коротко выстриженными усами и квадратно выбритой на щеках бородой.

«MESSIA», — гласила вычеканенная на окладе надпись.

Рядом стояли такие же «образа», но с уже узнаваемыми мною некоторыми из них персонажами: Оззи Осборн, Мэрилин Мэнсон, Алистер Кроули, Рерих в тибетской тубетейке, жабоподобная Блаватская, Ванга, Маргарет Тэтчер и почему-то Сальвадор Дали. Все изображения сияли нимбами, позы тел и ракурсы лиц пародировали византийскую иконографию. Остальных я разглядывать не стал.

Чётки действительно оказались чётками, плетённые из шёлка, шерстяные, деревянные, из полудрагоценных камушков — типичная продукция афонских монашеских мастерских. Только крестики с распятым Спасителем везде были подвешены строго кверху ногами.

То, что с улицы мне показалось подрясниками, вблизи оказалось лишь пародирующими монашеские облачения кокетливыми халатиками, с разрезами от талии и вышитыми на нагрудном кармане значками из двух кру-

жочков с торчащими из них крестиком и стрелочкой, символизирующими мужское и женское естества.

Рядом висели пляжные полотенца-подстилки, но с уже настоящими, отпечатанными на них образами Спасителя и Богоматери. Такие же священные изображения были на наружных плоскостях «сёрфов», специальных досок для катания по волнам. По замыслу производителя, каждый сёрфингист, использующий для катания такую доску, автоматически попирает бы ногами святые лики.

Смысл изображения икон на подстилках-полотенцах в объяснениях не нуждается.

С трудом сдерживая kloкочущее во мне негодование, я выскочил из опохабленного магазина, не тратя времени на знакомство с прочим «товаром». Выйдя за ворота и спустившись по ступенькам с крыльца, я оглянулся на покидаемый мною монастырь. В верхней части стены фиолетовыми неоновыми буквами сияло название HOTEL PANTELEY, а ниже, под названием, был натянут узкий и длинный плакат-баннер: «FANATISM DIED. WOMEN WELCOME!»

— Фанатизм умер! Женщинам добро пожаловать! — зачем-то вслух перевёл я.

Не соображая, что делать, я начал спускаться к морю. На углу монастырской стены, где раньше привычно стоял потускневший стенд, извещающий паломников о запрете находиться на территории монастыря в

шортах, рубашках с короткими рукавами и фотографировать где-либо, кроме набережной, стоял новый большой стенд-указатель на нескольких языках, среди которых я нашёл и текст на русском. Этот текст гласил:

«Увлекательная программа «Чёрная месса» на кладбище, на костях и черепах фанатиков-монахов, совершается каждую ночь в двадцать четыре часа. Желающим принять участие записываться заранее на «рецепшене».

Автобус в «Гей-центр» и «Лесби-клуб» в Кариестаун ходит ежедневно в одиннадцать и в девятнадцать часов от пристани.

Столики в элитном приморском ресторане монашеской кухни со стриптизом «Дионис и Ад» заказываются за три дня до посещения.

Экстремальные молодёжные экскурсии с медитациями в пещерах фанатиков-отшельников на скалах Карули проводятся каждое нечётное число месяца...»

Дальше я читать не смог. Надо было что-то делать. Иначе я мог просто взорваться изнутри, настолько меня разбирало бессильное отчаяние, смешанное с полыхающим гневом. Мне требовалось какое-то действие. Я должен был принять какое-то решение, найти выход из окружающего меня сумасшествия.

Вдруг меня озарило:

— Господи! Я же забыл о молитве! Матерь Божия! Спаси меня из этого кошмара! Это же Твой Удел, очисти его от скверны! Неужели Ты бросишь Святую Гору на поприще? Ведь Ты обещала хранить монахов Своей чудотворной Иверской иконой!

«Вот оно! То решение, то действие, которое я должен сделать, чтобы прекратить это безумие!

Иверская! Где Иверская! Скорее к Иверской! — кричало у меня в мозгу. — Главное, чтобы не ушла Иверская! Тогда ещё есть шанс! Тогда вся эта

демоническая хмарь развеется, словно клочья тумана от внезапно подувшего тёплого ветерка!»

Я бросился в сторону Иверона. То реально-нереальное пространство, в котором я находился, расступалось передо мной, не то бегущим, не то летящим, не то плывущим по вневременному неизведанному и в то же время хорошо известному мне миру.

Знакомая лесная дорога, когда-то мы ехали по ней в первый раз с послушником Сергием! Я помнил здесь сейчас каждый камешек, каждую выбоинку на ней — так работало моё сознание, словно открыв мне доступ к своим «закромам», в которые закладывается всё с чем мы встречаемся в нашей жизни, и доступ к которым обычно затруднён перегруженностью нашей «оперативной» памяти.

Старый Руссик, Кариес, Андреевский скит, Ильинский, Ставреникита, — везде я встречал одну и ту же безудержную вакханалию разгула и бесовщины, словно вырвавшиеся на свободу демоны вседозволенности торопливо сгребали всё живое на свою последнюю оргию.

Я пронёсся мимо строений у набережной, взлетел к главным воротам Иверона, проскочил сквозь них и резко бросился налево, к Иверской часовне. Дверь в неё была распахнута, оттуда лилось несказанное благоухание.

— Слава Тебе, Господи! Я, кажется, успел! — Я остановился перед входом в часовню, истово перекре-

стился и поклонился, затем шагнул в притвор. В притворе благоухание было ещё сильнее, какое-то мягкое, еле заметное свечение разливалось вокруг, словно светился сам воздух.

Я благоговейно перешагнул мраморный порог и вошёл в часовню — кивот, в котором прежде стояла Иверская икона, зиял пустотой, только многочисленные благодарственные приношения были рассыпаны на коврике перед кивотом.

Я остолбенело уставился на эту блестящую тусклым золотом россыпь колец, браслетов, орденов, пластинок с изображениями различных исцелённых по молитвам у Иверской частей тела; часы, как старинные, на цепочках, так и «Ролекс», лежавший прямо у моих ног, — все показывали одно и то же время — 12 часов.

Что-то заставило меня обернуться. Я увидел, что благоухающий свет, разлитый в воздухе, покидает часовню, словно кадильным дымком выплывая в открытые двери. Я кинулся вслед за ним.

Из раскрытых окон монастырского собора громыhalo всё то же гипнотизирующее — ДУМЦ! ДУМЦ! ДУМЦ! ТР-Р-Р-Р... Отсветы флуоресцентных огней метались внутри, наружу неслись похотливо-пьяные вопли и визги — бесы праздновали свой час.

Я огляделся, светящееся благоухающее облачко, медленно тая по пути, тянулось к задним воротам, находящимся возле сторожевой башни-пирги. Я кинулся

туда. Выскочив за ворота, я увидел спускавшееся вниз, к морю, нежное, какое-то неземное золотистое сияние, словно притушенное до самой малой мощности солнце плавно скатывалось по истоптанным веками каменным плитам дороги.

Я кинулся за ним.

Приблизившись, я увидел источник этого необыкновенного сияния, им была небольшая группа по виду человеческих фигур в длинных монашеских одеждах, словно светящихся изнутри этим мягким золотистым светом. Медленно и благоговейно, в торжественном молчании, они несли на своих светящихся поднятых руках большую, источающую этот самый свет и благоухание икону Божьей Матери — Иверскую!

Я бросился к ним, попытавшись опередить их и встать на пути этой процессии, но, едва я поравнялся с замыкающим шествие светлым «монахом», как он повернулся ко мне своим сияющим неземной красотой ликом и, обратив на меня взгляд исполненных любовью и нежным сочувствием ангельских глаз, сделал останавливающий жест своей грациозной светящейся рукой.

Я всё понял.

Поздно.

Время пришло, и я не должен «дерзнуть своей немощной рукой остановить действие Божьего Промысла».

Я мог только созерцать этот завершающий акт истории Святой Горы.

Я смирился и медленно побрёл вслед за покидающей Афон его Хозяйкой и Защитницей.

Сияющие «монахи»-Ангелы подошли к кромке воды, вошли в море до колен, освещая собою водную толщу, бережию поставили на замершую поверхность воды чудотворный Иверский образ и замерли в благоговейном поклоне.

Свет, исходящий от Иверской иконы, усилился, начал разливаться вокруг, подниматься вверх всё более расширяющимся лучом, икона незаметно тронулась с места и стала удаляться от берега, оставляя за собой на воде искрящийся бликами светлый след.

Когда икона удалилась от берега метров на сто, один из Ангелов повернулся ко мне и, улыбнувшись, молча указал рукой на причаленную к берегу небольшую шлюпку с лежащими на дне вёслами.

Я понял это как разрешение проводить Владычицу, ещё какое-то время созерцать дивное чудо её оставления Своего Удела. Не размышляя, бросился я к шлюпке, оттолкнул её от берега и, воткнув вёсла в уключины, начал грести по направлению к иконе. Обернувшись, я не увидел больше Ангелов в монашеских одеяниях, только мягкий свет ещё искрился, словно бы маленькими звёздочками, на том месте, где они стояли минуто назад.

Я грёб изо всех сил, не вполне понимая, зачем я это делаю. Время словно остановилось в окружающем

меня пространстве, состоящем из звёздного неба и замершей морской глади, икона, сколько бы я не прилагал усилий на вёслах, оставалась от меня на прежнем расстоянии, продолжая устремлять ввысь широкий столп дивного золотого света. Только увеличивающееся расстояние от берега свидетельствовало о том, что я всё-таки плыву, а не стою на месте.

Внезапно очертания берега стали меняться, силуэт афонского хребта стал подвижным, словно позвоночник скачущего животного. Неоновые огни поруганных монастырей вдруг стали взрываться вспышками настоящего пламени, которое, разрастаясь, перебрасывалось на окружающий их лес, становясь очагами пожаров.

Ужасающий звук, словно лопнула гигантская каменная струна, пронёсся над морем и оглушил меня, безмолвно созерцающего всю эту фантаσμαгорическую картину.

Я замер в ужасе.

Перед моим поражённым взором происходило нечто вселенское, чему невозможно дать описание немощным человеческим языком.

Полуостров стал оседать, проваливаться частями куда-то в разверзшуюся под ним водную бездну, и вместе с ним исчезало всё, созданное когда-либо человеческими руками на его лесистых склонах.

Ещё мгновение, и...

Афона не стало.

Громадная волна, прокатившаяся от места погружения осквернённой святыни, омыв с неё скверну, прокатилась по морю, подняв мою шлюпку на высоту десятиэтажного дома и плавно опустив на вновь ставшую необычно гладкой поверхность моря.

Я обернулся в сторону чудотворной иконы, но — меня окружала только темнота ночи.

Я очнулся.

ГЛАВА 20. ПРОБУЖДЕНИЕ

Знаете ли вы, что такое счастье? Счастье — это когда приходишь в себя после пережитого вышеописанного «апокалипсиса» и видишь над собой слегка потрескавшуюся побелку на потолке монастырского лазарета. Повернув голову, обнаруживаешь сидящих возле твоей кровати со взволнованными глазами батюшку Флавиана и схимника Александра, стоящих чуть поодаль у освещённого ярким солнцем окна послушника Игоря и монаха-доктора (потом скажу, как его имя). Когда начинаешь осознавать, что РЕАЛЬНОСТЬ — это то, что здесь и сейчас, а то, откуда ты только что вывалился, это лишь нечто, о чём надо рассказать своему духовнику, чьё немолодое одутловатое лицо хранит на себе явные следы бессонной, проведённой в молитве за тебя, ночи.

Вот такое бывает счастье...

Мой рассказ о пережитом видении занял около часа и за всё это время никто из присутствовавших мо-

нахов не проронил ни звука. Рассказывая, я перестал видеть окружающих и внутренним взором вернулся в свой ночной кошмар, правда, теперь как бы со стороны, словно наблюдая происходившее из гигантского иллюминатора батискафа, защищавшего меня от воздействия видимого мною иного мира.

Закончив рассказ, я оглядел присутствующих со мной в боксе. Флавиан сидел с закрытыми глазами, весь погружённый в себя, только пальцы его левой руки ритмично перехватывали узелки старых «замоленных» чёток. Игорь напряжённо глядел в окно, словно пытаясь увидеть там признаки описанной мною «мерзости запустения», кисти его рук были сжаты в побелевшие от напряжения кулаки. Доктор (потом назову его имя) как-то растерянно ходил взад и вперёд по палате, иногда, останавливаясь, поправлял съезжающие на кончик носа очки, вытирал лоб рукавом и снова начинал ходить. Схимник Александр, весь ссутулившись на кончике табуретки, плакал, закрыв лицо большими натруженными ладонями.

Молчали долго.

— Батюшка, — прервав общее молчание, обратился к Флавиану Игорь, — оно что, неужели и вправду так будет? Или это просто «глюк» у Лёхи?

— Не знаю, — вздохнул Флавиан, — может, так будет, может, так и не будет. Одному Богу известно. С учётом обстоятельств и характера Алексеевых ощущений, конечно, на обычный «плохой» это сон не похоже. Даже

когда он рассказывал, у меня было такое чувство, что я и сам там нахожусь. Впечатление, бесспорно, жуткое...

— Братие! — оторвал от ладоней мокрое от слёз лицо схимонах Александр. — Сколько же времени и силы здесь все, и я в частности, тратим на пустые бытовые заботы, ненужные праздные разговоры, порой чисто мирские страсти! А ведь «счётчик-то тикает!» Думаешь — ну вот сейчас решу вот эту «насушную» проблему, переделаю вот эти «необходимые» дела, продумаю и найду решение вот этих «актуальных» вопросов и после этого сразу начну жить полноценной монашеской жизнью — молиться непрестанно, как положено настоящему монаху, смотреть внутрь себя, а не на поступки окружающих братьев, интересоваться не новостями внешнего мира, приносимыми через паломников, а «сокровищами вечными» духовного опыта, собранными здесь за тысячелетие монашества на Афоне, стану читать больше творений Святых Отцов, чем инструкций к перфораторам и аудиоплеерам...

И ведь так каждый день! А потом как жажнет вот это, то, что Алексею привиделось, и неважным станет всё, о чём сейчас ломаешь голову в заботах! И уже поздно будет становиться подвижником и аскетом, ради чего сюда, собственно, и пришёл когда-то...

А ведь, может быть, именно моей недостойной слабенькой молитвы и не хватит для того, чтобы весь этот ужас не стал явью!

— Батюшка! — вновь настойчиво обратился к Флавиану Игорь. — Так сбудется всё это или нет?

— Собственно, Алексей не открыл ничего нового, — задумчиво протянул Флавиан, — запустение Афона и поругание его святынь в последние времена предсказывалось неоднократно, причём людьми весьма авторитетными в духовной жизни. Но только ведь и Иона был Божьим пророком, и разрушение Ниневии ему Сам Господь повелел предречь жителям этого, осуждённого Им города. А что в итоге?

Жители Ниневии взяли да и покаялись, изменили свою жизнь, своё отношение ко греху, взмолились из глубины сердец к Богу, и Он помиловал город. Неужели монахи Святой Горы менее достойны милости в очах Божьих, чем жители Ниневии? Промысел Божий не есть нечто застывшее и неумолимое, подобно «року» или «фатуму».

Промысел Божий живой, гибкий и имеющий целью спасение человеческих душ, а не просто «свершение предначертанного». Собственно, тому же пророку Ионе об этом Господь прямо и объявил: «Мне ли не пожалеть Ниневии, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек», - когда эти люди, покаявшись, изменились и перестали быть теми, кто своими грехами навлекал на себя огонь с небес.

Ведь, по сути своей, все предсказания о грядущих ужасных событиях последних времён есть не

объявление неминуемой Божьей кары за нарушение Его Закона, но только предупреждение Любящего Отца неразумным детям о последствиях искажения ими естественного для созданного по образу Божию человека пути обретения счастья.

Но Бог не может лишить нас дарованной Им же Самим свободной воли, и может только предупредить нас о том, что «огонь жжётся», а уж совать в этот «огонь» руку или нет — решение, принимаемое исключительно нами самими.

Возможно, что и то, что сподобился видеть этой ночью Алёша, есть предупреждение о последствиях, которые мы сами можем навлечь на себя нерадивой греховной жизнью. А можем и не навлечь, если...

— Отче! — обратился вдруг к Флавиану доселе молчавший, доктор. — Благословите рассказать обо всём этом духовнику монастыря?

— Конечно, обязательно! — ответил Флавиан. — Я думаю не одним нам, находящимся здесь, была дана через Алексия эта «информация к размышлению»! Да и не одним только афонским монахам. Мы там, в России, тоже в «духовных подвигах» погрязаем...

— Отче! — вновь решительно обратился к Флавиану послушник Игорь. — Благословите Лёху, пусть запишет всё, что видел, подробно, и к нам в скит передаст! Я сам не смогу так подробно и точно всё это отцу Никифору пересказать, а ведь это важно!

— Хорошо, Игорь! Как вернёмся в Россию, засажу Алексея за компьютер, пусть опишет и пришлёт вам по е-мэйлу.

— И мне копию пришлите! — вставая, сказал схимник Александр. — Я дам вам электронный адрес! Полезно будет память освежить, чтобы не расслабляться...

— Я у тебя, отец Александр, потом на принтере для себя экземпляр распечатаю? — спросил монах-доктор.

— Конечно! — ответил схимник.

— Спаси Христос! — Доктор кивнул благодарно и повернулся ко мне. — Вы, Алексей, пока лежите, рано вам вставать. Посмотрю вас после вечерни! — И вышел.

Хороший он такой, этот доктор.

Кстати, зовут его — Силуан!

ГЛАВА 21. ВОСХОЖДЕНИЕ. НАЧАЛО

И вот так всегда! Только займёшь своему батюшке удобное место в кондиционируемой «кают-компании» парома, как выясняется, что его ещё по дороге сюда, прямо на палубе, уже перехватил какой-то очередной «страждущий раб Божий», которому, просто «кровь из носу» необходимо выяснить с моим батюшкой какую-то глобальную мировую проблему, а мой батюшка должен смиренно всё выслушивать, стоя на почти сорокаградусной жаре на солнце и ещё и отвечать что-нибудь душеполезное!

Ну и как мне после этого стяжать благое смирение?!

Хорошо ещё, что плыть совсем недолго, всего одну остановку от Пантелеимона до Дафнии...

В общем, свершилось! Мы таки отправились в «экстремальную экспедицию» — на вершину Святой Горы!

Через два дня после описанных в предыдущей главе событий добрый доктор Силуан вынес вердикт: я, не вполне понятным медицине образом, здоров, что правильнее было бы назвать чудом.

По его словам, укус змеи, за трупом которой Игорь не поленился съездить к мельнице, должен был вызывать у меня отек и омертвление укушенной конечности, сопровождаемые нестерпимой болью, через пару часов могла начаться повышенная кровоточивость из места укуса и из желудочно-кишечного тракта, кровавая рвота. И закончиться всё это могло шоком или острой почечной недостаточностью.

У меня же, кроме суточной потери сознания, если не брать в расчет моё путешествие в «апокалипсис», никаких симптомов интоксикации ядом (здесь он сказал латинское название той змеи, которое я не запомнил) не обнаружено. Конечно, сыворотка была введена своевременно, но...

— Вообще-то обычно так не бывает! — завершил доктор своё резюме.

Словом, спустя два дня только две маленьких точки в месте, где змея вонзила свои «шприцы» в мою лодыжку, напоминали о том, что это событие «имело место быть».

Так вот! Не дождавшись любимого духовника на занятом для него месте у окна в прохладе кают-компаний,

я спустился на палубу парома с горячим желанием «смирить до зела» батюшкиного собеседника за то, что он держит немолодого и нездорового человека на солнцепёке, и в этом самом собеседнике опознал старого знакомого — «латвийского исламофила» фотографа Эдуарда-Уара.

Вид у него был уже далеко не такой «понтовито-нахрапистый», с каким он вещал о «кончине» христианства во время нашей первой с ним встречи. Выглядел он, я бы так сказал, озабоченно-задумчивым! Я даже раздумал на него «наезжать» и ограничился дружески-любно-строгим кивком в ответ на его приветствие.

Паром причалил к пристани Дафин, толпа паломников и монахов, как всегда оживлённо, выгрузилась из чрева парома на набережную, мы с Флавианом отправились в таверну к Янису, где у нас была назначена встреча с Игорем, который должен был подъехать из своего скита на машине с целью сопровождения нас с батюшкой до вершины Святой Горы и обратно. Игорь уже сидел под навесом Янисовой точки «общепита» и поджидал нас, попивая холодную минеральную водичку прямо из горлышка запотевшей трёхсотграммовой пластиковой бутылочки.

— Эвологите, отче! — поднялся он нам навстречу.

— Бог благословит, Игорь! — благословил его Флавнан. — Вот брат Эдуард хочет присоединиться к нашей компании при подъёме на гору!

«Уже «брат»? Однако!» — подумал я, но ничего не сказал.

— Отлично! — спокойно отреагировал Игорь и пожал руку нашему неожиданному спутнику.

— Пойдёмте внутрь кафешки, — предложил я, — там попрохладней, к тому же мне чудится запах слоёных пирожков с луком...

— Давай! — согласился батюшка. — Мне возьми... — он замешкался.

— Знаю, знаю! — закончил за него я. — Малеинокую и некрепкого!

— Ну да! — виновато взглянул на меня мой духовник. — И воды без газа!

Мы вошли и заняли свободный столик в углу. «Губернатор» Янис, как всегда деловитый и кудрявый, что-то считал за соседним столиком на калькуляторе.

— Уважаемым бизнесменам от скромных паломников наше почтение! — приветствовал я его.

— Здравствуй, здравствуй! — заулыбался он в ответ и подколол скрепкой какую-то квитанцию к стопке зелёных сотенных «евров».

Я не стал отвлекать его от производственного процесса и подошёл к стойке, за которой невысокий сухощавый Димитрий отточенными движениями накладывал выпечку в бумажный пакет пожилому паломнику греку. На витрине были выложены соблазны и

искушения: слоёные пирожки с картошкой, с луком, со шпинатом, с яблоками, с сыром и с чем-то ещё...

— Здравствуйте, Алексей!

Я обернулся. Сзади меня в очередь встал Владимир, тот самый, который рассказывал нам в Уранополе про своё путешествие на Тибетские горы в поисках Шамбалы.

— Здравствуйте, брат Владимир! Рад вас видеть!

— Может быть, перейдём на «ты», Алексей, мы ведь примерно одногодки?

— О'кей! Ты откуда и куда, брат Владимир?

— Сейчас из сербского Хиляндаря, собираюсь дожидаться «Агия Анну» и плыть в скит Святой Анны, а там подниматься на вершину Святой Горы!

— И ты, «Брут»!

— Не понял, Алексей!

— Вон тот коллектив попутчиков тебе подойдёт? — я кивком указал на стол, за которым располагалась наша паломническая компания.

— О! Вы тоже идёте на вершину? — обрадовался Владимир. — А я ведь даже молился о попутчиках! Меня предупредили, что в одиночку туда лучше не ходить.

— Ну тогда, типа, «welcome» в нашу команду!

— Вы что брать будете? — строгим тоном вернул меня к лежащим на витрине соблазнам и искушениям Димитрий.

— Значит, так: с картошкой, с луком, со шпинатом, с сыром, с яблоками и ещё вот это, не знаю с чем.

Да! И всего по четыре, пожалуйста!

Флавиан с Игорем встретили Владимира словно старого доброго друга — феномен православия! Сколько раз уже приходилось наблюдать, как впервые встретившиеся настоящие верующие христиане уже через несколько минут общения становятся друг другу порой даже ближе кровных, но неверующих родственников. Поистине, родство душ, объединённых любовью Небесного Отца, теснее всех других мирских связей и объединений.

Наш (вы уже заметили это «наш»?) фотограф Эдуард-Уар был просто в шоке, узнав, что перед ним человек, который был почти «в той самой Шамбале», призрак которой будоражит сознание российского интеллигента с конца девятнадцатого века. Окончательно его добило обещание Владимира по возвращении домой выслать на е-мэйл Эдуарда фотографии столицы Тибета Лхасы и окружающих её пейзажей.

Вскоре подошла «Агия Анна», разгрузилась и, со временно перегороженным входом на палубу, осталась ожидать времени отправления. До него оставалось ещё около сорока минут. Вновь возникшее с приходом парома мини-столпотворение начинало рассасываться; часть паломников и монахов, прибывших на «Агия Анне» с южной оконечности полуострова, на машинах

и пешком отправилась в сторону Кариеса, оставшиеся, пройдя «бдительную» таможенную, пересаживались на большой паром, чтобы плыть в сторону Уранополиса.

Минут через пятнадцать большой паром отошёл от причала, и маленькая набережная опять опустела. Только десятка полтора потенциальных пассажиров «Агиа Анны» рассредоточились в ожидании начала посадки на паром за столиками на веранде Янисовой таверны и по трём находящимся тут же, на набережной, иконно-сувенирным магазинчикам.

Отправившись прогуляться в маленький, всегда открытый домик в конце набережной (кто там был, тот знает, что это за домик), я на обратном пути обнаружил величественную фигуру «губернатора» Яниса, сидящего в одиночестве за крайним пустым столиком на веранде. Взгляд его, устремлённый на море, был лишён обычной деловитости, в глубине карих глаз притаились грустинки.

— Не беспокою? — Я присел на свободный стул рядом.

— Нет, нет, садись, конечно!

— Прости за нескромность, Янис, а ты каждый день приплываешь сюда на работу? У тебя есть дом в Уранополисе?

— Нет! Я уже два года не был там. — Янис показал на материковую Грецию. — Живу здесь.

— Подожди, — удивился я, — а как же семья?

— Мои мама и сестра живут в Салониках, у них там всё в порядке!

— А жена, дети?

— У меня никогда не было жены...

Я замолчал, поняв, что влез куда-то не туда со своими расспросами. Выручил меня гудок парома, началась посадка пассажиров.

— Янис! Мне сказали, что если мы не успеем спуститься с горы к отплытию «Агия Анны» в сторону Дафни, то можно позвонить тебе и вызвать катер, чтобы доплыть до Пантелеимона, так?

— Так, конечно, так! Возьми мой номер телефона! — Янис, в глазах которого вновь сверкнула весёлая деловая искорка, написал мне номер на обрывке бумаги, и я сунул этот обрывок в карман джинсов.

— Ну пока, Янис, до встречи! — Я встал и направился к своим спутникам, выходящим с рюкзаками из таверны.

— До свиданья, до свиданья! — отозвался «губернатор».

ГЛАВА 22. ВОСХОЖДЕНИЕ. АГИА АННА

Знаете ли вы, что такое цвет «морской волны»? Я знаю! Для того чтобы узнать это, достаточно посмотреть за борт парома, идущего вдоль берега Афона! Возможно, конечно, что и в других местах Эгейское море имеет такой же цвет, потрясающий воображение, — нежный и в тоже время глубокий, лёгкий, прозрачный, зеленовато-голубовато-... не знаю, какие ещё слова подобрать, чтобы передать этот потрясающий цвет таким, каким я любовался им, глядя за борт «Святой Анны», отплывающей от Дафни к южной оконечности Святой Горы.

Пристань с несколькими двухэтажными домами на набережной осталась позади парома, соединяемая с ним какое-то время пенной бурунистой полосой от работающих гребных винтов, которая постепенно таяла, таяла и растаяла вдали, вслед за скрывшейся за очередной извилиной берега самой пристанью.

Запихнув-таки Флавиана в охлаждаемую кондиционером кают-компанию, в отдельное помещение для духовенства, и доверив ему стеречь наши рюкзаки, мы всем остальным коллективом выбрались на самую верхнюю палубу парома и расположились, кому где понравилось, на лёгких палубных скамейках, сделанных из покрашенных в яркий красный цвет деревянных брусков.

Слева по борту неторопливо проплывал высокий афонский берег, каменистый, покрытый то редким, то густым лесом, периодически прорезаемый новой, пробитой в склоне горы грейдером дорогой, идущей от Дафни к монастырю Симонапетра. Вот показались и проплыли мимо нас расположенные на склоне небольшие здания русской кельи, которая, по российским меркам, считалась бы скитом. Вот показался на самом берегу какой-то брошенный двухэтажный «недострой».

Я прошёл в носовую часть верхней палубы и залюбовался видом самой горы, возвышающейся голубой пирамидой в дальнем конце полуострова, с вершиной, словно лёгкой дымкой, покрытой небольшими клочковатыми облаками. Красота — не то слово, которым можно было бы выразить притягательную силу наблюдавшегося мною пейзажа, что-то было в нём особенное, казалось, что некая незримая благодатная «аура» осеняла этот уступами простирающийся вдаль берег, и наш паром тоже охватывался её сенью.

Вот из-за очередного уступа берега на головокружительной даже для смотрящего снизу высоте показался величественный и строгий, словно замерший рыцарь на страже Удела Пречистой Владычицы, монастырь Симонапетра — «Симона на скале».

Сами понимаете, мой боевой Сапон просто раскалился в моих руках, я только успевал менять на нём объективы — с телевика на широкоугольник и обратно, и азарт фотоохотника несколько нарушал в моей душе навеваемые пейзажем умиротворение и созерцательность. Но когда я увидел аппарат, которым работал наш («наш»! я в этом уже почему-то не сомневался) Эдуард!

Кажется, это была последняя модель LEICA с объективом L-класса...

В общем, я отвернулся и не стал отвлекаться от процесса съёмки постоянно меняющейся натуры.

Паром причаливал к арсанам монастырей Симонапетра, Григориата, Дионисиата, Агия Павла, Неа Скити, разбросанного «ласточкиными гнёздами» домиков по скалам, и наконец — вот он — скит Святая Анна, отправная точка, откуда на вершину Святой Горы ведёт наиболее используемая паломниками тропа. Есть ещё, правда, тропы от Великой лавры и от Карули, но если от Лавры тропа идёт более пологая, чем от скита Святой Анны, то она и длиннее в несколько раз, а по самой короткой, но самой крутой тропе от Карули на

вершину поднимаются только совсем уж «отмороженные» экстремалы, в основном русские...

Сходятся все эти три тропы в одном месте, у источника, рядом с которым стоит третий по счёту, если идти от скита Святой Анны, Крест. А от этого Креста к скиту Панагии, находящемуся на высоте полутора тысяч метров над уровнем моря, и далее к самой вершине, достигающей двух тысяч тридцати трёх метров, уже идёт одна-единственная тропа.

Паром замедлил ход и начал медленно поворачивать налево.

Сперва показалась за очередным поворотом берега бухта с пристанью, над которой обильной россыпью одно-двухэтажных домиков-келий, разбросанных по заросшим обильной растительностью скалам, многие из которых были увенчаны куполами с крестами, поднимался вверх принадлежащий монастырю Великой Лавры преподобного Афанасия Афонского скит «Святая Анна».

Затем паром вошёл в бухту, и стоявшие на пристани паломники засуетились, начали подбирать и надевать на плечи рюкзаки и сумки, подходить ближе к месту причаливания парома.

Паром причалил, опустив широкий носовой трап, по которому сразу же началось активное движение в обе стороны: одни паломники и монахи, покидающие скит, садились на паром, другие, в том числе и наш

«экспедиционный корпус», сходили на пристань и оглядывались.

Некоторых из прибывших встречали с транспортом. Транспорт был четырёхкопытный, гнедой и чрезвычайно смиренный, как и положено обитателю скнта. На морде у этого транспорта марки «мул», под местным ласковым названием «мулашка», была надета чёрная ременная сбруя, простроченная красным шнуриком, с цепочками около храпа, фигурными клёпками и бронзовой бляхой с непонятным гербом на лбу. Чем-то этот убор сильно напоминал прикид наших московских панков, правда, морда мулашки явно была намного интеллигентнее.

На спине у мулашки было приспособлено своеобразное грузо-пассажирское седло из деревянного каркаса на войлочной подкладке, позволявшее как ездить на нём верхом, так и перевозить различного габарита грузы. В стороне стояли ещё два таких же смиренных мулашки с такими же деревянными сёдлами.

Мы выгрузились, проверили наличие «личного состава» и имущества — всё было на месте.

— Батюшка! — обратился к Флавиану Игорь. — Здесь вроде бы можно нанять мулашку для подъёма на гору, правда, для седоков весом больше ста килограммов, — Игорь почтительно посмотрел на «веледепную» фигуру моего духовного отца, — придётся нанять

двух мулашек, чтобы менять периодически. Я слышал, недавно епископ греческий на вершину верхом поднимался. Может, мы и для вас наймём, раз уж вы твёрдо решили подниматься?

— А венец в награду за подвиг тоже за меня мулашки получают? Они-то точно получают за такую тушу! Нет! Уж сколько смогу, столько поднимусь, но сам...

— Как благословите, — вздохнул Игорь.

— Может быть, когда-нибудь туда фуникулёр сделают, — предположил Эдуард.

— Вот если Лёшкин кошмар сбудется, тогда точно сделают, — ответил Флавиан.

— Что это за Лёшкин кошмар? — поинтересовался фотограф.

— Неважно, — буркнул я, — это личное.

— Ну, личное так личное! — успокоился он.

— Тогда, батюшка, вы уж извиняйте, но рюкзачок ваш я понесу! — решительно заявил Игорь.

— Да он полупустой! — попытался противоречить Флавиан. — Он нетяжёлый!

— Вот и отличненько! — не терпящим возражений тоном объявил Игорь. — Значит, туда и моя сумка влезет, а я всё вместе на плечи и возьму.

— Правильно, правильно, Игорь, будем по дороге меняться, у меня рюкзак лёгкий совсем, — поддержал послушника Владимир. — Вы, отче, не возражайте, помогите вам Бог самого себя донести!

— Ладно! — сдался Флавиан. — Спаси вас Христос! Дайте хоть палки из него достану!

Мы достали и раздвинули на удобную для каждого длину телескопические «горные» палки, влезли в лямки своих рюкзаков, подогнав их поудобнее натяжными ремнями, наполнили пластиковые бутылки водой из крана над раковиной, размером напоминавшей поилку для мулов, а может быть, таковой и являющейся.

— Ну, Господи, благослови! — перекрестился Флавиан, и все мы (включая «нашего» Эдуарда!) перекрестились вслед за ним. — С Богом пошли!

Мы начали восхождение по усыпанным мулашечьим пахучим навозом широким бетонным ступенькам, ведущим наверх к соборному храму-кириакону скита Святой Анны.

ГЛАВА 23. ВОСХОЖДЕНИЕ. ЛЕСТНИЦА

Поначалу подъём был совсем не «напряжным». Несмотря на то, что стоящее в зените солнышко грело нещадно, мы достаточно быстро, не исключая и Флавнана, поднимались по широким бетонным ступенькам лестницы, с двух сторон ограниченной невысокими стенками, выложенными из камней на цементном растворе.

Открытые солнечные участки периодически чередовались с тенью больших, разросшихся над лестницей деревьев, поэтому палящее солнце пока не создавало особых проблем. Да потом и обычный стартовый энтузиазм добавлял адреналину в кровь, и все шли в приподнятом настроении.

Далеко впереди вверху виднелся известный всем любителям Святой Горы по многим фотографиям в современных афонских путеводителях и альбомах Новый Кирнакон, построенный в конце двадцатого века на выступающей из массива горного склона крутой каменной скале.

— Через полчаса там будем? — спросил я у Игоря, показав палкой на виднеющийся над нами вдали Новый Кириакон.

— Ну, может, минут через сорок, — задумчиво протянул Игорь.

Минут через двадцать мы добрались до первого источника.

Источник был сделан в классическом афонском стиле — стена, сложенная из камня, размером примерно полтора метра шириной на два с половиной высотой, с полукруглым козырьком сверху, посередине которой вмурована мраморная плита с изображением двуглавого византийского орла с большим крестом на груди, под которым скульптурная, мраморная же львиная голова с текущей из пасти струйкой воды. Для того чтобы она начала течь, необходимо было покрутить вентилятороподобный кран на стене справа от мраморной плиты.

Текла эта вода из львиной пасти в массивную, выходящую вперёд из той же каменной стены под львиной головой, мраморную раковину, украшенную ободком из переплетающегося двумя нитями орнамента.

Красивый такой источник!

Справа от него была небольшая беседка с лавочками внутри и иконой Воздвижения Креста Господня в нише на дальней от входа каменной стене. Слева от источника, вплотную к торцу его стены, пристроено что-то вроде домика с каменно-черепичной крышей и сте-

клянной рамой-дверцей с фасада. Внутри этого домика наставлены иконы и горит лампадка, весь этот комплекс с источником и беседкой выглядит как-то очень по-домашнему уютно и в то же время по-церковному торжественно.

Набрав воды, мы подождали, пока наш батюшка переоденется из взмокшего уже на нём от пота чёрного льняного подрясника в выгоревший и застиранный почти до белизны, но любимый батюшкой хлопчатобумажный подрясник, чем-то напоминавший холщовые рубахи Льва Толстого, только длиной до щиколоток. Пока батюшка застёгивал пуговички на подряснике и подпоясывался «афонским» кожаным ремнём с крестчатой пряжкой, Игорь быстренько приторочил мокрый Флавианов наряд сверху своего-Флавианового рюкзака.

— Батюшка! Он так быстрее просохнет на солнышке, — пояснил Игорь, увидев недоуменный взгляд Флавиана.

Мы тронулись далее.

— «Вперёд и вверх, а там!..» — тихонько пропел я голосом Высоцкого. — Батюшка, а что там?

— Там, Лёша, на вершине стоит маленький храм Преображения Господня, Метаморфоза по-гречески. Принадлежит этот храм, как и вся территория горы, монастырю Великой Лавры преподобного Афанасия Афонского.

— А в нём литургию служат?

— Лаврская братня, как мне говорили, служит там обязательно в праздник Преображения, а в остальные дни там литургияют по желанию священники из разных мест, в том числе и русские паломники.

— Вот бы нам там литургию послужить! — загорелся я. — Ты послужишь, отче? А я бы тебе поалтарничал и попел!

— Не в этот раз, Лёша! — вздохнул Флавнан. — Во-первых, я не успел второпях оформить через Патриархию разрешение служить на канонической территории Вселенского Патриарха. Во-вторых, туда надо приносить с собою антиминс, священные сосуды и вино с просфорами, а этого у нас с собою нет. Да и вообще туда ещё надо подняться!

Батюшка дышал тяжело, пот градом катился по его лицу, видно было, что, несмотря на отсутствие рюкзака, ему тяжело выдерживать темп, заданный более молодыми и спортивными спутниками. Я начал потихоньку переживать за его сердце — выдержит ли оно такой подъём, да ещё в такую жару! Инстинктивно я потрогал рукой левый карман рубашки, в котором у меня хранилась батюшкина аптечка — полный набор таблеток на все варианты сердечных осложнений — спаси, Господи, мать Серафиму!

Вскоре лестница разделалась на два рукава, вправо и влево.

— Куда идти, батюшка? — спросил шедший впереди Владимир у Флавиана, остановившись у развилки.

— Как мне говорили, налево дорога ведёт вон к тому красивому Новому Кириакону. — Батюшка показал рукой на видневшийся слева храм, контрастно выделявшийся на фоне ярко-голубого неба. — А правая лестница ведёт к старому Кириакону, где хранится стопа святой праведной Анны, матери Пресвятой Богородицы, оттуда ближе идти к вершине.

— Значит, вправо и пойдём! — глядя на задыхающегося Флавиана, безапелляционно заявил Игорь.

— Может быть, заодно и к стопе приложиться удастся? — предположил Владимир.

— Ну, это как Бог благословит! — вздохнул Флавиан. — Ребята! Вы идите со своей скоростью, как вам удобно, а я потихоньку буду вас догонять, как смогу! Идите, не смущайтесь, вот Алексей за мной присмотрит!

— Ещё как присмотрю! — грозно зыркнул на батюшку я, поведя нахмуренной бровью. — Прямо сквозь оптический прицел телефона с номером матери Серафимы!

— Лёха! Перестань шантажировать духовного отца! — Флавиан выглядел порядком утомившимся, но зато светлым и радостным.

— Как благословите, батюшка! — смиренно склонил я голову, сложив ладошки «лодочкой».

— Благословляю идти вперёд! — Флавиан выдохнул и продолжил путь наверх, ритмично поцокивая закалёнными наконечниками горных палок по бетонным ступенькам. Ребята обогнали нас и вскоре исчезли из виду за ближайшим поворотом лестницы.

Лестница постепенно сужалась, незаметно пропали обрамляющие её каменные пристенки-бордюры, временами бетонные ступеньки сменялись горизонтальными участками бетонной дорожки или грунтовой тропы. Проходя как раз по такому грунтовому отрезку дороги, мы с Флавианом услышали впереди за кустами какой-то знакомый, но пока ещё не распознаваемый голос, напевавший:

— ... садо хар чемо, сулико!

Мы с батюшкой переглянулись.

— Отче! У нас с тобой есть общий знакомый грузин? — поинтересовался я.

— Есть армянин, даже два, но они оба сейчас точно в России!

— Поют не по-армянски, а по-грузински, любимую песню Сталина «Сулико», если я не ошибаюсь, — заметил я.

— Кстати, если я правильно помню, «сулико» означает «душечка», ласковое обращение к душе, — сказал, переводя дыхание, Флавиан.

— Ну, наверное, там не о душе человеческой речь идёт в песне, а о какой-нибудь «душечке» с чёрными бровями и миндалевидными глазами, — предположил я.

— Скорее всего, так, — согласился Флавиан.

Снова совсем близко тот же голос повторил тот же куплет. Мы обогнули куст и прямо за ним, на камушке, обнаружили сидящего с посохом в руках, откинувшегося спиной на рюкзак и увлеченно распевающего в полголоса с закрытыми глазами «Сулико» Лао Ди! Отца Дмитрия из женского монастыря!

— Таки, «ни хао» вам, немножечко, Лао! Или, точнее, гамарджобат, патэр! — приветствовал его я.

— Тогда уж, если «гамарджобат», то «мамао», — ответил он, улыбаясь своей кроткой улыбкой, — по-грузински отец «мамао»!

Он легко поднялся и расцеловался с Флавианом, затем благословил меня. На голове у Лао Ди была расшитая каким-то национальным орнаментом шапочка, по форме напоминающая греческую скуфью.

— Какими судьбами, отче? — поинтересовался у отца Дмитрия Флавиан.

— Я был сегодня в монастыре Агия Павла, молился там со вчерашнего вечера, — просто и радостно отвечал Лао Ди. — А сегодня после трапезы пришёл сюда, в скит Святой Анны, приложился к святыням и уже спускался на арсану, чтобы плыть в Пантелеимон, как вдруг мне пришла мысль подняться на вершину, тем более что я оказался прямо на тропе туда. Вот я и присел передохнуть перед подъёмом!

— Не знал, батюшка, что у вас этнические корни из древней Иверии, — почтительно произнёс я. —

Я уже было подумал в прошлую нашу встречу, что вы ведёте свою генеалогию с предгорий Северного Фудзяня или из Гуандуна!

— Что вы! — заулыбался обезоруживающе отец Димитрий. — Я коренной москвич с заурядной фамилией Иванов, просто я люблю разные национальные культуры, те элементы этих культур, в которых наиболее ярко выражается душа народа, его духовная традиция. В Китае это чайное действо, в Грузии — песни! А как прекрасно поёт в грузинском храме церковный хор! Вообще традиции грузинской музыкальной культуры имеют глубокие христианские корни, как, впрочем, и у многих других христианских народов.

Вот, — он снял с головы свой необычный для монаха головной убор, — это грузинская скуфья, смотрите, она вся расшита орнаментами, в основе которых Крест!

— Вы, отче, до монашества музыкантом не были? — поинтересовался Флавиан.

— Виолончель... — опустив взгляд, вздохнул Лао Ди.

— Понятно! — отозвался мой батюшка. — Не хотите присоединиться к нашей компании? Там впереди идут ещё несколько человек из нашей группы!

— С удовольствием! — отозвался отец Димитрий.

Дальше мы пошли втроём.

ГЛАВА 24. ВОСХОЖДЕНИЕ. ДЗОТ

Ступенчатая дорога вверх всё сужалась, всё более петляла вокруг выступов горного склона и всё чаще ныряла под сень высоких, свисающих над ней деревьев. После одного из таких поворотов она вывела нас к ещё одному источнику, около которого отдыхал в полном составе авангард нашей маленькой экспедиции.

Игорь, Владимир и Эдуард, сняв с плеч поклажу, сидели, вытянув ноги на каменной скамье, выступающей из достаточно высокой, около двух с половиной метров в высоту, стены из камня, поддерживающей грунт расположенной за ней лесистой террасы. Слева от скамьи выступало из стены квадратное корыто, сложенное из того же камня, что и стена, над корытом был бронзовый кран в виде головы дракона, а ещё выше — полукруглая ниша со стоящими в ней недорогими печатными иконами. Справа и слева от крана в стене находились две маленькие ниши, в одной из которых стояла стандартная магазинная кружка из нержавеющей стали.

— Отче, глянь-ка! — я показал Флавиану на вмурованные в стену левее источника крупные каменные мельничные жернова. — Оригинальный дизайн! Наверное, где-то рядом раньше была мельница!

Флавиан не ответил, он, тяжело дыша, подошёл к скамье и с выдохом опустился на неё рядом с подвинувшимся в сторону Владимиром. Я обратил внимание на бледность покрытого потом батюшкиного лица.

— Игорь! — позвал я. — Налей, пожалуйста, в кружку водички для батюшки. — И быстренько достал из кармана аптечную коробочку с тщательно подписанными рукой матери Серафимы пакетиками лекарств.

— Так! Сейчас, кажется, вот эту капсулку. — Я вспомнил строгие инструкции нашей монахини-кардиолога. — Ваше преподобие, благословите вам выпить лекарство!

Флавиан молча проглотил протянутую мной капсулу, запил водой из поданной Игорем кружки, откинувшись спиной на тёплый камень стены. Вид его был «далёк от совершенства».

— Отченька! Ты вообще как? Живой? — Я потребил его за руку.

— Ничего, Лёша, прорвёмся... — Флавиан открыл глаза, и в них блеснул любимый мною огонёк весёлости. — Надо ещё немного потерпеть, а потом помрём, и всё будет хорошо!

— Ага! Согласен! Только по возвращении домой в целости и сохранности! Если я вместо тебя живого в Покровское твои «многоцелебные мощи» доставлю, наши прихожане мою жену Ирину вдовой сделают, а детей сиротами! Я со всей ответственностью заявляю, что к такому сценарию событий я не готов! — Я постарался вложить в свою речь как можно больше свирепости. — Поэтому, ваше преподобие, ребята пойдут дальше, а мы с тобою начинаем движение вниз! Как раз к обратному парому успеем! Наше с тобою восхождение завершено!

— Не гони пургу, Лёха! — в голосе Флавиана я узнал знакомые интонации однокурсника Андрюхи, туриста-альпиниста-борца-гитариста-байдарочника и вообще «бойца по жизни». — Ты плохо меня слушал!

Я сказал — прорвёмся! Не бойся, здесь я не помру, не достоин. Мне надо подняться туда! — Он мотнул головой в сторону вершины. — И я верю, что Господь поможет мне сделать это. Ты тоже поверь и помоги мне, а не «грузи» старого друга...

— Хорошо! — вздохнул я. — Дойдём до кириакона Святой Анны, приложимся к святыням и, если тебе будет плохо, останемся в архондарике до завтра, пока ребята не вернутся! Согласен?

— Ладно! — кивнул Флавиан и повернулся к «команде». — Идите, ребята, к кириакону, я чуть отдышусь и догоню вас там!

Мы с Игорем переглянулись, я кивнул в сторону кириакона, он вскинул рюкзак на плечи и молча возглавил дальнейший подъём. Мы с Флавианом остались одни.

Не зная, что ещё сказать Флавиану, чтоб он не увлекался опасным «героизмом», я просто сел рядом и тупо уставился взглядом в носки своих фирменных горных кроссовок.

— Лёша! — нарушил молчание Флавиан. — Папа Герасим благословил меня идти на вершину, сказал, что там есть нечто важное для меня. Значит, он знал, что я дойду! Без этого я бы и не рискнул, пожалуй, хотя подниматься хотел изначально. Он сказал, что Господь будет с нами и поможет, чтобы мы доверяли Ему и не боялись!

Снова знакомые слова! Передо мною на мгновение вспыхнуло улыбающееся лицо «монаха» Феологоса. Что-то словно отвалилось от моего сердца, тяжёлое и колющее.

— О'кей, патэр! — улыбулся я старому другу. — Значит, в путь!

Мы поднялись и застучали палками по бетонным ступенькам.

Дорога до «кириакона» заняла около часа. Мы шли не торопясь, размеренно-ритмично, всё-таки альпинистский опыт Флавиана давал ему ощутимые пре-

имущества перед неопытными в восхождениях спутниками (это я о себе). Периодически он останавливался, опирался плечами на рукоятки своих палок, выставив их вперёд, разгружая, таким образом, ноги от части своей массы. Затем снова двигался вперёд. Кстати, когда мы догнали ребят во дворе скита, оказалось, что они ждут нас всего около десяти минут.

За это время владеющий основами греческого отец Димитрий успел найти архондаричьего и договориться, чтобы для нас открыли храм и вынесли для поклонения святыни. Так что мы с Флавианом попали прямо с «корабля» в «кириакои» — соборный храм скита, где под прохладными древними сводами, кратко помолившись, смогли благоговейно припасть к стопе той самой, жившей две тысячи лет назад женщины, через которую в наш мир пришла Честнейшая Херувим и Славнейшая без сравнения Серафим!

Флавиан приложился к мощам святой Анны последним, пропустив всех впереди себя. Он стоял на коленях, припав лбом к ковчежцу со святыней до тех пор, пока греческий иеромонах, вынесший нам святыни, не начал тихонько покашливать, напоминая, что «пора и честь знать». Тогда мой батюшка поднялся с колен, облобызал вторично святыню, и, когда он разогинулся и выпрямился, в его глазах сияла какая-то особая радостная уверенность, вселившая и в меня надежду, что мы и вправду «прорвёмся»!

Покинув скит, мы стали подниматься дальше вверх по всё более сужающейся лестнице, теперь уже лишённой всякого ограждения. Минут через двадцать пути лестница благополучно закончилась вместе с оставшимися внизу под нами последними домиками-кельями скита Святой Анны. Началась просто грунтовая тропа, перевалившая через широкую осыпь крупных камней, очевидно вызванную ливневым селом или быстрым таянием ненадолго лежащего на афонские склоны снега. Затем тропа нырнула в лес.

Тропа была узкая, извилистая, ныряла то вверх, то вниз (всё-таки в основном вверх), то вправо, то влево, и более напоминала прокопанный в каменистом грунте жёлоб, засыпанный щебёнкой размером от миндального ореха до крупного грейпфрута. Ноги норовили на этих камнях всё время подвернуться, и наверняка подвернулись бы не один раз, если бы не заранее приобретённые по указанию мудрого моего батюшки высокие горные кроссовки на «тракторной» шипастой подошве, плотно схватывающие щиколотку.

Флавиан шёл достаточно бодро, не отставая от основной группы, чему способствовало, конечно, ещё и то, что нещадно жарившее нас на большей части лестничного отрезка пути солнце теперь лишь весело пробивалось лучиками сквозь густую листву окружающего нас леса.

Впереди нашего отряда шёл тонкий и лёгкий отец Димитрий, за ним следовали Владимир и Эдуард, потом

регулярно оглядывающийся на Флавиана Игорь, за ним сам Флавиан и, подстраховывая батюшку сзади, замыкал шествие ваш покорный (и почти смиренный) слуга.

Вскоре мы увидели первый Крест — знак-указатель, о котором нам говорил инструктировавший нас перед отправлением на вершину схимонах Александр. Высотой сам этот крест был около метра, но поскольку привязан он был к стволу дерева на высоте полуметра от земли, то получалось, что его верхняя перекладина, сделанная из оструганной досочки, была как раз на уровне моих глаз. На этой верхней перекладине было вырезано слева направо две галочки << AGIASMA 150 m. С учётом того, что «агиасмой» (святыней) греки называют святую воду, можно было предположить, что налево по тропе в ста пятидесяти метрах находится святой источник.

На нижней перекладине, сделанной в классической форме стрелочки-указателя, было написано по-английски и гречески «АФОН», помельче буквами — «Лавра» и «Керасиа». Лавра — это, понятное дело, означало Великую Лавру Афанасия Афонского, на чьей земле мы сейчас находились, а Керасия — маленький скит, тоже находящийся где-то в этих местах. Венчал деревянный крест опирающийся основанием на верхнюю перекладину, небольшой металлический крестик, под который была подсунута небольшая иконка Божьей Матери, явно «софринского» производства.

— Ага! — отметил я. — Первый Крест, значит, правильно идём!

Мы сфотографировались на фоне этого Креста — указателя пути наверх — и двинулись дальше. Тропа то поднималась вверх, то переходила в небольшие горизонтальные участки.

Так мы двигались какое-то время, затем тропа стала всё круче забирать вверх. Флавиан начал дышать всё тяжелее, но держался, не отставая, затем неожиданно за очередным поворотом вдруг появилось некое сооружение, которое, очевидно, не сильно разбирающийся в военной фортификации Лао Ди почему-то назвал «экий дзот!»

«Дзот» был скорее похож на приписываемые эпохе неолита дольмены, только сделан он был не из больших плоских каменных плит, составленных наподобие деревянной собачьей будки, а из грубо слепленных бетоном разнокалиберных камней обычного строительного размера. Да и вместо роднящего дольмены с собачьей будкой круглого лаза во фронтальной стене в этом сооружении был стандартный дверной проём, правда, без каких-либо следов когда-либо бывшей в нём двери.

Фактически это были три стены, накрытые сверху наклонённой назад крышей, отлитой целиком в опалубку из бетона, почти всю площадь четвёртой, фронтальной стены занимал вышеупомянутый дверной проём. Внутри, посередине земляного пола, возвышался кру-

глый, закрытый металлической крышкой люк на бетонном кольце, диаметром приблизительно в полметра. Приподняв крышку, мы увидели, что это колодец, в котором была вода.

По задней стене из потолка в пол спускалась какая-то металлическая труба, справа и слева от входа вдоль стен, уходящих вглубь метра на два с небольшим, были сооружены примитивные лавки из досок, с автографами побывавших здесь постояльцев на разных языках. Мне сразу бросилась в глаза надпись крупными, стилизованными под славянскую вязь буквами: «МОСКВА+БИРЮЛЁВО».

— Наши везде! — торжественно объявил я.

По возникшему тут же коллективному желанию было решено сделать в этом «дзоте» привал и перекусить (о! с каким одобрением я воспринял эту великолепную идею!), очевидно, это сооружение часто использовалось в виде трапезной благочестивыми паломниками. Были извлечены из рюкзаков запасы провизии: хлеб, рыбно-кальмаро-осьминожные консервы, выданные нам заботливым схимником Александром прекрасные подкопченные маслины и свежие огурцы с помидорами. Вышел вполне приличный паломнический стол.

Помолившись, сели трапезничать.

И тут всех нас сразил в конце трапезы отец Дмитрий.

Нет, тут уж точно уместнее назвать его Лао Ди! Он вытащил из своего невеликого рюкзака «газаки» — так в Греции называют походную газовую горелку, прикрученную на одноразовый литровый газовый баллон, поставил на него литровый же чайник из нержавеющей стали со вставляющимся в него сетчатым стаканчиком и приготовил в нём — сами понимаете что!

— Гун Фу Ча! — радостно воскликнул я понравившееся мне заклинание.

— Пинь Ча, — смиренно поправил меня, потупив взор, улыбающийся Лао Димитрий. — Когда пьют чай только из одной чашечки, это называется «Пинь Ча»!

Ранее не знакомые с высокой эстетикой «правильного» чаепития Владимир с Эдуардом были сражены наповал, причём не только вкусом женьшеневого улуна, но и местом и обстоятельствами, в которых им пришлось впервые в жизни попробовать этот элитный китайский чай.

— Однако! — причмокивая и смакуя непривычный для него вкус напитка, произнёс Эдуард. — Вот уж не ожидал я здесь такого угощенья!

— Афон! — лаконично, тоном «бывалого афонита» ответил ему я. — То ли здесь ещё бывает!

И ведь как в воду глядел!

Когда трапеза закончилась, мы помолились (я с удовольствием отметил про себя, что «наш» Эдуард

тоже достаточно внимательно слушал слова молитвы и старательно крестился) и стали собираться.

— Братие! — услышали мы снаружи голос послушника Игоря. — Я понял эту конструкцию! Посмотрите сюда!

Повылезав наружу, мы обошли «дзот» сбоку и посмотрели на крышу в задней части строения, куда указывал Игорь. Там был устроен водосток, соединённый с трубой, уходящей внутрь помещения.

— Вот откуда вода в колодце внутри этой хибарки! — продолжил Игорь. — Это дождевая вода по крыше через трубу стекает вниз и наполняет колодец!

— Разумно устроено, — кивнул Флавиан, — я уже раньше обратил внимание на то, что здесь, на Афоне, дефицит воды в отдельных местах компенсируют за счёт строительства водосборных цистерн. Пока Господь даёт дождь, будет у братии и вода!

— А разве Он может не дать дождя? — удивился Эдуард.

— Может и не дать, — вздохнул Флавиан, — уже такое было при пророке Божьем Илии, целых три года. При Антихристе вроде опять повторится, небо не даст дождя — земля не даст плода...

— Не хотелось бы жить в такое время, — задумчиво произнёс Эдуард.

— Это уж как Бог даст! — ответил Флавиан.

ГЛАВА 25. ВОСХОЖДЕНИЕ. ЛЕШИЙ

Отдохнувшая и насытившаяся, наша команда продолжила своё восхождение. Вновь возглавил шествие Лао Димитрий, за ним, иногда меняясь местами, шли Эдуард и Владимир, затем Игорь, всё время держащий нас с Флавианом в зоне видео- и аудиодосягаемости, за ним собственно Флавиан и в арьергарде «аз многогрешный».

Вскоре тропа вынырнула из чащи леса и пошла по краю склона, камней на тропе стало поменьше, идти, соответственно, легче. Пройдя какое-то расстояние по почти горизонтальной поверхности, мы вновь стали подниматься по усилившемуся уклону тропы вверх и оказались на небольшой террасе, на которой тропа поворачивала влево.

На этой террасе, на самом краю обрыва, стоял второй Крест, сделанный из вертикально закреплённого в камнях столбика, высотой чуть более двух метров, и привязанной к нему толстой верёвкой перекладины из ветхой, изъеденной ветрами и дождями доски.

За Крестом открывалась потрясающей красоты панорама Афона, уходящего вдаль, в сторону материка. Клонящееся к закату солнце освещало побережье и восходящий от него склон горы мягким золотистым светом, в лучах которого и зелень и камни выглядели какими-то словно воздушными, словно дышащими и источающими из себя некий благоуханный дух.

Дивна красота Божьего творения!

Конечно, тут же все подоставали свои фотоаппараты, Эдуард свою навороченную «Лейку», я свой скромный «Канончик», отец Димитрий и Владимир простые «мыльницы». Игорь и Флавиан не фотографировали. Флавиан понятно почему — у него есть свой личный фотолетописец (то есть я), а Игорь — тоже понятно, зачем ему снимать, когда он просто живёт во всей этой красоте?

Отщёлкав столько кадров, сколько каждый снимающий счёл достаточным, фотографы зачихлили свои аппараты, и мы двинулись дальше.

Вскоре лес стал редеть и мельчать, деревья в нём становились всё более приземистыми и кустоподобными, очевидно, на этой высоте уже начиналась другая климатическая зона. Тропа попетляла через эту растительность и вновь выбралась на открытое пространство склона. Справа внизу простиралась вдаль голубеющая гладь моря, с еле видной ниточкой полуострова Ситонии на горизонте, слева вздымалась вверх зелёная с каменными проплешинами гора; с двух сторон тропы, высотой

примерно по пояс, росли какие-то густые мелколистные кустики со светло-коричневыми шишечками.

Я пригляделся к ним повнимательнее, так как в этих шишечках мне показалось что-то знакомым.

И точно!

— Отче! — воззвал я к Флавиану. — Нет, ты подивись! Ты когда-нибудь видел дубовые желуди, растущие на кустах?

— Видел, — спокойно ответил Флавиан, — в горах Кавказа и когда ходил в Приэльбрусье. Там тоже растёт местами такой карликовый кустообразный дуб.

— Понятно, — протянул я разочарованно, — всё-то вы, батюшки, в этой жизни повидали, не то что мы, мирские домоседы...

Флавиан лишь хмыкнул и не удостоил ответом мою инсинуацию.

— Посмотрите, какая красота! — отец Димитрий остановился впереди, тем самым остановив всю цепочку шествовавших по тропе паломников, и указал рукой направо, где острым гребнем, словно плавник, венчающий вздыбленный хребет огромного морского зверя, возвышалась в отдалении высокая, поросшая редколесьем скала.

Зрелище действительно восхищало.

— Смотрите, смотрите! — призвал наиболее «глазастый» из нас Игорь. — Там, на вершине, церковь стоит!

Я присмотрелся, действительно, на вершине скалы виднелось какое-то строение. Я вытащил фотоаппарат, присоединил к нему телевик, посмотрел в видоискатель, приблизил максимально изображение вершины той скалы. Там отчётливо виднелся домик с куполом, увенчанным крестом, вероятно, келия с церковью-экселией под одной крышей. Я дал посмотреть в видоискатель Флавиану, а тот Игорю. То же самое проделал Эдуард со своей «Лейкой», предложив её в качестве подзорной трубы отцу Димитрию и Владимиру.

— Надо же! — сказал Эдуард, сделав возвращённым ему фотоаппаратом несколько снимков храма на вершине скалы. — Неужели там кто-то живёт и молится?

— Вполне возможно, — ответил Флавиан, — судя по ухоженности здания, похоже, что оно не заброшено.

— Это ведь как-то туда ещё и залезть надо! — поразился я. — Интересно, с какой стороны туда тропа идёт, отсюда со всех сторон уж очень круто будет подниматься.

— На Карули ещё круче, — отозвался Игорь, — я там был один раз, по цепям, натянутым на скалы, поднимались, опасные места.

— Зачем вообще в такие дебри забираться? — недоумевая, спросил Эдуард. — Ведь есть же вполне комфортные скиты и монастыри, где всё оборудовано, где медицинская помощь, в конце концов, доступна?

— Ты бы там хотел подвизаться, отче? — повернулся Флавиан к отцу Димитрию, показав рукой на ту келию.

— Хотел бы, — задумчиво ответил тот.

— А ты? — Флавиан обратился к Игорю.

— Ещё бы! Конечно, хотел бы! — не раздумывая, ответил Игорь. — Только отец Никифор на отшельничество не благословит, не готов я ещё...

— Вот вам и ответ, — посмотрел на Эдуарда Флавиан. — Я бы тоже хотел, если бы не был приходским пастырем. Там Бог ближе! Поэтому монахи туда и карабкаются...

Эдуард посмотрел на Флавиана, Игоря, отца Димитрия каким-то детским, удивлённо-восхищённым взглядом, молча покачал головой и убрал фотоаппарат в чехол. Мы двинулись дальше.

Тропа стала понемногу забираться вглубь перелеска, постепенно переходящего в настоящий серьёзный лес. Причём лес этот был уже не такой, сквозь который мы шли после скита Святой Анны. Тот лес был лиственный, достаточно густой, но в то же время лёгкий какой-то, прозрачный. А этот лес, в который мы углублялись, всё сильнее начинал напоминать декорации к какому-то мистическому или сказочному фильму — редкие старые корявые деревья с полуобнажёнными крупными корнями и множеством спутанных перекрученных каких-то ветвей, кустарник между ними, тоже какой-то

притаившийся, небольшие ёлки тут и там, листва толстым слоем под ногами вперемешку с обломанными ветками и камнями.

— Того и гляди, сейчас леший какой-нибудь выскочит, — мрачно пошутил я, видя, что и мои спутники прониклись «харизмой» этого места.

— Да вот и он! — показал рукой Владимир на какое-то странное грязно-чёрное нагромождение поверх одного из стоящих при дорожке камней. Нагромождение зашевелилось, и стало ясно, что им было какое-то живое существо. Мы инстинктивно остановились и сдвинулись поближе друг к другу. Игорь неслучайным движением спустил с плеч рюкзак и передвинул свой тесак, поближе к правой руке.

Сидевшее на камне существо прыгнуло и перегородило нам дорогу. Оно было частично человекообразным. А частично — прежде всего крючковатым поблёскивающим клювом-носом, выпученными грязно-жёлтыми глазами и свисающими с размахивающих рук, подобно растрёпанному вороньим крыльям, обрывками длинной, похожей на рясу, чёрной одежды, — существо напоминало старую хищную птицу.

Что-то явно демоническое доминировало во всём облике этого странного существа. Шепелявя отсутствием передних зубов, при крепких, ярко выраженных клыках обеих челюстей, гнусное по виду создание хриплым каркающим голосом завопило:

— Это вы куда идёте!? В Метаморфозу идёте!? Метаморфозы хотите? Идите, идите, сломайте там себе руки и ноги! И позвоночники сломайте! И рёбра! И шен! Всё себе переломайте! Скоро не будете туда ходить! По иорам ползать будете! Скоро мы везде будем ходить-гулять!

И-эх, погуляем! О-ох, как погуляем! — Существо, радостно оскалившись, запрыгало в каком-то безумном танце.

Мы все замерли в какой-то парализующей оторопи, настолько неожиданным было явление этого существа, что мы не сразу поняли, как реагировать на его жутковато-мерзкое шоу. Первым пришёл в себя Игорь.

— Отче! Благослови «загасить»? — повернулся он к Флавиану.

— Не надо, — Флавиан поднял руку со священническим перстосложением, широким жестом осенил злобное создание знаменiem креста, то же самое повторил за ним отец Димитрий.

— «Да воскреснет Бог, и расточатся врази его...» — начал батюшка читать молитву Животворящему Кресту.

Существо остановило свой бешеный балет, словно лучами «гиперболоида», окатило нас прожигающей ненавистью взгляда безумных жёлтых глаз и, гортанно взвизгнув, нырнуло в сплетение корявых кустов.

Мы все дружно начали креститься.

— Отец Флавиан! Это что такое было сейчас, — обратился к моему батюшке заметно побледневший фотограф Эдуард, — это человек был или нет?

— Да кто ж его знает, — ответил Флавиан, — может, и человеком когда-то был, может быть, это какой-то монах-сиромеха с ума сошедший, может, и ещё чего...

Но явно не от Бога он нам благовестить пришёл!

— Было бы странно, если бы нас в этом пути Ангелы сопровождали, — улыбнулся отец Димитрий, — видимым, я имею в виду, образом! Наверное, носителям зла наше путешествие не нравится! Это хорошо!

— Почему хорошо? — не понял Эдуард.

— Потому что всё, что приносит какую-либо духовную пользу человекам, ненавистно диаволу, и он старается им во всяком добром деле препятствовать, — ответил Флавиан. — Батюшка считает, что поскольку только что виденный нами «демарш», очевидно, имеет под собой демоническую основу, то из этого следует, что наше восхождение может принести нам реальную духовную пользу. Давайте-ка, братие, усилим молитовку Иисусову, идти ещё долго, смеркаться уже начинается...

— Что это за молитва Иисусова? — спросил Флавиана Эдуард.

— Господи Иисусе Христе, помилуй мя! — ответил ему батюшка и, покопавшись в кармане подрясника,

вытащил небольшие дорожные чётки-тридцатку. — Вот, берите вот так пальцами один узелок и произнесите про себя эту молитву, потом следующий узелок, опять молитву, и так, пока не дойдёте до крестика. А на крестике скажите: «Пресвятая Владычице Богородице, спаси меня, грешного!» — и опять по кругу молитву Иисусову.

— Хорошо! — радостно взял чётки Эдуард. — Я попробую. А что, вы все так молитесь?

— Пытаемся... — ответил Флавиан.

Мы продолжили восхождение.

ГЛАВА 26. ВОСХОЖДЕНИЕ

Вскоре мы вышли из этого «заколдованного» леса с его странным обитателем (может, он и не один там такой?) и снова вошли на тропу, идущую вдоль склона над обрывом. Через сотню метров тропа повернула налево, и впереди нам открылся удивительный вид на вершину.

Закатные лучи освещали её свободную от растительности, обнажённую каменную часть, состоящую из выветренного белого мрамора, и эта беломраморная вершина в закатных лучах была сияюще золотой! Приглядевшись к ней через видоискатель фотоаппарата с «дальнобойным» объективом, можно было хорошо разглядеть правильный светлый квадратик храма Преображения Господня — Метаморфозы, также вызолоченный закатным светом. Но идти туда ещё было!

Я посмотрел на Флавиана. Он внешне был спокоен, хотя усталостная бледность на его осунувшемся за время пути лице говорила о том, как нелегко даётся ему

несение стосорокакилограммовой массы собственного тела на больных артрозно-варикозных ногах при плохо работающем сердце. Я взглянул на часы — пора было давать батюшке вечернюю дозу лекарств.

— Ваше преподобие! — обратился я к Флавиану. — Не откажите в любезности проглотить вот это!

Я протянул ему одну беленькую и одну жёлтенькую таблетки.

Флавиан с кротким видом принял от меня лекарства, запил глотком воды из поданной ему Игорем пластиковой бутылки, перекрестился и сказал:

— С Богом, братие! Осталось немного!

Интересно, что он имел в виду под «немного»? Своё здоровье, что ли?

Мы пошли дальше.

Тропа, снова представлявшая из себя земляной желоб, наполненный перекатывающимися под ступнёй камнями, теперь завела нас в ущелье, заросшее редколесьем, состоящим из негустого высокого кустарника с вкраплением в него дотоле не встречавшихся на пути сосен, достаточно высоких. Подъём становился всё круче, начало темнеть. Мы все достали маленькие налобные фонарики, одели их на чело и стали ими подсвечивать себе дорогу.

— Отец Димитрий! — крикнул Флавиан легко взбирающемуся по каменной тропе впереди идущему Лао Дн. — Вы с Володиёй и Эдуардом идите вперёд с

такой скоростью, с какой вам удобно! Встречайте нас в скиту Панагии! Там отдохнём несколько часов и перед рассветом пойдём на самую вершину!

— Хорошо, отче! — отозвался отец Димитрий. — Если нужна будет помощь, пошлите кого-нибудь из ребят!

— Ладно! — отозвался Флавиан.

Хотя по нему было видно, что ему уже совсем не ладно. Я и сам уже начал всерьёз ощущать на себе последствия пройденной части маршрута. Гудели ноги, особенно ощущались боли в бедренных мышцах, дыхание стало напряжённым и частым, сердце ощутило тяжело гоняло кровь по утомлённому организму, немели пальцы рук, сжимающие рукоятки палок, которые, наподобие лыжных, принимали на себя значительную часть нагрузки при ходьбе.

И так себя чувствовал я, не страдающий пока (слава Богу!) ни гипертонией, ни артрозом суставов, ни варикозными расширениями вен на ногах, не считая перенесённого инфаркта и прочих имеющихся у моего батюшки болячек! При одинаковом росте в сто восемьдесят шесть сантиметров я тащил восемьдесят пять килограммов собственного веса плюс около пятнадцати в рюкзаке, итого — сто!

А бедный Флавиан даже без рюкзака тащил на своих больных ногах сто сорок! Почувствуйте разницу! Я её чувствовал! В том, что начинал уже потихоньку

ныть (про себя, конечно!), раздражаться на выскальзывающие из-под подошвы камни, на трущую плечо лямку рюкзака, на бьющуюся об бок в ритм шагов пластиковую фляжку, на...

Да, на многое я уже начинал внутренне напрягаться!

В отличие от меня, Флавиан был светел, и хотя изможден, бледен, но радостен, я бы даже сказал так: «Лицо его освещалось как бы неким вдохновением изнутри!» Хотя идти ему явно было всё тяжелее. Он перешёл на «гусиный шаг», ставя ступню шагающей ноги пяткой на уровне носка стоящей, одновременно вонзая в грунт наконечник противоположной ноги горной палки. Топ-топ, топ-топ, ритмично и размеренно, согласуя шаги с дыханием и при каждом шаге шёпотом выдыхая:

— Господи — Иисусе — Христе — помилуй — мя! — Господи — Иисусе — Христе — помилуй — мя!

Совсем стемнело.

Теперь уже не видно было совсем ничего, кроме освещаемого слабым налобным фонариком отрезка тропы в несколько метров перед тобой. Какое-то время впереди ещё слышались шаги и перестук ударяющих по камням горных палок, изредка перемежающийся отдельными словами уходящих вверх наших спутников, затем и эти звуки пропали. Только молчаливо идущий метрах в пяти впереди Флавиана Игорь всё чаще оста-

навливался, поджидая батюшку и напряжённо вглядываясь в его слабо подсвечиваемое фонариком лицо.

Через каждые тридцать-сорок шагов Флавиан останавливался, зависал, опершись плечами в торцы рукояток выставленных вперёд палок, затем, слегка отдышавшись, не переставая молиться, продолжал своё восхождение. Хорошо ещё, что с наступлением темноты спала жара, и по мере нашего продвижения вверх, мы всё сильнее ощущали периодические дуновения освежающего ветерка.

Трудно понуждать себя идти вверх, когда не видишь конкретной цели, не видишь места прибытия, а только нудную, утомительную дорогу, с осыпающимися из-под ног камнями, с давящей на плечи ношей, с тусклым светом, освещающим лишь малый отрезок пути перед тобою.

Тем более, когда конечная цель тебе не известна, ты не был там и не знаешь — что это такое и вообще стоило ли тратить силы, чтобы туда идти! Ты просто поверил кому-то, сказавшему, что она есть, эта цель, и что там есть то, ради чего стоит, изнемогая от усталости, борясь с раздражением и унынием, всё-таки заставляя себя поднимать ноющую от натруженности ногу и делать ещё один шаг, и ещё один, и ещё...

И неизвестно, сколько ещё таких вымученных шагов на пределе физических и душевных сил тебе предстоит сделать! Ты просто веришь, что эта цель

когда-нибудь будет достигнута, что каждый твой шаг приближает тебя к ней ровно на один шаг и что тебе придётся, «по любому» сделать ещё ровно столько шагов, сколько их нужно сделать, чтобы дойти до этой долгожданной цели. А можно сесть и сидеть, хныча или ругаясь, или тупо молчать в изнеможенном бессилии, но тогда цель тоже перестаёт приближаться к тебе.

Всё, как в жизни.

Как важно в таком пути иметь перед собою того, кто тоже идёт к той же цели, что и ты, причём так же тяжело и мучительно, а быть может, ещё тяжелее, чем ты, ещё мучительнее, но идёт! И освещает своим фонариком путь ещё на несколько шагов дальше, чем можешь осветить ты. Он тоже верит в достижимость конечной цели, как и ты, и своим движением впереди тебя он укрепляет и твою веру, придает тебе силы и желания идти за ним дальше, не отстать и не остаться в темноте, дойти и разделить с ним радость обретения!

Впереди меня шёл Флавиан. По горе и по жизни. Нашей целью была вершина. И на горе и в жизни. А на вершине — Преображение.

Флавиан остановился.

— Всё, Лёша! Сил больше нет, давай посидим! — Он грузно, со стоном опустился на какую-то возвышающуюся на обочине кочку.

Свет игорева фонарика, оторвавшийся от нас в темноте метров на десять, тоже замер.

— Игорёк, привал! — крикнул ему я.

Светящаяся точка начала спускаться, приближаясь к нам. Игорь подошёл и присел рядом с нами на обочине тропы.

— Интересно, далеко ещё до Панагии? — поинтересовался я, сам не знаю у кого.

— Трудно сказать, — ответил за «не знаю кого» Игорь, — может, и километр или три, а может, и метров сто. Мне говорили, что Панагия появляется внезапно, в конце этого ущелья, по которому мы сейчас идём. Идёшь, идёшь, а потом раз — и уже Панагия! Там наши ребята небось уже нас ждут, очаг разожгли, поесть организовывают. Отец Дмитрий небось свой хитрый чай заваривает!

— Пошли! — улыбнулся, вставая, Флавиан. — Уж очень ты, брат Игорь, аппетитную картинку нарисовал, у Лёшки вон уже слюнки текут!

— Ничего не текут, — ответил я, поднимаясь, — хотя чашечку живительного улуна сейчас бы в самый раз!

Мы двинулись дальше.

ГЛАВА 27.

ВОСХОЖДЕНИЕ.

ИГУМЕНΙΑ ГОРЫ АФОНСКОЙ

Панагия и вправду появилась внезапно! Точнее, внезапно вверху впереди, метрах в сорока, за-светился фонарик, и голос Эдуарда позвал:

— Отец Флавиан! Батюшка! Это вы?

— Мы! — исторг из работающих как кузнечные мехи лёгких придушенный возглас Флавиан.

— Поднимайтесь сюда, отец Флавиан, вы уже почти пришли! - Эдуард осветил своим фонариком сверху оставшийся нам отрезок тропы. Пройдя ещё метров двадцать, мы увидели выделяющийся чётким контуром на фоне ночного неба известный нам ранее только по фотографиям купол маленького скита Панагия. Он оказался всего в полусотне шагов от места, где мы поднялись из ущелья. Из-под двери скита приветливо выбивалась полоска гостеприимного света.

Даже не мог себе представить раньше, сколько радости может вызвать у меня встреча с человеком, с которым расстались всего пару часов назад.

— Брат Эдуард, здравствуй! — приветствовал его я. — Как там наш ужин? Лао Ди уже заварил улун?

— Наш ужин, брат Алексей, — улыбнулся в свете фонаря Эдуард, — находится, вероятно, метров на триста или четыреста выше! А может быть, уже и на все пятьсот!

— Не понял! — вынырнул из темноты Игорь. — А где ребята?

— Они сейчас поднимаются последний пятисотметровый отрезок пути на вершину. Меня они оставили здесь, чтобы предупредить вас о том, что будут ждать вас там, наверху!

— Ничего себе! — не мог «въехать» в ситуацию я. — А чего они туда пошли-то сейчас? Мы же договорились отдыхать в Панагии и утром, перед рассветом, начинать последний подъём, как это делают обычно все паломники! И кто тогда там? — Я показал концом палки на свет из-под двери скита.

— В этом всё и дело! — снова улыбнувшись, ответил Эдуард. — Там находятся рабочие-албанцы, которые ремонтируют Панагию и что-то строят на вершине. Они не пустили нас к себе, сказав, что у них нет места, и жестами показали идти на вершину!

— Черо! — рассвирепел бывший спецназовец Игорь. — Да они у меня сейчас сами ночевать будут в овраге! Не пустить паломников! Пошли! Сейчас я посмотрю, как эти «албаносы» не пустят ночевать нашего батюшку!

Он сбросил рюкзак и решительно двинулся в сторону двери скита.

— Игорёк! — тихим голосом позвал его Флавиан.

Игорь недоуменно остановился и повернулся к бабюшке.

— Игорёк! Не ходи туда, пойдём наверх. — Еле стоящий на ногах Флавиан кивком показал в сторону вершины. — Это не «албаносы», это Бог так благословляет нас совершить то, зачем мы сюда пришли!

— Отче! — Игорь был просто вне себя от возмущения. — Да вы же сейчас упадёте! Как вам сейчас туда идти? Это невозможно!

— «Невозможное человекам возможно Богу!» — процитировал Евангелие Флавиан. — Если Бог руками албанцев отправляет нас наверх, значит, Он даст и сил дойти туда.

— Да вы там просто помрёте, по дороге! — в отчаянии махнул рукой Игорь.

— Недостоин я, брат Игорь, такого счастья — помереть на вершине Святой Горы! — улыбнулся мой бабюшка. — А значит, не помру! Пошли, чего время тянуть!

Бурча что-то под нос, Игорь взял свою поклажу, скинул её на плечи и первый двинулся в сторону видневшейся каменистой тропы, ведущей на вершину.

Мы двинулись за ним.

Теперь останавливаться приходилось всё чаще, уже не через тридцать-сорок шагов, а через десять-пятнадцать. Флавнан явно изнемогал. Да и я-то сам, вроде и не совсем уж старый и больной, даже, можно сказать, муж «спортивного обличия», а пройдя столько часов подряд всё время в гору, причём большую часть пути по изматывающей жаре, был далеко не в лучшем состоянии.

Ноги, особенно бедренные мышцы, гудели так, что хотелось, чтобы их не было вообще, «дыхалка» работала на износ, лёгкая джинсовая рубаша была мокрой насквозь, хоть выжимай! Голова кружилась от усталости, от горного воздуха и от сознания того, что Флавнан сейчас испытывает всё то же самое, только в гораздо более тяжёлой степени. К тому же и тропа вскоре превратилась в узенький, утыканный острыми камнями карниз, ндуший серпантинном вверх по крутому мраморному склону. Если сорваться вниз...

Даже думать не хотелось о том, в каком виде тебя будут хоронить.

Примерно через полчаса устроили привал. Кое-как примостились на тропе между повсюду торчащих острых каменных обломков.

— Батюшка! — обратился к Флавнану Эдуард, подождав, пока тот отдышится и немножко придёт в себя. — Скажите, а это точно, что женщины не могут находиться здесь, на Афоне?

— Точно! — кивнул Флавиан.

— Даже монахини? — опять спросил Эдуард.

— Даже монахини!

— Тогда я не понимаю... — задумчиво пробормотал фотограф.

— А в чём вопрос? — поинтересовался у него батюшка.

— Да видите ли, не знаю, как сказать, — замялся Эдуард, — я не хочу, чтобы вы подумали, что я немного «того». — Он покрутил пальцем у виска. — Хотя вот Алексей же сказал, что «то ли ещё будет»... Словом, я видел там, — он показал пальцем вниз, в сторону Панагии, — Женщину, судя по одежде, монахиню, средних лет и очень красивую.

— Когда? — не удержавшись, встрял я.

— Минут за двадцать до того, как подошли вы с батюшкой! — повернулся ко мне Эдуард.

— Как это было? — явно стараясь сохранять спокойствие, спросил его Флавиан.

— Я сидел на камне рядом с тропой, по которой должны были подняться вы, — ответил фотограф, — и, как вы меня научили, читал по вашим чёткам молитву Иисусу, я даже не скажу, сколько раз я успел её прочитать. Когда я в очередной раз прошёл весь круг узелков и остановился на крестике, я сказал, как вы меня научили: «Пресвятая Владычице Богородице, спаси меня, грешного!» И мне почему-то так легла на душу

эта молитва, что я начал повторять её дальше вместо молитвы Иисусу, перебирая узелки чётков. А когда я завершил весь круг, все тридцать три узелка, Она как раз и прошла рядом со мной!

— Просто прошла рядом? — уточнил батюшка.

— Она остановилась, посмотрела на меня очень доброжелательно, перекрестила меня рукой, улыбнулась и пошла дальше. В руке у неё был деревянный посох с небольшой перекладиной сверху!

Флавиан сунул пальцы в нагрудный карман и достал оттуда небольшую заламинированную карточку.

— Такой посох? — он протянул карточку Эдуарду.

— Такой! — удивился тот. — Подождите, да это же Она Сама! Только плащ у Нее́ был не красный, а чёрный, весь в мелких складочках! Постойте, да это же... — Он посветил фонариком поближе, чтобы разглядеть надпись на иконке. — Это что, Дева Мария?

— Эта икона называется «Игумения Горы Афонской», — ответил Флавиан. — Вы только что получили от Нее́ благословение, от Игумении Горы Афонской. Она единственная Женщина, которая ходит Своими стопами по этой земле. Кстати, «Панагия» переводится как «Всесвятая», этим именем на Афоне чаще других имён называют Матерь Божию. Оставьте себе эту икону, пусть она будет вам памятью об этой встрече!

Вы бы видели глаза Эдуарда, после того как до него дошло, что же случилось с ним менее часа назад! Впрочем, и у нас, остальных участников этого разговора, лица вряд ли были менее потрясёнными.

Кажется, даже Игорь перестал гневаться на «албаносов».

ГЛАВА 28. ВОСХОЖДЕНИЕ. ВЕРШИНА

Вероятно, под впечатлением от чудного происшествия с Эдуардом мы провели в пути последние два с половиной часа, дошли до вершины и остались живы.

Иначе не объяснить то, что мы вообще смогли всё-таки взойти туда, почти в полной темноте, карабкаясь по камням по еле видной, а порой и просто пропадающей из вида тропе, то, что никто из нас не сорвался и не громыхнулся вниз с этой тропы-карниза, то, что нас не сдуло оттуда возникшим за поворотом склона сильнейшим восточным ветром.

Я абсолютно на автомате двигал руками и ногами, нащупывая, куда наступить, чтобы под ребристой подошвой оказалась твёрдая опора, на которую можно было бы перенести тяжесть тела, чтобы сделать следующий шаг. Одновременно, действуя, словно слепой тростью, поочерёдно двумя палками, я выбирал опору для рук, балансируя на торчащих отовсюду камнях и камушках тропы.

В ушах гудел всё усиливающийся ветер, сердце колотилось, как обезумевший зверь, в грудной клетке, ноги периодически сводило судорогой, они подкашивались в самый неподходящий момент.

И несмотря на всё это, я был счастлив. Какое-то особое чувство переполняло меня, я ощущал каждой клеточкой своего тела, каждой частичкой своей души некую полноту жизни, некий особый смысл этого вползания на гору на пределе душевных и физических сил.

Я чувствовал, что вот сейчас, когда я корячусь здесь на этих выветренных веками и истоптанных тысячами паломнических стоп камнях, я получаю нечто несопоставимо большее всем затраченным мною силам, нечто неохватываемое моим заторможенным от усталости умом, нечто такое, что я могу получить только здесь и только так, нечто столь ценное для меня, что ради этого стоило и стоит продолжать карабкаться наверх, полубессознательно повторяя:

— Господи! Иисусе Христе! Помилуй мя! Господи! Иисусе Христе...

Ещё не дойдя до вершины, не зная, что там вообще есть, я уже чувствовал, что не смогу за этот подъём охватить всего того, что изобильно изливается сейчас на меня в невидимом духовном пространстве, я понял, что я должен буду прийти сюда ещё один раз, а может быть, и не один.

Про Флавиана я вообще молчу. Сколько раз он в изнеможении просто ложился вдоль тропы на этом самом карнизе, не чувствуя впивавшихся в измученное тело острых мраморных осколков. Сколько раз я думал: «Всё! На этот раз он уже не встанет!» — и прислушивался к его хрипящему дыханию. Но он вставал и снова карабкался по бесконечно тянущемуся вверх серпантину до тех пор, пока, повернув за очередной кусок скалы, мы вдруг не наткнулись на сидящего под ним отца Димитрия и свернувшегося рядом с ним калачиком в спальном мешке Владимира.

— Отец Димитрий! Это вы? — воскликнул Игорь. — А где же вершина, далеко ещё?

— Нет, вот она, за этим камнем! — Лао Ди, как всегда, кротко улыбнувшись, показал пальцем куда-то себе за плечо. — Просто мы с Володиёй решили, что первым на неё должен взойти отец Флавиан! И ждали вас здесь.

Сил говорить уже не было. Игорь молча посторонился, пропуская вперёд батюшку. Тот нетвёрдой походкой, повисая руками на гнущихся под его тяжестью палках, проковылял мимо отца Димитрия и пробуждённого им Владимира и зашёл за выступ скалы. Мы пошли за ним.

Перед нами, освещаемый неярким светом наших фонариков, возник фасад маленького здания, снаружи напоминающего сложенный из шлакоблоков гараж с

крошечным окошком посередине. Перед ним была невысокая, по пояс, стенка, сложенная как попало из камней без раствора.

Справа от постройки, вплотную примыкая к ней, возвышался известный по многочисленным фотографиям в публикациях об Афоне «русский крест» на крупном камне — самой высокой точке Афона. «Русский», потому что принесён и установлен был здесь в 1897 году шестью русскими монахами.

Мы осторожно обошли это строение слева по узкой, меньше метра в ширину, каменной дорожке, левее которой начинался падающий в бездонную пропасть обрыв. С обратной стороны здания, западной, был вход в виде простой дощатой, выкрашенной облупившейся синей краской двери с прибитой к ней толстой веткой, исполняющей роль дверной ручки. Справа от двери на стене строения, на высоте груди, был прикреплен мраморный крест, вырезанный в виде разного размера полусфер с тёмным каменным кружочком в середине.

Маленькая площадка перед входом была отгорожена с севера и запада двухметровой каменной стеной, на внутренней стороне западной стены висел небольшой, русский по форме колокол. Это и был, как мы поняли, храм Преображения Господня — Метаморфоза, храм, в котором, по пророчествам некоторых афонских старцев, будет совершена в антихристовы времена последняя на земле Божественная Литургия.

Вся площадка перед входом в храм была наполнена лежащими на «пенках» и просто в спальных мешках паломниками, их было не меньше шести-семи человек. Наш Владимир немедленно расстелил свой спальник, из которого его заставило вылезти наше появление, на свободном месте, рядом с ним устроился в своём спальнике Эдуард. Игорь вытащил из рюкзака какое-то старое суконное одеяло и, завернувшись в него, пристроился между Владимиром и Эдуардом. У нас с Флавианом и у отца Дмитрия спальников не было, мы решили войти в само здание храма.

Дверь, открывавшаяся внутрь, поддавалась с трудом, за ней явно кто-то лежал, и мы его побеспокоили своим бесцеремонным вторжением. Но деваться нам было некуда: оставаться в промокшей от пота одежде на сильнейшем ветру было самоубийством, и мы пренебрегли «политесамн». В храме было темно и ничего не видно, пришлось включить один фонарик, направив его, чтобы никого не ослеплять, в потолок.

Зрелище, представившееся нашим глазам, было кинематографически-ирреальным.

Впереди, в восточной части помещения, общей площадью не более тридцати квадратных метров, стоял простенький, неказистый иконостас, вдоль северной и южной стен были устроены такие же простые, топорной работы, стасидин. Всё пространство пола от иконостаса до двери, в которую мы протиснулись, войдя внутрь,

было устлано телами спавших как в спальниках, так и просто на подстилках, укрытых куртками, покрывальцами, тряпками паломников. Нам лечь уже было просто некуда.

Наше появление разбудило некоторых из спящих. Трое из них, высунув головы из спальных мешков, обозрели наши жалкие фигуры, привалившиеся в изнеможении к западной стене, затем переговорили о чём-то между собою шёпотом, как мне показалось, на немецком языке, затем молча встали, взяли свои спальники с пола, освобождая нам свои места на полу, и так же молча ушли спать на улицу.

«Вот оно, христианство в действии», — последнее, что я успел подумать, проваливаясь в забытьё между отцом Димитрием и Флавианом, вместе со мной рухнувшими на освободившийся пол.

Впрочем, спать нам пришлось недолго. Часа через три в окошке забрезжил рассвет, и на полу началось шевеленье, кто-то начал вставать, выходить на улицу, возвращаться, понемногу пробудились и все остальные, включая и нас. Народ повставал с пола, посворачивал рулончиками свои туристические подстилки-пенки и позасовывал их под стасидии.

Затем греческая часть паломников, а их оказалось большинство, начала молиться. Священника среди них не было. Греки, по виду самые простые рыбаки или

крестьяне, невысокие, коренастые, с обветренными лицами и мозолистыми руками, молились просто и искренне. Прилепив на стоящий в углу у иконостаса убогий подсвечник несколько восковых свечей, они достали какие-то книжки, очевидно молитвословы, и начали петь молитвы.

Мне приходилось уже многократно слышать греческое «византийское» церковное пение, причём в исполнении лучших афонских монашеских хоров: Ватопедского «живьём» и Симонопетровского на аудиодиске, не считая богослужений, на которых мы успели побывать в других греческих обителях. Это пение прекрасно.

В эпоху моей юности, в период моего увлечения такими коллективами, как «Deep Purple», «Led Zeppelin» и «Rainbow», я понял простую вещь: хорошая песня та, которую ты можешь слушать и получать эстетическое удовольствие, даже не зная языка поющего и не вникая в смысл текста. Сама музыка и эмоции вокалиста либо «цепляют» тебя за душу, либо нет.

Впоследствии, когда вместо хард-рока, джаза и симфонической «классики» я начал слушать церковное пение и собирать записи понравившихся мне хоров, я обнаружил, что и здесь работает тот же принцип. То есть, оказалось, что мне легче молиться (особенно в автомобиле, когда едешь несколько часов от Первопрестольной до любимого Покровского) под пение греков или даже православных арабов из Иорданской Церкви,

хотя я не разбираю там ни единого слова, чем под пение высокопрофессиональных (не буду называть эти известные отечественные коллективы) церковных певчих с их «разлюли-малинистым» боршнянско-ведельским репертуаром.

Правда, самыми любимыми у меня записями были подаренные Флавианом на кассетах начала восьмидесятих годов записи будничных служб в Псково-Печерском и ещё некоторых других русских монастырях. Такой искренней молитвенности малоискусных в «партесе» монахов-певчих я не слышал больше нигде и никогда.

И вот сейчас, стоя в углу в грубо сделанной стасидии Преображенского храма на вершине Святой Горы, я вдруг снова услышал те непередаваемые искренние молитвенные интонации, зазвучавшие в «деревенском» пении простых греческих паломников. Словами этого не передать. Этого можно только сподобиться.

Мне повезло, я сподобился. Слава Богу!

Помолившись с полчаса, греки собрали свои пожитки и, неуклюже раскланявшись на прощанье с нами, остающимися, покинули храм. Молиться начали немцы. Теперь я уже точно знал, что это немцы, поскольку их молитва шла на знакомом всему миру немецком языке.

Немцы были пожилые, высокие, подтянуто-спортивные, ухоженные, но без раздражающей «холёно-

сти». Их было трое. Верующие немецкие христиане, прошедшей ночью без показухи, естественным движением души показавшие нам, что такое христианство в действии, уступив обессиленным русским своё место в непродуваемом пространстве нагретого дыханием спящих храма.

Вероятно, о таких христианах говорил Христос в притче о страшном Суде: «Придите ко Мне возлюблении! Ибо, когда Я вошёл к вам измождённым и обессиленным, вы уступили Мне своё место для отдыха...». Извиняюсь, наверное, я не совсем точно процитировал.

Немцы молились минут пятнадцать, затем деликатно отошли к западной стене храма и заняли там места в стасидиях, уступая нам пространство для молитвы.

Флавиан одел епитрахиль, по традиции всех афонских храмов висящую на Царских вратах, вторая епитрахиль для отца Димитрия нашлась на гвоздике в алтаре, взятое с собою кадило даже не пришлось доставать из сумки, так как в алтаре нашлось «местное», уголь и ладан, правда, использовали наши.

Никогда не думал, что придётся алтарничать в таком месте — пути Промысла Божьего непостижимы. И я, и Игорь, и Владимир оказались «поющими». Так что молебен, а за ним и панихиду мы

отслужили вполне чинно и благолепно по форме. Про молитвенность же нашей службы лучше не буду рассказывать, это интимное, словами всё равно не передать. На «Со святыми упокой» слёзы показались даже у не знающих ни русского, ни церковно-славянского языка немцев. Хорошо помолились — слава Богу и за этот Его дар!

ГЛАВА 29. ВОСХОЖДЕНИЕ. МЕТАМОРФОЗА. ORTHODOX

Наша общая молитва в храме Преображения на вершине Святой Горы словно поставила точку над «і» в некоем духовном процессе, невидимо совершавшемся нами и с нами, в течение всего нашего восхождения на Афон. Я не знаю, как это объяснить, но я очень ясно ощутил, что я, который пропел последнее «аминь» и пошёл в алтарь вешать на гвоздик простенькое закопчённое кадило, был уже не тот я, который разжигал это кадило час назад перед начальным батюшкиным возгласом: «Благословен Бог наш!...»

И уж тем более не тот, что сошёл вчера с парома на пристань Святой Анны и начал восхождение по усыпанным мулашечьим навозом бетонным ступеням. Что-то произошло во мне, что-то изменилось, наверное, точнее будет сказать — преобразилось!

Наверное, за этим и привёл меня сюда Господь, наверное, потребность в этом и гнала меня вчера по

камням в темноте всё выше и выше, пока не привела сюда, в этот маленький, совсем ничем не примечательный бедный храмик.

Кроме того, что он стоит на вершине Святой Горы, кроме того, что он венчает собой Удел Пречистой Божьей Матери, кроме того, что ему уготована особая роль перед кончиной мира, кроме того, что именно в нём я ощутил то, чего не ощущал никогда доселе, — удивительный благодатный мир в душе.

Мир и тихую радость о Боге, уверенное ощущение непоколебимости Божьей Любви к Своему Творению, и ко мне в частности.

Я — Божий! Не свой собственный, не чей бы то ни было вообще, а только — Божий! И Он — мой! Мой Бог, мой Отец, мой Спаситель, мой самый лучший Друг, и Он никогда не перестанет быть моим, пока я хочу этого, пока я сам не откажусь от этого свойства — быть Божьим!

Я понял, что это пришедшее ко мне знание и это новое состояние души никто и ничто отныне не сможет у меня отнять, это теперь моё сокровище, неотъемлемое, непреходящее, вечное. Я не могу его потерять, я могу только добровольно, сознательно отказаться от него, но и тогда память о том, что испытал я на вершине Святой Горы, не покинет меня, но станет тем огнём, который будет жечь мою душу во веки веков. Огнём Божьей любви.

— Батюшка! Лёша! Ребята! — послышался голос Игоря из раскрытой на улицу двери. — Идите сюда, посмотрите!

Мы вышли наружу и замерли.

Земли не было. Не было Святой Горы, не было окружающего её моря, не было ничего, кроме неба. Мы стояли на небе!

Прямо от фундамента храма Преображения и на необозримое расстояние вокруг простирались ослепительные, золотисто-белые в лучах только что восшедшего солнца облака!

Храм был как бы крошечным островком среди океана сказочно красивых, пушистых, нежно колышущихся облаков. Мы — Флавиан, отец Димитрий, Игорь, Владимир, Эдуард, три пожилых немца и я — были «островитянами», «небожителями», словно бабовни-дети, проснувшиеся в день своего рождения в устроенной им Любящим Родителем сказке!

Сколько продолжалось это «стояние на облаках» сказать трудно, времени в тот момент не существовало.

— Do you speak English, Father?⁸ — обратился один из немцев к Флавиану.

— Yes, but little!⁹ — ответил Флавиан.

⁸ Вы говорите по-английски, отец? (англ.)

⁹ Да, но немного! (англ.)

— Father, we would like to thank you very much for your prayer! We know for sure that God was with us then!¹⁰ — сказал тот немец и поцеловал Флавиану руку. Два других немца последовали его примеру.

— Are you orthodox Christians?¹¹ — поинтересовался я у заговорившего с Флавианом немца. — What is your name?¹²

— Oh! Yes! Yes! We are all orthodox Christians!¹³ — закивал головой немец. — My name is Gerhard, this is my brother Klaus, and this is our friend Martin! Me and my brother are Catholics, Martin is Lutheran! We are all orthodox Christians!¹⁴

— Что он сказал? — спросил Игорь.

Я перевёл. Мы все переглянулись.

— Однако! — сказал Игорь. — Кто же тогда в их понимании «неправославные»?

— Не знаю, может, сайентисты какие-нибудь или кришнаиты, — предположил я.

— Ну, по делам-то, дай Бог, чтобы все «православные» были такими, как эти ребята, — вздохнул

¹⁰ Мы хотим сказать большое вам спасибо, отец, за вашу молитву! Мы точно знаем, что Бог был с нами в тот момент! (англ.)

¹¹ Вы православные христиане? (англ.)

¹² Как вас зовут? (англ.)

¹³ О, да, да! Мы все православные христиане! (англ.)

¹⁴ Меня зовут Герхард, это мой брат Клаус и наш друг Мартин! Я и мой брат католики, Мартин — лютеранин! Мы все православные христиане! (англ.)

Флавиан. — Такой «момент истины», какой был с ними сегодня ночью, дорогого стоит.

— I am a dentist!¹⁵ — улыбнулся Герхард. — I treated Putin!¹⁶

Я перевёл.

— Президента? — удивился Игорь.

— Он сейчас премьер-министр, — уточнил Владимир.

— Ну, всё равно, что-то крутовато! — усомнился Игорь.

— Я думаю, что он лечил Путина в Германии, когда тот в молодости там работал, — предположил отец Димитрий.

— Наверное, так, — согласился Флавиан.

— Thank you for our Putin!¹⁷ — сказал я Герхарду. — Well done!¹⁸

Немцы, а за ними и мы довольно заулыбались.

Облака вокруг нас стали понемногу опускаться и рассеиваться, показалась вся площадка вершины. Пора было начинать спуск.

Трудно вспомнить другое такое место, откуда мне так не хотелось бы уходить, как тогда от храма Преоб-

¹⁵ Я зубной врач! (англ.)

¹⁶ Я лечил Путина! (англ.)

¹⁷ Спасибо вам за нашего Путтина! (англ.)

¹⁸ Это была хорошая работа! (англ.)

ражения. Но я твёрдо знал, мне необходимо будет сюда вернуться. И я сюда ещё вернусь.

Мы собрались, распрощались с «православными» немцами, которые остались ещё на какое-то время, чтобы добросовестно, по-немецки, сфотографировать всё на вершине, и отправились вниз.

Облака спускались впереди нас, опережая нас метров на двести и понемногу обнажая розово-золотые в лучах солнца камни вершины. Спускаться было гораздо легче, требовалась только внимательность при постановке ноги на скользкие от облачной росы камни тропинки. И тут действительно наши горные палки сыграли весьма важную роль. Будучи вытянутыми на максимально доступную длину, наши телескопические посохи хорошо помогали удерживать баланс тела при спуске, особенно на сложных участках тропы, каковых там встречалось немало.

Теперь, в отличие от подъёма, когда основная нагрузка приходилась на бедренные мышцы, напротив, икры приняли на себя «главный удар». Сперва это не особо ощущалось, на общем фоне радости от всего пережитого, но уже при подходе к Панагии ноги стали напоминать о себе. Особенно Флавиану, хромота которого начала всем бросаться в глаза.

Когда нам оставалось до Панагии каких-нибудь триста — триста пятьдесят метров, снизу нам навстречу начал подниматься небольшой караван из несколь-

ких мулов, гружённых мешками с цементом и каким-то строительным инструментом, и следующих за мулами строителей-албанцев числом человек в десять.

Мы посторонились, пропуская их мимо себя наверх, благо ширина тропы уже позволяла это сделать без проблем.

— Игорь! — обратился я к нашему спецназовцу-послушнику. — Ты тут теперь «местный», объясни мне, пришельцу, эти строители-албанцы — христиане или мусульмане? Что-то крестов я на них не заметил!

— Скорее всего, мусульмане, — ответил Игорь, — говорят, встречаются среди албанцев-рабочих на Святой Горе и христиане, только я таких не видел пока!

— Скажи, — не унимался я, — а какая нужда афонским монастырям нанимать мусульман на работу по строительству и ремонту христианских церквей и монастырей? Неужели строителей христиан не хватает?

— Ну почему, — ответил Игорь, — есть и строители христиане, грузины, например, они в основном всю деревянную работу делают, балконы, стропила, обрешётку, это у них традиционное мастерство в Грузии. Работают и украинцы, и молдаване, и румыны. Греки тоже работают. Просто говорят, что албанцы — хорошие мастера именно по камню, да и дешёвые они работники...

— Ох! Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной! — вздохнул о чём-то своём Флавиан.

— Понятно... — протянул я.

Мы спустились к самому зданию скита.

— Заходить будем? — спросил я у Флавиана.

— Зачем? — спросил в ответ он. — Как я понимаю, там сейчас просто строительная «общага», ни храма, ни святынь нету!

— Ну да, ты прав! — согласился я.

Мы присели передохнуть на каменный фундамент.

Эдуард был молчалив и задумчив.

— Брат Эдуард! — решил я вывести его, как мне показалось, из грустного настроения. — Что-то ты нынче загрустил?

— Что ты, Алексей, — в первый раз обратился ко мне на «ты» Эдуард, — я совсем не загрустил! Я просто всё время думаю о Ней! — Он вынул из кармана и показал мне подаренную ему Флавианом икону «Игуменнии горы Афонской». — Она прошла мимо меня прямо вот здесь, мне никогда никто на западе не поверит! Все подумают, что я сошёл с ума или делаю себе «пиар»!

Эдуард поднялся и показал рукой место, где ступала нога Богоматери.

— Если бы я сразу понял, что это Она! — Он встал на колени и поцеловал камни, по которым прошли стопы Пречистой Девы.

— И что бы ты сделал? — спросил его Владимир.

— Не знаю, — искренне растерянно ответил Эдуард.

— Слава Богу за всё! — перекрестился отец Дмитрий.

Мы все перекрестились вслед за ним.

— Смотрите! — позвал нас Владимир. — Ещё один караван с погонщиком.

Мы обернулись.

Действительно, снизу из ущелья поднялся и направился в нашу сторону караван из связанных между собою верёвкой, один за другим, семерых мулов, ведомых идущим впереди молодым парнем в спортивных штанах, стоптанных китайских кроссовках, потёртой джинсовой куртке и чёрной вязаной шапочке.

Подойдя к нам, он заговорил с отцом Дмитрием на ломаном греческом языке.

— Наверное, тоже албанец, — заметил Владимир, — тоже креста не носит.

— И чего он от нас хочет? — спросил я отца Дмитрия, когда тот, кажется, наконец понял, о чём говорит этот «караванщик».

— Он предлагает погрузить наши рюкзаки на мулов и за двести евро спустить их до набережной, чтобы мы могли идти налегке.

— О'кей! — сказал я. — Только не за двести, а за сто! Жирно ему будет на монастырских мулах такие деньги зарабатывать, тем более на спуске! Да и рюкзаки у нас не особо тяжёлые, не сравнить с мешками цемента, которые мулы наверх таскают.

Отец Дмитрий что-то сказал албанцу. Тот согласно закивал.

— Он согласен, — подтвердил отец Димитрий.

— Я так и думал, зря, что ли, он сюда поднимался! — Во мне проснулся «деловой человек». — Отец Димитрий, скажите ему, что я дам ему ещё сто, если он спустит к набережной на муле отца Флавиана!

Флавиан удивлённо уставился на меня.

— Ты чего это Лёша, придумал?

— Небольшую увлекательную верховую прогулку для вашего преподобия! — улыбнулся ему я. — А то я не вижу, отче, как ты уже сейчас хромаешь-ковыляешь! Сколько ты ещё сам пройти сможешь? Мы, конечно, хоть и не мулы, но дотащим тебя до арсаны, если понадобится, но мулы всё-таки для этого и предназначены! Да и должен же кто-то присмотреть за нашими рюкзаками во время их транспортировки, а то я честному выражению лица этого «караванщика Али» не очень доверяю!

— Он прав, батюшка! — поддержали меня все остальные. — Вам действительно лучше спуститься на муле! Да и мы быстрее сможем спуститься, может быть, на паром в сторону Дафни успеем!

Под напором коллектива Флавиан вынужден был сдаться.

Как мы усаживали его верхом на деревянное седло — песня особая! Как говорят сейчас — «жесть»! Главное — усадили! Головному мулу потёрто-белого цвета, которому досталось транспортировать драго-

ценный для меня груз Флавиановых сто сорока килограммов, эта работа явно не понравилась.

Но погонщик, называвший этого мула необычным именем «Зебро», всё-таки смог привести четвероногого подчинённого в состояние послушания и, получив деньги вперёд, шустро отправился со своим караваном вниз.

— Ну, я хоть теперь за батюшку спокоен! — вздохнул я с облегчением. — Да и мы теперь пойдём налегке пошустрее!

— Наверное, всё-таки не надо было ему деньги вперёд отдавать, — вздохнул чем-то обеспокоенный отец Дмитрий.

— Да там же батюшка! — успокоил его я.

И мы налегке отправились вниз.

ГЛАВА 30. ЗЕБРО

Нет, ну почему я не всегда прислушиваюсь к мнению пастырей!

Конечно же Лао Димитрий оказался прав (кстати, «лао» с китайского переводится как «старый», применительно к батюшке это может читаться — «старец»)!

Едва мы налегке спустились вниз к источнику у третьего Креста, туда, где сходятся все тропы, от Святой Анны, от Карули и от Великой Лавры, как, выйдя из зарослей кустов, обнаружили Флавиана, сидящего с довольным видом на камушке в окружении наших рюкзаков!

— Где ишаки?¹⁹ — после «немой сцены» издал я возмущённый глас.

— Пошли к себе домой! — радостно ответил мой духовник.

— Why!¹⁹ — от возмущения духа заговорил я вдруг на иностранном языке.

¹⁹ Почему? (англ.)

— Because!²⁰ — всё так же весело отвечал Флавиан, явно довольный своим нынешним положением. — Потому что Зебро устал, и ему надоело предпринимать бесплодные попытки втихоря от погонщика скинуть меня куда-нибудь в овраг! Когда мы дошли досюда, погонщик начал щупать Зебро со всех сторон, а затем на вполне приличном английском объяснил мне, что Зебро невозможно дальше нести такой груз, как я, что он прямо сейчас может умереть от разрыва сердца, и мне надо срочно с него слезать. Правда, если ему добавить ещё двести евро, то Зебро может и не умереть и довести меня вниз до набережной.

Но поскольку мне уже надоело сражаться с мулом каждый раз, когда он пытался скинуть меня в очередной овраг или пропасть, то я решил не поддаваться на шантаж, и в результате сижу и дожидаясь вас здесь!

— Ох! Встретится мне этот караванщик, — грозно проворчал Игорь.

— Если встретится, передай ему мою благодарность за то, что избавил вас от участи вытаскивать моё немаленькое тельце из какого-нибудь оврага, куда умный Зебро непременно скинул бы меня в конце концов! И я его, то есть Зебро, понимаю! Какая же нормальная скотина повезёт такую тушу, которая ещё и в этом садистском седле усидеть-то спокойно не может!

²⁰ Потому что! (англ.)

— Прости меня, отче, — смиренно склонил перед Флавианом голову я, — это я опять доставил тебе проблемы!

— Да брось ты, Лёшка! — рассмеялся Флавиан. — Значит, мне надо было всё это потерпеть! К тому же «верховая прогулка» получилась и вправду увлекательной! Чистое родео!

Ну и что мне на это было отвечать?

Я молча взял свою поклажу и, подмогнув Флавиану подняться, двинулся дальше, творя покаянную молитву.

Знаете, что самое тяжёлое при затяжном спуске с горы, причём с уже «убитыми» как следует ногами?

Ступеньки!

Казалось бы, наоборот — ступеньки избавляют от необходимости выбирать точку опоры между выскальзывающими из-под подошвы камнями, ступеньки дают ровную плоскую поверхность с предсказуемым размером шага!

Ан нет! Как раз вот эта-то плоская поверхность, на которую с высоты предыдущей ступеньки бухается всем весом тела на пятку нога, икроножные мышцы которой уже воют всеми волками мира, и есть — главная беда!

На наклонной поверхности тропы есть шанс подъехать подошвой с носка на пятку, наступить помягче ребром стопы и много ещё разных вариантов смягчить

тяжесть ударной нагрузки на суставы и мышцы. А на ступеньках этот номер при спуске не пройдёт!

Только жёсткое «бух, бух, бух!» — всей массой на пятку! Да так, что отдаёт не только в коленном суставе, а аж в основании черепа! И так пару километров, и по открытому для солнца участку, да при температуре на солнце под плюс пятьдесят градусов!

А если в тебе сто сорок килограммов?

В общем, то, что спустилось на пристань Святой Анны вместо Флавиана, назвать живым человеком уже было нельзя! Да и все мы, конечно, за исключением, пожалуй, худенького отца Димитрия, выглядели совсем не блестяще. Но Флавиан был, как выразился Игорь, просто «уделан в хлам»!

Кое-как мы с Игорем усадили его в еле найденном теневом уголке на выжигаемой солнцем набережной, напоили свеженалитой из крана тёплой водой, естественно, вприкуску с таблетками, намочили под краном Флавианову холщёвую скуфейку и, отжав, водрузили на его большую мудрую голову.

Затем нам пришлось держать «совет в Филях» относительно того, как нам теперь выбираться отсюда в Пантелеимон, поскольку последний рейс парома ушёл уже около часа назад, как раз когда мы из благодатной тени леса вступили на эту пыточную лестницу.

Очень красиво, кстати, сверху смотрится отходящий от пристани белый кораблик, оставляющий

после себя на лазурном море длинную пенную дорожку...

Но когда подумаешь, что до завтрашнего утра отсюда просто не на чем выбраться!

Нет, можно, конечно, опять подняться паруклометров по лестнице до архондарика при кирнаконе и попроситься на ночлег. Причём, скорее всего, на ночлег нас пустят...

Но! Вы представляете себе такое путешествие обратно вверх по лестнице?

Вот и мы тогда тоже не представляли.

Не говоря уже про сидящего «в отключке» Флавнана. А солнышко пекло!

Видно, Флавнан не просто сидел в бессознательном состоянии, а молчал (кстати, так потом и оказалось). Иначе я ничем не могу объяснить внезапно возникшую у меня мысль порыться в заднем кармане джинсов. Чего я там искал? Я так этого и не вспомнил. Но зато что я там нашёл! Бумажку с цифрами — номер телефона «губернатора Дафин» Яниса!

Я подпрыгнул от радости.

— Ребята! У кого телефон не разрядился?

Все ринулись доставать телефоны. Не разряженным оказался только один телефон. Отгадайте чей?

Правильно! Батюшки Дмитрия! Потому что он ещё вчера, как только мы сошли с парома на пристань, благоразумно отключил его!

— Алло! Алло! Янис! Здравствуй!

— Здравствуй, дорогой! Чем могу помочь?

— Янис! Срочно нужен катер на шесть человек от Агиа Анны до Пантелеимона!

Пауза.

— Сто сорок евро, устроит?

— Устроит!

— Ждите! Через пятнадцать минут катер будет!

— Евхаристо, Янис!

— Паракало! Пожалуйста, дорогой!

Катер прибыл через четырнадцать минут.

Не знаю, нужно ли описывать, как мы неслись на глассере с двумя здоровенными моторами марки Honda, заставляющем со снисходительной улыбкой вспоминать «тихоходные болиды» «Формулы-1», как выгружались мы со стопами на арсану Пантелеимона, ползли нижней дорогой с набережной в архондарик, как падали на койки и теряли связь с окружающим миром.

Помню смутно открытую дверь в мою келью, улыбающееся лицо схимника Александра и его будничную констатацию спокойным голосом:

— И этот не живой!

Дальше провал.

Следующее воспоминание начинается с корабельного трезвона в «рынду» архондаричего, его гулкий покрик по коридору:

— Бдению время, молитве час! Прилежно возопи-
ем Богу: «Господи! Иисусе Христе Боже наш, помилуй
нас!» — который заставит подняться и мёртвого.

Помню, как что-то подняло меня, заставило бы-
стро переодеться в чистую одежду и, преодолевая боль
в раздувшихся ногах (пришлось надеть шлёпанцы для
душа, в мокасины ступни не влезали), подниматься
ПО СЕМИ ЛЕСТНИЧНЫМ ПРОЛЁТАМ в мой
любимый Покровский храм. И первое, что я увидел,
подойдя к своей любимой стасидии, был сидящий в ней
Флавиан!

— Ой! Прости, Лёша, занял твоё место! А я по-
думал, что ты отдыхаешь и не придёшь!

— Две красненькие и одну жёлтенькую выпил? —
это всё, что я смог выдавить из себя от возмущения.

— Забыл... — смиренно потупил глаза Флавиан.

Что-то произошло со мной там, на горе, на вершине Афона, какая-то «метаморфоза». Вроде бы я всё ещё тот, что был до того восхождения, а уже и не тот...

Не знаю, как это объяснить, но тот мирный дух, который пришёл ко мне после молитвы в храме Преображения, не покидает меня до сих пор.

«Бог — мой! Я — Божий!» — это непоколебимое знание теперь даёт мне силы в любых жизненных ситуациях, проблемах и скорбях.

Иногда мне снится, что я снова стою на небе, рядом с Флавианом, Лао Димитрием, Игорем, Эдуардом и всеми теми, кого я люблю и кто мне дорог, и ещё со многими теми, кто мне не знаком.

Но я чувствую, что и с ними меня тоже связывает Любовь.

Которая есть Бог.

Я смотрю в их светлые лица, и в каждом из них мне видится улыбающееся лицо «монаха» Феологоса.

И, просыпаясь, я знаю, что так будет.

Надо только, не прерывая усилий, падая, изнемогая, задыхаясь и умирая от бессилия, продолжать восхождение внутри самого себя, восхождение длиною в жизнь.

Повторяя с каждым вдохом и выдохом, с каждым ударом сердца:

— Господи! Иисусе Христе! Помилуй мя!

Иринка, кстати, сразу почувствовала во мне эту «метаморфозу», ну да, она же — женщина! Ей «положено» всё чувствовать!

— Ты, Лёшка, вернулся какой-то не такой, — сказала она, встретив меня на пороге, когда я ввалился на крыльцо, опалённый греческим солнцем, всё ещё в банных шлёпанцах (ноги пришли в нормальное состояние только дней через пять после возвращения), с рюкзаком за спиной и двумя пятилитровыми канистрами греческого оливкового масла в руках.

Взяв в свои ласковые ладони моё бородатое, обветренное на вершине, со слезающей от солнечного ожога кожей лицо, она чутко вглядывалась в него какое-то время, потом приподнялась на цыпочках и поцеловала.

— Но такой ты мне даже больше нравишься! — заявила она, обнимая меня за шею.

— В дом пустишь?

— Ты представляешь, что там сейчас с тобой будет? Они только что проснулись и уже кидаются подушками!

— А кому сейчас легко! — вспомнил я свою старую любимую поговорку.

И добавил новую:

— Надо ещё немножко потерпеть, а потом погрём, и всё будет хорошо!

— Амины! — ответила любимая жена.

Новосергиево. Март 2010 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. ОСТОПУС	5
Глава 2. МАРИЯ	21
Глава 3. ДОСТОЙНО ЕСТЬ.....	31
Глава 4. СТАРЦЫ	44
Глава 5. ЯНИС	58
Глава 6. ГУН-ФУ-ЧА.....	68
Глава 7. МОНАШЕСТВО	86
Глава 8. РАЙ.....	95
Глава 9. ФЕОЛОГОС	106
Глава 10. СХИМНИК АЛЕКСАНДР	115
Глава 11. ПОКРОВСКИЙ ХРАМ.....	128
Глава 12. АФОНСКАЯ НОЧЬ	135
Глава 13. ПАПА ГЕРАСИМ	144
Глава 14. ПАПА ГЕРАСИМ И Я	152
Глава 15. ПАПА ГЕРАСИМ И ФЛАВИАН.....	158
Глава 16. ЕВХАРИСТИЯ	168
Глава 17. МЕЛЬНИЦА ПРЕПОДОБНОГО СИЛУАНА.....	181

Глава 18. ТРИЛЛЕР	191
Глава 19. ИВЕРСКАЯ	203
Глава 20. ПРОБУЖДЕНИЕ	211
Глава 21. ВОСХОЖДЕНИЕ. НАЧАЛО	216
Глава 22. ВОСХОЖДЕНИЕ. АГИА АННА	224
Глава 23. ВОСХОЖДЕНИЕ. ЛЕСТНИЦА	231
Глава 24. ВОСХОЖДЕНИЕ. ДЗОТ	239
Глава 25. ВОСХОЖДЕНИЕ. ЛЕШИЙ	250
Глава 26. ВОСХОЖДЕНИЕ	259
Глава 27. ВОСХОЖДЕНИЕ. ИГУМЕНΙΑ ГОРЫ АФОНСКОЙ	266
Глава 28. ВОСХОЖДЕНИЕ. ВЕРШИНА	273
Глава 29. ВОСХОЖДЕНИЕ. МЕТАМОРФОЗА. ORTHODOX	283
Глава 30. ЗЕБРО	294
ЭПИЛОГ	301

Литературно-художественное издание

Торик Александр, протонерей

ФЛАВИАН. ВОСХОЖДЕНИЕ

Повесть

Верстка А. Стрельченко, Н. Поленов

Подписано в печать 20.06.2011.

Формат 70х100/32. Печ. л. 9,5.

Гарнитура Академическая.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 9 000 экз. Заказ 7867

АГИОН ОРОС

agion-oros-press@mail.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

1050

– Отец Александр! Скажите, Афон и сегодня является главным духовным центром Православия?

– Афон – это проекция Неба на земле. Афон – это место, где “перегородка” между духовным и земным мирами необыкновенно тонка. Афон – это место, где молитва словно разлита в воздухе, и всякий, жаждущий прикоснуться к ней, получает такую возможность без того, порой мучительного, труда, который необходим для этого здесь. Афон – это место, где чудо становится привычной реальностью, и живущие там монахи порой перестают чувствовать эту грань. Афон – это место, куда непрестанно тянется душа каждого стремящегося к настоящей духовной жизни христианина, побывавшего хоть раз на этом благодатном полуострове. Афон – это моя большая любовь!

– Отец Александр! А есть ли сейчас на Афоне благодатные духоносные старцы?

– Для того, чтобы узнать свой путь спасения, нет необходимости каждому христианину обязательно обращаться к духоносным старцам – Господь может для нуждающегося в старческом совете из любого приходского священника сотворить старца, по вере обращающегося. А вот учителя подлинной монашеской жизни на Афоне есть, Слава Богу.

ISBN 978-5-905462-03-0

9 785905 462030